

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«ХУДЖАНДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ
АКАДЕМИКА БОБОДЖАНА ГАФУРОВА»**

На правах рукописи

НИЗОМИДИНОВА РУХСОРА АБДУЖАМИЛОВНА

**ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ И ЛЕКСИКО-ТЕМАТИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ «ДАНИШ-НАМЕ-И КАДАРХАН» АЛЬ-ФОРУКИ**

Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук
по специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-
сопоставительная лингвистика (филологические науки)

Научный руководитель:
кандидат филологических наук,
доцент **Гиясов Н.И.**

Душанбе-2025

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава I «Даниш-наме-и Кадархан» аль-Форуки – лексикографическое произведение начала XV века.....	14
I.1. «Даниш-наме-и Кадархан» аль-Форуки и лексикографические традиции классического периода развития языка	14
I.2. Сведения о «Даниш-наме-и Кадархан» в контексте развития персидско-таджикской лексикографии XV века...	23
I.3. Источники словаря и его структура	42
I.4. Кодикологические сведения о копии «Даниш-наме-и Кадархан»	62
I.5. Явление фонетической вариативности в исследуемом словаре.....	64
Выводы по первой главе.....	89
Глава II Этимология и лексико-тематическая классификация лексических единиц «Даниш-наме-и Кадархан» аль-Форуки.....	93
II.1. Этимологический анализ лексических групп «Даниш-наме-и Кадархан»	93
II.2. Лексико-тематические группы словарных единиц «Даниш-наме-и Кадархан».....	115
II.3. Медицинская лексика и терминология в словаре.....	162
Выводы по второй главе.....	177
Заключение	179
Список литературы	187

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. История лексикографии уходит корнями в глубокую древность, и первоначально ее основным назначением было толкование и интерпретация лексики, непонятной почитателям поэзии и прозы, словосочетаний и предложений, оставленных на полях произведений в форме заметок. Начиная с древних времен и в последующие века произведения персидско-таджикской литературы обладали невероятно красивым и изысканным языком, полным замысловатой лексики, и чтобы обычные читатели, также знатоки слова и рифмы не затерялись в этом глубокомысленном и витиеватом словесном море словосочетаний и выражений и не испытывали трудностей в понимании их смысла и содержания, словари и энциклопедии всегда пользовались у них огромным спросом. Несомненно, произведения поэзии и прозы относятся к категории «книг», а толковые словари с пояснениями и интерпретацией лексики литературных произведений признаны без какого-либо преувеличения «книгами книг». Персидские словари всегда считались полезным и важным инструментом для раскрытия значения трудных слов и замысловатых оборотов, часто встречающихся в поэтических и прозаических текстах, давали возможность погрузиться в неизведанную глубину их смысла и значений.

Персидско-таджикская лексикография за многовековую историю разработала широкий спектр произведений, стилистика и языковые различия которых обусловлены временем и спецификой их создания. И на каждом этапе развития языка и литературы возникают явления и тенденции, которые придают каждому этапу развития языка своеобразную сущность и становятся основанием для классификации, связанной с возникающими языковыми и художественными особенностями. Следует отметить, что лексикография играет уникальную роль в осмыслении персидско-таджикской-дари поэзии и прозы и внесла существенный вклад в развитие литературы.

Развитие лексикографии неразрывно связано с эволюцией персидско-таджикского языка и литературы, так как язык литературных произведений

постоянно находится в состоянии трансформации и обновления, количество литературных произведений увеличивается, и, как следствие, зарождается потребность в толковании и интерпретации сложных и непонятных слов. Начиная с XI и вплоть до XIX века, на протяжении всей истории собственного существования, словари стали важной частью персидско-таджикской литературы. Словари «Лугат-и фурс» («Персидский словарь») Асади Туси, «Фарханг-и Каввас» Фахра Кавваса, «Сихах-ул-фурс» Нахдживани, «Фарханг-и Джахонгири» («Словарь Джахангира») Хусайна Инджу, «Бахор-и Аджам» («Весна Аджам») Бахора, «Фарханг-наме» («Словарь») Хусайна Вафаи, «Фарханг-и Рашиди» («Словарь Рашиди») Абдуррахмана Таттави, «Бурхон-и котеъ» («Неоспоримое доказательство») Мухаммада Хусайна Халафи Табрези, «Гияс-уль-лугат» Мухаммада Гиясуддина Ромпури, «Чароги хидоят» («Путеводный свет») Алихана Орзу внесли значимый вклад в развитие персидско-таджикской литературы. Среди множества словарей можно назвать и «Данишнаме-и Кадархан» Ашрафа ибн Шарафа аль-Музаккира аль-Форуки, который, наряду с вышеперечисленными словарями, был написан в целях интерпретации лексики персидско-таджикских литературных произведений. Упомянутый словарь входит в состав лексикографических произведений классического периода развития языка, написанных в литературной среде Индийского субконтинента, и до сих пор остается неизвестной и неисследованной страницей для большинства специалистов лексикографической науки. Причиной расцвета лексикографии на Индийском субконтиненте, в том числе написания аль-Форуки «Даниш-наме-и Кадархан», является то, что с течением времени, попутно с развитием литературы, на этой территории возникло множество проблем, связанных с правильным и разумным пониманием содержания литературных произведений, что обусловило создание подобных лексикографических произведений.

Причина отсутствия сведений и малочисленность ссылок на упомянутое лексикографическое произведение классического периода развития языка кроется в отсутствии его копий и ссылок на него в трудах более поздних

лексикографов. После обнаружения копии словаря в музейном хранилище Азербайджана и её краткого изучения исследователи получили некоторые сведения об этом словаре. В литературе и языкознании обширных исследований о «Даниш-наме-и Кадархан» не существует, упоминания о нем крайне редки, и до сих пор лексика словаря, его лексикографические особенности в достаточной степени не исследованы. Исследование некоторых лексикографических особенностей словаря «Даниш-наме-и Кадархан» откроет новую перспективу для разработки персидско-таджикской лексикографии в новом видении и предоставит арену для научных дискуссий. Исследование словаря станет еще одним важным фактом в истории развития персидско-таджикской лексикографии, проливающим свет на развитие персоязычной литературы Индии классического периода развития языка.

Степень изученности темы исследования. Таджикско-персидская лексикография в силу её своеобразия уже давно привлекает внимание исследователей. Помимо научных исследований, проведенных в Таджикистане, до настоящего времени ряд важных исследований по персидско-таджикской литературе осуществлен в России, Азербайджане, Армении, Узбекистане, Иране, Афганистане, Пакистане, Индии.

Изучение древних и современных словарей не раз становилось предметом труда ученых и специалистов в области таджикско-персидской литературы и языкознания, ученых Советской эпохи, стран Запада и Востока. Фундаментальные исследования российских ученых В.В. Виноградова [100], С.И. Баевского [97, 98], Ю.А. Рубинчика [117], Л.С. Пейсикова [114], А.Б. Халидова [85], А.К. Боровкова [99, 180], В.Г. Гака [181], С.И. Ожегова [46], Л.В. Щербы [124, 170] посвящены теоретическим проблемам и практическим вопросам персидско-таджикской лексикографии, толковым словарям, двуязычным словарям и показу их роли в становлении и развитии лексикографии на разных эпохах существования персидско-таджикской литературы. Серия исследований, осуществленных известными учеными Ирана, Индии и Пакистана, связана с актуальными вопросами лексикографии

как науки и отдельной отрасли языкознания. Публикация древних словарей считается в Иране одним из важнейших направлений научной деятельности исследователей этой страны, и выдающиеся ученые Саид Нафиси [21], Алиакбар Деххуда [18], Мухаммад Муин [39], Мухаммаддабир Сияки [42], Азизуллах Джувайни [25], Аббас Икбал [13], Махди Мухаккик [20] и др. внесли огромный вклад в изучение персидско-таджикской литературы, создавая и исследуя лексикографические произведения, оказывая огромное содействие в познании красоты классической восточной речи, демонстрируя силу слова и его широту посредством лексикографических произведений. Следует отметить существенный вклад таджикских ученых и исследователей М. Шукурова [29, 30, 88], Р. Хошима [29, 30, 169], Д. Саймиддинова [83, 181], С. Назарзода [31, 32, 71], Х. Рауфова [76], А. Вахидова [127], Н. Гиясова [2, 3, 60, 61, 62, 147, 148, 149, 182, 183, 184], А. Насриддинова [72, 73, 74, 133], А. Хасанова [63], Д. Бахриддинова [54], С. Саидова [81,135], Ф. Гиясовой [8,9, 128], Р.Д. Каримходжаевой [129], А.Отахоновой [75,162], М.Уруновой [139], А. Ходжиева [122], М.А. Сатторовой [82, 205], М. Ходжаевой [121, 140], М.Д. Калоновой [153, 154, 193], М. Сатториён [166,167], М. Косимовой [156, 157] и др. в исследовании разнообразных аспектов древних лексикографических произведений.

Об исследуемом нами словаре следует отметить, что, хотя за прошедшие сто пятьдесят лет большой группой таджикских ученых проработано множество древних, классических и современных словарей, на «Даниш-наме-и Кадархан» аль-Форуки имеются лишь отдельные ссылки, которые в целом не могут раскрыть даже малой толики его научной и литературной ценности. Впервые данная тема была затронута таджикскими учёными Рахимом Хашимом и Шарифджоном Хусейнзода в статье [169, 209-222], опубликованной к 1100-летию Абуабдуллаха Рудаки в 1958 году, в которой даны краткие сведения о лексикографических особенностях и времени составления исследуемого произведения. Сведения представлены в связи с исследованиями поэзии Абуабдуллаха Рудаки. Далее С. Я. Баевский в

фундаментальной монографии «Ранняя персидская лексикография X-XV вв.» представил сведения о «Даниш-наме-и Кадархан» в относительно большем объеме [97]. В 1372/1994 году была опубликована статья иранского ученого Исмаила Хоками «Даниш-наме-и Кадархан» и персидские словари» [174, 20], которая была написана после издания монографии С.И. Баевского и, по нашему мнению, её автор полагался в основном на мнение русского ученого.

В диссертации Нуроншоха Рахмонзода [78, 90-92], посвященной лексическим и лексикографическим особенностям первых словарей – фархангов Северной Индии, имеется всего три кратких цитаты о «Данишнаме-и Кадархан» аль-Форуки, причем автор также ссылается на упомянутую статью Р. Хошима и Ш.Хусейнзода и сведения из труда С.И. Баевского. Все упомянутые ссылки содержат общие и поверхностные сведения и не затрагивают каких-либо проблем, дающих оценку литературной, языковой и исторической ценности «Даниш-наме-и Кадархан» аль-Форуки. Следует отметить, что в 2013 г. в Худжанде по инициативе таджикского ученого-лексикографа Н.И. Гиёсова и автора диссертации исследуемый словарь был подготовлен к изданию под названием «Словарь Кадархана» (факсимиле) с введением и комментариями [2].

Объектом диссертационного исследования является словарь XV века «Даниш-наме-и Кадархан» авторства Ашрафа ибн Шарафа аль-Музаккира аль-Форуки.

Предметом диссертационного исследования является исследование лексикографических особенностей «Данишнаме-и Кадархан» Ашрафа ибн Шарафа аль-Музаккира аль-Форуки.

Цель исследования. Основной целью исследования является представление неизвестного персидско-таджикского лексикографического произведения XV века «Даниш-наме-и Кадархан» Ашрафа ибн Шарафа аль-Музаккира аль-Форуки и выявление некоторых лексикографических особенностей изучаемого словаря.

Для достижения намеченной цели нами были определены следующие

исследовательские задачи:

- общий обзор теоретико-методологических исследований первых толковых персидско-таджикских словарей;
- изучение предпосылок и факторов формирования лексикографии в Средние века на Индийском субконтиненте;
- представление биографических сведений, касающихся автора словаря, и описание социально-политической обстановки в период написания «Данишнаме-и Кадархан» аль-Форуки;
- характеристика композиционного строя «Даниш-наме-и Кадархан» аль-Форуки;
- представление сведений об источниках «Даниш-наме-и Кадархан» аль-Форуки и показ влияния древних толковых словарей на его формирование;
- кодикологическое исследование рукописи словаря и его копий;
- этимологическое исследование словарных единиц исследуемого словаря;
- установление тематических и лексическо-семантических групп словарных единиц «Даниш-наме-и Кадархан» аль-Форуки.

Методология исследования. Для осуществления задач, поставленных в диссертации, применены общенаучные методы и подходы, специализированные научные методы выявления лексикографических особенностей толковых словарей, лексико-семантический, сравнительный, исторический и статистический методы.

Научная новизна настоящего исследования выражается в том, что оно является первым опытом комплексного анализа персидско-таджикского словаря классического периода развития языка, составленного на Индийском субконтиненте, - «Даниш-наме-и Кадархан» Ашрафа ибн Шарафа аль-Музаккира аль-Форуки, и раскрытия его лексикографических особенностей. В таджикской лексикографии не существует всесторонних исследований, касающихся настоящего словаря. Впервые представлены авторские трактовки структурно-тематического содержания словаря и его особенностей,

проливающие свет на некоторые проблемы становления персоязычной лексикографии классического периода развития языка на Индийском субконтиненте.

Источники исследования. Теоретическим литературоведческим источником для написания диссертации послужила книга «Даниш-наме-и Кадархан» (факсимиле текста) с введением и комментариями, опубликованная в Худжанде в 2013 году, а также научные труды отечественных и зарубежных литературоведов.

Теоретической базой исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых-филологов, языковедов-лексикографов Л.В. Щербы [124, 170], С.И. Баевского [97, 98], В.А. Капранова [102, 103], В.А.Рубинчика [117], Л.С.Пейсикова [115], Д.Саймиддинова [82, 179], А. Насриддинова [72, 73, 74], Н. Гиясова [3, 61, 62, 147, 182, 184, 185]. А. Хасанова [63] А. Вахидова [126], Н. Рахмонзода [78] и др. Широко использовались также труды и монографии других исследователей в области литературоведения и языковедения.

Теоретическая значимость исследования выражается в том, что словарь «Даниш-наме-и Кадархан» аль-Форуки исследован в контексте общетеоретических аспектов лексикографии классического периода развития языка как неотъемлемая часть процесса формирования персидско-таджикского лексикографического мировоззрения: раннего персоязычного лексикографического мировоззрения на Индийском субконтиненте (XV век), предпосылок его развития в указанном литературном ареале. При исследовании осуществлен анализ лексикографических особенностей согласно научным подходам, в том числе антропоцентрического подхода, а также представлен опыт комплексного системного анализа лексикографического материала с последующим выявлением характерных лексикографических особенностей, выявлены структурно-семантические аспекты толкового словаря классического периода развития языка. В процессе исследования особенностей формирования лексикографии классического периода развития языка выявлены источники и особенности составления

словарей на Индийском субконтиненте, разработка которых окажет содействие в обогащении научно-теоретической базы для последующих исследований в области лексикографии.

Практическая значимость диссертации обосновывается тем, что положения и выводы работы могут оказать содействие в освещении неизвестной страницы лексикографии классического периода развития языка, систематическом всестороннем исследовании общих проблем персидско-таджикской лексикографии, в разработке новых толковых словарей. Результаты исследования могут быть использованы в практике вузовского обучения приёмам литературоведения и языковедения, при чтении теоретических и практических курсов по истории таджикской лексикографии, о взаимосвязи лексикографии с другими лингвистическими областями, а также историей.

Достоверность результатов исследования. Результаты исследования использованы при проведении практических занятиях на факультете восточных языков ГОУ «Худжандский государственный университет имени академика Б. Гафурова». Также важные положения диссертационного исследования были изложены в виде докладов на ежегодных научно-практических университетских конференциях.

Положения, представленные к защите. В результате проведенного исследования сформулированы и выносятся на защиту следующие основные положения:

1. Составление первых персидско-таджикских словарей берет начало в X веке, что обусловлено распространением и развитием персидско-таджикского языка. Существование древних толковых словарей независимо от их сохранности до современной эпохи свидетельствует об уникальном процессуальном развитии лексикографии персидско-таджикского языка.

2. Обзор раннего периода формирования персидско-таджикской лексикографии на Индийском субконтиненте имеет особое значение для таджикской национальной лексикографии, поскольку подтверждает наличие в

этом регионе устойчивых традиций и влияния персидско-таджикского языка и литературы. Упомянутые словари представляли любителям персидско-таджикской поэзии ясные пояснения и интерпретацию сложной и непонятной лексики, лексических оборотов, послужили важными источниками сведений для ученых и литераторов рассматриваемого периода, а также почитателей персидско-таджикской поэзии, для которых он не был родным. Толковым словарям, помимо интерпретации лексики, также были свойственны энциклопедические функции, попутно предлагающие сведения о различных сферах жизнедеятельности общества.

3. Ашраф ибн Шараф аль-Музакар аль-Форуки внес значительный вклад в развитие лексикографии классического периода развития персидско-таджикского языка на Индийском субконтиненте, и его словарь «Даниш-наме-и Кадархан» представляется ярким образцом развития ранней персоязычной лексикографии на Индийском субконтиненте.

4. При составлении словаря аль-Форуки применяет в качестве источников несколько знаменитых словарей того времени: «Лугати фурс» Асади Туси, «Мукаддимат-ул-адаб» Замахшари и «Фарханг-и Каввас» Фахри Кавваса и следует их лексикографическим традициям, однако сведений о влиянии его словаря на более поздние словари не обнаружено.

5. Единственная имеющаяся рукопись «Даниш-наме-и Кадархан» и ее факсимильное издание позволяют найти в процессе лексикографического исследования уникальные автобиографические сведения об авторе, о самом словаре и о точном количестве содержащейся в нём лексики и словарных статей, получить представление о его структурно-семантическом строе, установить место и значение словаря в раннем лексикографическом наследии.

6. Выявленные и проанализированные лексические группы, приведенные в исследуемом словаре и тематически относящиеся к различным областям жизнедеятельности, служат ценным источником при изучении медицинской терминологии, астрономии, естественных наук, исторической географии и топонимии Таджикистана, Ирана и Индии. Синтез лингвистических и

энциклопедических словарей, получивший начало в период составления исследуемого словаря, обеспечил информативный и прагматический эффект при решении и лингвистических, и общепознавательных задач.

7. Словарь «Даниш-наме-и Кадархан» позволяет проследить этапы развития персидско-таджикского языка в результате анализа архаических лексических единиц и лексики, заимствованной из разных языков.

8. Исследованные лексикографические особенности важны для уточнения критериев интерпретации словарных единиц в определенный исторический период развития персидско-таджикского языка, поскольку считаются ранним периодом нормативного формирования персидско-таджикской лексикографии.

Личный вклад соискателя заключается в том, что впервые в таджикской лексикографии в виде диссертационной работы произведён специальный анализ неизвестного прежде персидско-таджикского словаря индийского литературного круга – «Даниш-наме-и Кадархан» аль-Форуки (факсимиле издано в Таджикистане в 2013 году) с точки зрения его структурно-семантического строя и лексикографических особенностей. Автором осуществлено всестороннее исследование факторов и предпосылок развития персидско-таджикской лексикографии на Индийском субконтиненте в XV веке, в частности приведены уникальные автобиографические сведения об аль-Форуки, исследованы лексикон и словарные статьи, выявлены общность и характерные отличия словаря от более ранних лексикографических произведений.

Степень достоверности результатов осуществленного исследования, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, заключается в систематической и четкой структуре диссертации, обеспечивающей единство и взаимосвязанность научного содержания и формы работы, в адекватном и уместном применении научных методов при исследовании раннего периода лексикографии на примере отдельно взятого словаря, в определении его структуры, источников, кодикологии, этимологии словарных единиц, в

обобщении лингвистических и литературоведческих источников по вопросам лексикографии с целью определения характерных особенностей исследованного словаря и его лексикографической ценности.

Апробация результатов исследования. Диссертация обсуждена на совместном заседании кафедр грамматики арабского языка, таджикского языка и литературы факультета восточных языков ГОУ «Худжандский государственный университет имени академика Б. Гафурова» 10.06.2024 (протокол №11) и рекомендована к защите.

Результаты исследования были изложены в докладах на ежегодных научно-практических и научно-методических конференциях профессорско-преподавательского состава факультета восточных языков ГОУ «Худжандский государственный университет имени академика Б. Гафурова», на республиканских и международных конференциях.

Публикации по теме исследования. Основное содержание диссертации изложено в 14 статьях, 7 из которых опубликованы в рецензируемых журналах из Перечня изданий ВАК Минобрнауки Российской Федерации и ВАК при Президенте Республики Таджикистан.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, а также списка использованной литературы и источников. Общий объем работы составляет 212 страниц. С целью соблюдения требований к объему диссертации и для максимального использования примеров, в диссертации образцы лексики приводятся по порядку, между исходной лексикой и ее переводом на русский язык ставится разделительный знак «/», указывающий на границу строк.

ГЛАВА I. «ДАНИШ-НАМЕ-И КАДАРХАН» АЛЬ-ФОРУКИ – ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ НАЧАЛА XV ВЕКА

I.1. «Даниш-наме-и Кадархан» аль-Форуки и лексикографические традиции классического периода развития языка

Интерес исследователей к лексикографическим произведениям всегда остается неиссякаемым, поскольку обусловлен постоянной трансформацией языка, возникновением нового лексикона, выразительных средств, неологизмов и историзмов. В ходе внутреннего развития словарного состава возникают и усиливаются языковые закономерности управления лексикой, придающие ей семантическое расширение. Все эти трансформации изучаются особой отраслью лингвистической науки – лексикографией, имеющей задачу отразить сведения о слове, его толковании, грамматических характеристиках, нормах произношения и написания, включая семантическую парадигму и смысловую связь с другой лексикой.

Вместе с тем лексикографические произведения отражают реальную лексическую среду эпохи их создания, кроме того, словари и энциклопедии содержат уникальные и ценные лингвистические воззрения их авторов и составителей, отражающие традиционные и новые способы и приемы пояснения и интерпретации лексических единиц. По общему мнению, словари и энциклопедии носят почетное звание «книги книг» и характеризуются в литературе особой ценностью, повсеместно исследуются и охраняются в силу признания их лучшими источниками изучения языка и литературы.

Персидские словари, которые по их первоначальному назначению относят к интерпретативным, на самом деле представляются чрезвычайно богатым, загадочным и сложным жанром литературы классического периода развития языка научного направления, связывающим прочной нитью лингвистический, научный и поэтический аспекты. Словари были вспомогательным средством в чтении, объяснении поверхностного и глубокого смысла и значения слов, в исправлении и сочинении поэтических

текстов.

За огромный период существования персидско-таджикской литературы были написаны тысячи поэтических и прозаических произведений, язык и стиль которых различаются в зависимости от времени и среды формирования. На каждом этапе развития языка и литературы возникают явления и тенденции, придающие каждому этапу своеобразие и обособленность, которые в свою очередь обуславливают классификацию, основанную на возникновении характерных языковых, литературных и структурно-семантических особенностей, указывающих на уникальность произведений.

Литературное богатство персидско-таджикской литературы, необъятная численность её произведений стали предпосылкой для составления множества словарей и энциклопедий, назначением которых было разъяснение и интерпретация поэтической лексики и других научных-литературных произведений. Благодаря проникновению персидско-таджикской лексикографии в поэтические тексты выдающихся представителей персидско-таджикской поэзии и их обогащению, интерпретации и пояснениям, она сыграла неоценимую роль в развитии литературы, поэтому бесценен вклад лексикографов в восприятие и истолкование персидско-таджикской поэзии. В лексикографических произведениях, наряду с интерпретацией и описательными лексическими единицами уместно приводятся красивые и изящные поэтические образцы, придающие особую ценность лексикографической статье, всегда поставлена цель внесения ясности и постижение смысла и значений слов.

Возникновение, становление и развитие персидско-таджикской лексикографии относится к IX-X векам, что обусловлено развитием персидско-таджикского-дари языка и литературы, появлением множества литературных произведений, необходимостью интерпретации и толкования сложной и непонятной лексики. Интерпретация непонятных слов признается основным фактором возникновения подобных произведений, которые в дальнейшем сформировали большую часть творческого наследия персидско-

таджикской литературы и языка. Первые персидско-таджикские словари не дошли до нашего времени, и, по данным источников, имеются косвенные свидетельства о существовании самого первого словаря, составленного Абухафсом Сугди, относимого к концу X-началу XI века. Ни одной рукописи упомянутого словаря до настоящего времени не найдено. Этот словарь известен также под названиями «Рисолаи Абухафси Суғди», «Лугати Абухафси Сугди», «Рисолаи Абухафс», «Фарханг-и Абухафс» [133, 12]. Сведения из указанного словаря часто цитируются в других классических произведениях, и только по этим цитатам можно представить его лексикографическую сущность. Тот факт, что автор цитирует в словаре стихи Абуабдуллаха Рудаки и Унсури, даёт нам возможность уверенно предположить, что произведение написано в последней четверти X или в первой половине XI века, не ранее 980 года. Шамси Кайс Рази в книге «Аль-Му'джам фи ма'ойири аш'ари-л-аджам» называет Абу Хафса знатоком музыкального инструмента под названием «шахруд» (вид музыкального инструмента – Р.Н.). Из стихотворений Абухафса Сугди сохранилось только два бейта и четыре слова, процитированных Абдурашидом Таттави из словаря Абухафса. Эта книга также дважды упоминается в «Шамс-ул-лугат» [133, 13].

Другой древний словарь, «Тафасир фи-л лугати-л-фурс», или «Словарь Катрана», составлен Катраном Табрези, современником Абуабдуллаха Рудаки, и сведения о нем существуют в виде цитат и ссылок в более поздних лексикографических произведениях. Ключевым фактором возникновения словаря считаются затруднения Катрана в толковании поэтического дивана Мунджика Табрези, который позже представил свои объяснения и интерпретации в форме словаря, поскольку ощутил в этом потребность. Собственный стиль Катрана – хорасанский, и его интерес к поэзии хорасанского стиля безграничен. Словарь предназначался в основном для толкования лексики «Шах-наме» Абулькасима Фирдоуси. В нем также сохранились образцы поэзии Рудаки, Дакики, Фирдоуси, Мунджика, Муиззи, Унсури, Фаррухи, Асджади, Носира Хосрова, Санай, Сузани, Хакани и

Низами [133, 72].

По мнению Ш. Накави, «Словарь Фахри Каввас» включает около 20 000 слов. Ш. Накави отмечает следующее об этом произведении: «В «Словаре Фахри Каввас» встречается больше арабской лексики, и именно по этой причине он причисляется к словарям арабского языка, в котором смысл интерпретирован для персидского языка, чтобы его могли использовать носители персидского языка» [37, 55].

Относительно классического периода развития персидско-таджикского языка следует отметить, что начиная с XI века в персидско-таджикской литературе были написаны словари «Лугат-и фурс» Асади Туси [13], «Фарханг-и Джахангири» Хусайна Инджу [14], «Фарханг-наме» Хусайна Вафай [75], «Фарханг-и Рашиди» Абдуррахмана Таттави [17], «Бурхон-и котеъ» Мухаммадхусайна Халафа Табрези [6], «Гияс-ул-лугот» Мухаммада Гиясуддина Ромпури [5] и др. Следует упомянуть, что Асади Туси признан основоположником жанра персидского словаря, который благодаря древнейшему произведению, к счастью, дошедшему до нашего времени, «Лугати фурс» («Персидский словарь»), составленному в XI веке, заложил фундаментальные основы персидской лексикографии. Несомненно, что структура и содержание словаря Асади Туси оказали существенное влияние на составителей последующих словарей, в дальнейшем признанных логическим продолжением словаря Асади Туси. Упомянутый словарь можно смело назвать самым древним и авторитетным свидетельством не только персидско-таджикской лексикографии, но и всей мировой лексикографии. Словари, написанные под его влиянием, их самобытным мастерством и стилем обогатили сокровищницу мировой литературы в области лексикографии. По мнению Ф. Гиясовой, составление после произведения Асади Туси почти двухсот различных словарей, некоторые из которых сохранились до нашего времени, а от других остались лишь названия, свидетельствует о мощном развитии лексикографии в ранний классический период развития персидско-таджикского языка и литературы [9, 7].

Многоаспектное исследование «Лугат-и фурс» осуществлено таджикским исследователем В.А. Капрановым [103]. Следует отметить, что впервые в Таджикистане в Худжанде в 2015 году таджикским лексикографом Н. Гиясовым был издан критический текст «Лугат-и фурс» Асади Туси на кириллице на основе текста, подготовленного Мухаммадом Дабирияном, сопровождающийся сравнительно-сопоставительным анализом с изданием Аббаса Икбала и текстом Алиашрафа Садики и Фатхуллага Муджтабаи [13].

Прорабатывая этапы становления и эволюции культуры, исследователи лексикографии разделили ее на два этапа: первый этап - X-XV вв., получивший название лексикографии литературного круга Хорасана, и лексикографию позднего периода, получившую название лексикография Индийского субконтинента.

С.А. Баевский отмечает, что иранское языкознание в Средние века развивалось благодаря словарям-фархангам: «Лексикография была одной из важнейших областей средневековой письменной культуры» [97, 115]. Указанный исследователь классифицирует персидские словари классического периода развития языка на три группы: 1) толковые; 2) двуязычные; 3) пояснительные словари для того или иного произведения [97, 115].

О персоязычной литературе классического периода развития языка в Индии осуществлено множество научных исследований и в области литературоведения, и в изучении языковых аспектов данной эпохи и особенностей литературного круга данного ареала. Взаимное влияние обоих языков – персидско-таджикского и хинди – имеет древнюю историю и произошло из-за завоевания территорий и стран их распространения изначально арабами, а затем и персоязычными правящими династиями. Завоевание территории Северной Индии династиями Саманидов и Газневидов сыграло огромную роль в том, что в последующую эпоху персидско-таджикский язык на долгие века стал официальным языком на Индийском субконтиненте, на котором осуществлялось государственное делопроизводство.

Касательно истории персидско-таджикской лексикографии Индийского субконтинента следует отметить, что период её великолепного расцвета относятся к началу XII-XV веков. Ключевым фактором развития культуры в этот период стало расширение влияния персидско-таджикского языка на Индийском субконтиненте, что привело к развитию некоторых направлений языкознания. Необходимость изучения персидско-таджикского языка стала предпосылкой для создания произведений, разъясняющих персидско-таджикский язык коренному населению этой территории. Среди влиятельных персоязычных словарей, написанных на территории Индийского субконтинента в классический период развития языка, как мы уже упоминали, были «Фарханг-и Фахри Каввас» Фахриддина Мубаракшаха Кавваса, «Фарханг-и зифонгуё ва джахонпуё» Бадриддина Ибрахима и «Адот-ул-фузала» Кази-хана Дехлави.

Следует отметить, что ранний период персидско-таджикской лексикографии на Индийском субконтиненте имеет особое влияние на все остальные периоды существования отдельных жанров лексикографии и лексикографической науки в целом, поскольку заложил устойчивый и надежный фундамент в этой области языковедения и литературы, так как большинство словарей XIII-XIV вв., созданных на Индийском субконтиненте, предоставляли не просто доступную интерпретацию слов, а служили всеобъемлющим источником знаний, а композицией и содержанием порой вдохновляли литераторов на дальнейшее творчество. По мнению Н. Рахмонзода: «Чтение персидско-таджикских литературных трудов того времени было довольно часто затруднено ввиду употребления поэтами архаичных слов, множества исторических имен, легендарных и мифологических персонажей, географических названий, терминов из разных сфер науки и культуры, а также употребления поэтами диалектных слов в незнакомых или аллегорических смыслах. Более того, сложная для понимания поэзия и витиеватая проза требовали от читателя свободного владения обширной лексикой литературного фарси. Таким образом, толковые словари

таджикского языка становятся для аудитории незаменимым «путеводителем» по персидско-таджикской поэзии и литературе» [78, 96].

В отличие от других, более ранних словарей, словари исследуемого периода охватывали содержанием уже относительно больше сфер и имели достаточно большой словарный запас. Исследователь Ф. Гиясова отмечает, что «Лугати фурс» содержал 1700 слов, «Фарханг-и Каввас» - 1339 слов, «Сихах-ул-фурс» - 2300 слова, «Фарханг-и зифонгуё ва джахонпуё» - приблизительно 5170 слов...» [9, 24]. Несложно сделать вывод, что по мере развития жанра толкового словаря его характерной особенностью стало толкование наибольшего количества словарных единиц, что также свидетельствует о глубоком проникновении персоязычной литературы на Индийский субконтинент.

Среди особенностей развития лексикографии в этот период можно назвать разнообразие авторских подходов к лексическим статьям, что выражалось в расширении лексикографического пространства и его реконструкции с целью дать читателю полный и развернутый ответ. По мнению Т.И. Битеевой, восприятие лексикографом своего читателя, почитателя, определяет признаки и отличительные особенности словаря [144, 13-17]. То есть, внимание к читателю и потребителю, а в случае персоязычной литературы – к людям, не являющимся носителями этого языка, которые изучали сложную персидско-таджикскую литературу, предусматривает помощь при вхождении в совсем неизвестную сферу, в постижении новой языковой картины. Как следствие, трудности, возникающие в процессе изучения языка, не могли быть преодолены без ясного понимания культурных основ и принципов этого языка. Представление о персоязычной культуре и персоязычном мире возникает не только через воздействие среды и реальности, в которые попадают и которые изучают, но и посредством языка. В этот период уже требовалось более широкое семантическое обрамление лексических единиц за счет культурных интерпретаций и внимания к обстоятельствам их употребления.

В данном контексте следует упомянуть один из неизвестных словарей классического периода развития языка - «Даниш-наме-и Кадархан» Ашрафа ибн Шарафа аль-Музаккара аль-Форуки. Необходимо отметить, что этот толковый словарь редко упоминается в процессе лексикографических изысканий, касающихся различных этапов развития персидско-таджикского языка, не считая отдельных ссылок и кратких исследований какой-либо лингвистической или литературоведческой проблемы. В согласии с упомянутым нами принципом антропоцентрической лексикографии, подразумевающей внимание к человеку, изучающему неизвестный язык, его непонятную лексику, вполне уместно и созвучно введение автора «Данишнаме-и Кадархан» аль-Форуки: *«Банда мифтоҳи ифтитоҳи хизонаи фузало ва шуаро ва ошкор кардани маонӣ баҳри ашхоси ҳукамо таълиф кардам/ Я создал ключ для открывания замка сокровищниц мудрецов и поэтов и раскрытия содержания моря премудрости мужей»* [2, 1].

По нашему мнению, автор данного словаря пошел несколько дальше традиций составителей предшествующих словарей и учел подход к человеку, ориентированному на слово. Этот подход отличается от подходов, ранее использовавшихся в словарях, т.е. идёт от интерпретации лексики и языка к интерпретации, адресованной конкретному читателю. По мнению русского ученого А.А. Потебни, «заслуга автора заключается не в наименьшем (минимуме) содержания, которое он хотел создать при сочинении, а в предмете изображения, воспроизводящем самое разнообразное содержание» [116, 181]. На наш взгляд, подобный подход можно наблюдать и в исследуемом словаре «Даниш-наме-и Кадархан» аль-Форуки, где автор поручает самому читателю ход осмысления очередного образа посредством предоставления толкования слов и их краткого пояснения. Антропоцентрический подход к слову дает возможность достичь интерпретации языка, которая восстанавливает единение субъекта и объекта в одно целое, то есть «лексической личности» и «словарной статьи».

Ввод в лексикографический оборот термина «лексическая личность»,

обозначающего пользователя лексикографического произведения, позволяет литераторам и лингвистам приблизить лексические единицы словарей к нуждам и запросам пользователя. Определение принципов формирования структурных уровней имеет несомненную важность в удовлетворении потребностей пользователя и читателя лексикографического произведения. Ключ к пониманию большинства языковых проблем лежит в изучении языка с точки зрения его носителя - человека, деятельность и культура которого неразрывно связаны с языком. Человек, в нашем случае автор словаря, может создавать символы, знаки и тексты, имеющие смысловое содержание, следовательно, его можно признать творцом сознательного, а читатель понимает предметы окружающего мира через его описание и интерпретацию. Язык – продукт культуры, способ существования и фактор сохранения культурной самобытности. Проблема правильной и четкой интерпретации лексикографических единиц с учетом их ориентации на читателя как элементов общей картины персидско-таджикского языка всегда была и остается интересной темой для исследователей. Рассмотренный выше подход широко исследован российским лексикографом В.В. Морковкиным [111, 131]. В процессе исследования словаря «Даниш-наме-и Кадархан», можно заметить, что автор словаря руководствуется указанным подходом, ставя определенную цель. Наше утверждение основано на наблюдении, что во вступительном предложении он предназначал толковый словарь тем пользователям, кто хочет достоверно читать «Шах-наме» Абулькасима Фирдоуси и «Искандар-наме» Низами Гянджеви, а далее – тем, кто хочет изучать медицину и множество других наук, совершенствовать познания, то есть конкретизировал личность потребителя, чем выразил приверженность к антропоцентрическому подходу в лексикографии.

Из теоретических принципов к данному подходу следует, что толкование малопонятных и сложных слов из персидско-таджикских литературных произведений расширяет семантику лексической единицы за счет интерпретации и толкования в контексте культурных ценностей и учитывает

их употребление в языке классического периода развития, традиции и нормы употребления лексики, смысловые дополнения к слову, улучшающие его понятийное и грамматическое содержание. Тенденция к такому подходу имела место в ранних словарях, однако, по нашему мнению, в лексикографии классического периода развития языка на Индийском субконтиненте его применение достигло вершины в «Даниш-наме-и Кадархан» аль-Форуки, ясно обозначив антропоцентрический подход автора при его составлении.

Несмотря на то, что название этого произведения крайне редко упоминается и незнакомо исследователям, оно является важным литературным и лингвистическим источником, имеющим неизведанный лексикографический потенциал. Исследуемый словарь является важным звеном в истории становления и развития лексикографии на Индийском субконтиненте как образец лексикографического произведения индийской школы, в целом оказавшей существенное влияние на дальнейшие традиции персидско-таджикской лексикографии.

I.2. Сведения о словаре «Даниш-наме-и Кадархан» в контексте развития персидско-таджикской лексикографии XV века

Исследуя словарь «Данишнаме-и Кадархан», следует прежде всего указать сведения, которые существовали в таджикской лексикографии, и отметить отсутствие глубоких и многоаспектных исследований в таджикском языкознании, по нашему мнению, ввиду отсутствия рукописей в широком доступе и в целом существования единственного экземпляра рукописи словаря «Даниш-наме-и Кадархан» аль-Форуки. Как уже упоминалось, в персидско-таджикской лексикографии существует более двухсот интерпретативных словарей и все они исследованы в художественном и лингвистическом аспекте, поскольку существуют доступные экземпляры. По тематике нашего исследования существуют лишь некоторые общие

исследования в виде статей и ссылок в связи с исследованиями других лингвистических проблем. До сих пор остаются вне научного исследования проблемы выяснения его роли в истории языка, полное описание, материальная сторона рукописи, графика письма, история и содержание текста словаря, источниковедение, текстологии. Существующие общие и весьма краткие сведения о словаре не могут представить полное описание и раскрыть лексикографическую ценность словаря «Даниш-наме-и Кадархан» аль-Форуки.

Первые сведения об этом лексикографическом произведении предоставили таджикские ученые Рахим Хошим и Шарифджон Хусейнзода в статье [169, 201-209], опубликованной ими к 1100-летнему юбилею Абуабдуллаха Рудаки в 1958 году. Благодаря указанной статье название словаря стало известно в научных кругах Таджикистана и бывшего Советского Союза. В статье представлены краткие сведения о его лексикографических особенностях и времени создания. Как уже отмечалось, множество сведений о словаре «Даниш-наме-и Кадархан» упоминается в ходе исследований других вопросов, и в статье, опубликованной в честь празднования юбилея основоположника персидско-таджикской литературы Абуабдуллаха Рудаки, авторы указали, что «...приводят для читателей краткие сведения об этом словаре, указывают поэтов, упомянутых в словаре, и образцы их поэзии, в том числе поэзию Рудаки» [169, 209].

Авторы статьи в конце особо подчеркнули статус словаря и отметили: «...ценность словаря «Даниш-наме-и Кадархан» велика во всех аспектах и требует глубокого всестороннего исследования. В связи с этим Институт языка и литературы Академии наук Таджикистана планирует подготовить этот словарь к изданию в ближайшие годы» [169, 221]. Однако, к сожалению, в последующие годы словарь не был исследован и издан, как планировалось. Лишь через пятьдесят пять лет после публикации упомянутой статьи таджикский ученый Н. Гиясов и автор настоящей диссертации провели работу с единственной рукописью словаря и опубликовали факсимиле «Даниш-наме-

и Кадархан» [текст факсимиле] в Худжанде в 2013 году с введением и комментариями [2]. Подробные сведения об издании будут приведены ниже.

В 1989 году известный лексикограф С.И. Баевский в труде «Ранняя персидская лексикография X-XV вв.» [97] ввел словарь «Даниш-наме-и Кадархан» в сферу научного исследования в относительно более широком виде. С.И. Баевский также указывает, что первые научные сведения об этом словаре были представлены Ш. Хусейнзода и Р. Хошимом в упомянутой выше статье. Суждения известного русского лексикографа-ираниста при оценке персидско-таджикской лексикографии обладают большой научной ценностью. По мнению С.И.Баевского, персидско-таджикские словари предоставляют обширный материал для исторической лексикографии, иранской диалектологии, классического персидско-таджикского языка и текстологии, а также этнографии, исторической географии и культурологии [97, 3]. И.С. Баевский поместил в названной книге таблицу персидско-таджикских интерпретативных словарей, в которой «Даниш-наме-и Кадархан» аль-Форуки находится на 9-м месте [97, 147-148]. Если не принимать во внимание древние словари, не дошедшие до нашего времени, но упомянутые в его таблице: «Рисала» («Трактат») Абухафса Сугди, «Тафсир фи лугати-л-фурс» («Комментарии к персидским словам») Катрана Табреси и «Навадир-ул-лугат» («Редкие слова») Фаррухи, то словарь «Даниш-наме-и Кадархан» является седьмым по счёту старейшим персидско-таджикским словарём, дошедшим до наших дней. Таблица С.И. Баевского и данная им оценка этому старинному словарю имеют огромную ценность, поскольку в таблице С. Нафиси не имеется ни малейшего намека на этот словарь [21, 182-186]. Сведения о словаре аль-Форуки С.И. Баевский подготовил на основе единственной сохранившейся в Азербайджане рукописи словаря. В своей книге он исправил ошибки, допущенные Ш. Хусейнзода и Р. Хошимом, и внес некоторый вклад в исследование лексикографического произведения раннего классического периода развития языка.

В поисках сведений о словаре «Даниш-наме-и Кадархан» мы обратились

к литературе, издаваемой в научных кругах Исламской Республики Иран. Наши исследования привели к тому, что были найдены две статьи иранских исследователей, в которых содержатся некоторые сведения об исследуемом словаре. В 1372/1993 году иранский исследователь Исмаил Хокими опубликовал в журнале Института литературы и гуманитарных наук Тегеранского университета статью «Даниш-наме-и Кадархан и персидские словари» [174, 20]. Статья была опубликована через несколько лет после выхода книги С.И. Баевского. Другой иранский ученый, Мухаммадтаки Донишпажух, указывает словарь аль-Форуки в своем каталоге и упоминает его название как «Фарханг-и Кадархан», а автором называет Ашрафа ибн Шарафа аль-Музаккира Кадархана ибн Зуфархана аль-Форуки. В этом списке название словаря указано иначе, а имя автора пишется вместе с именем того, кому он посвящен. Отсюда следует, что М. Донишпажух также допустил ошибку в представлении исследуемого нами словаря [176, 56-67]. Поиски и изучение исследовательских материалов о словаре «Даниш-наме-и Кадархан» привели к выводу, что в статьях и работах, посвященных исследуемому словарю, изложены лишь краткие пояснительные сведения.

Единственная рукопись «Даниш-наме-и Кадархан» [1] хранится в хранилище рукописей АН Республики Азербайджан под номером С-324/2573, а в списке рукописей, несмотря на другое название, она указана под названием «Лугат-и пахлави» («Пехлевийский словарь»). При поддержке азербайджанского ученого М. Одилова нам стала доступна фотокопия рукописи словаря «Даниш-наме-и Кадархан», а его факсимильная печать, как указано, была в 2013 году осуществлена в Худжанде и стала доступна широкому кругу читателей [2].

Поскольку сведения о словаре минимальны и ни в одном из исторических и литературных источников не упоминается о социально-политических предпосылках, причинах и источниках его написания, следует внести ясность и охарактеризовать среду, в которой аль-Форуки создал и представил изучаемое лексикографическое произведение.

О среде, в которой создавался словарь, необходимо отметить, что в начале VII/XIV вв. Индостан, Пакистан, Бенгалия и прилегающие к этим странам территории, стали подвластны мусульманским династиям, которые создали на территории Индийского субконтинента отдельные мусульманские государства. По мнению Н. Рахмонзода: «В новый период развития иранских языков после завоевания некоторых северных провинций Индии сначала арабами, а затем персидско-таджикскими династиями, персидско-таджикский язык постепенно распространился в Северной Индии. После захвата Северной Индии Гуридами в XI в. таджикский - форси [...] постепенно становится доминирующим языком этих территорий, и уже в XII- XIII вв. в некоторых княжествах Северной Индии таджикский язык становится официальным государственным языком» [78, 69].

С приходом мусульманских династий персидско-таджикский язык наряду с арабским языком не только вошел в широкое употребление в государственном управлении, но и стал господствующим языком науки и литературы на завоёванных территориях. На персидско-таджикском языке стали создаваться прозаические и поэтические произведения, гармонично вливаясь в древнюю индийскую культуру. Наряду с литературными произведениями на официальном персидско-таджикском языке, получившем статус государственного языка и широко распространившемся в этой стране на протяжении семи веков, усилиями ученых и почитателей изящного персидского языка появилось множество словарей и словников, т.е. толковых и двуязычных словарей на дари-таджикском языке, количество которых не может сравниться с аналогичными творениями, имеющимися в других персоязычных странах, – Иране, Афганистане и Таджикистане.

После завоевания Индии Махмудом Газневидом город Лахор также стал территорией, на которой преобладали исламская религия и культура, местом существенного влияния персидско-таджикского языка и литературы на все сферы жизнедеятельности. Глубокое проникновение языка во все сферы было повсеместным, на нем даже велась государственная переписка, и главным

условием и преимуществом для службы при дворе было знание персидско-таджикского языка, что обусловило особое внимание к его изучению и обучению местной знати и населения, которые начали его тщательно изучать. Получили развитие языкознание и литература, и достигла совершенства особая отрасль науки – лексикография, возникшая на традициях составления древних пехлевийских, индийских, арабских словарей.

Важным фактором развития персидско-таджикского языка была глубокая приверженность правителей и знати к наукам и литературе, создавшей прочную культурную основу этого периода. Традиции саманидского двора, его высокая нравственность, великодушие и покровительство ученым и литераторам нашли продолжение при дворах индийских правителей персидского происхождения. Правящие династии были не только почитателями персидско-таджикского языка, но и всячески покровительствовали и вдохновляли ученых и литераторов творить новые шедевры и нетленные литературные памятники. Одним из примеров может служить словарь «Фарханг-и Джахангири» Джамалуддина Хусайна Инджу, написанный по желанию Акбар-шаха в 1589 году [14, 3-21].

Ранним периодом развития персидско-таджикской литературы на Индийском субконтиненте можно считать XII век, этот период продолжился до периода правления Великих Моголов Индии (XV век).

«Даниш-наме-и Кадархан» аль-Форуки – один из древних словарей, составленный в Индии в указанный выше ранний период развития персидско-таджикской лексикографии. Несмотря на то, что название этого произведения малоизвестно и редко упоминается в научном пространстве, он представляет собой важный лексикографический, литературный, научный, медицинский, терминологический, географический, культурологический источник, способный внести ясность во многие вопросы, возникающие при исследовании различных проблем лексикографии.

В предисловии к книге мало автобиографических сведений об авторе произведения, здесь упоминается только его полное имя – Ашраф ибн Шараф

аль-Музаккир аль-Форуки.

В предисловии приведены сведения, что своё сочинение он посвятил правителю династии Гуридов Индии Кадархану ибн Зуфар-хану, который был преемником Дилавар-хана и правил в провинции Малава (расположенной на территории Индии). Согласно историческим сведениям, этот правитель обосновался в городе Чандири в 1401-1406 годах. В предисловии к книге аль-Форуки упомянул место своего рождения и причину написания произведения следующим образом: *«Чунин гӯяд бандаи бандагони шарияти набавӣ ва мубаййини қиссаи мустафвӣ Аишаф ибни Шараф ал-Музаккир ал-Форуқӣ ас-сокин би-л-мисри ал-маъруфати би Чандирӣ саббатаҳу-л-Лоҳу ва амотаҳу ала-л-имони ва ҳашараҳу маъа аҳли-л-ҷинони, ки ҳама вақт ҳиммат бар он роғиб шудӣ, то луготи паҳлавӣ ва ҷуз он, ки шуарои фасеҳзабон, чунонки Хоҷа Фирдавсӣ дар «Шоҳнома» ва Шайх Низомӣ дар «Сикандарнома» ва шуарои дигар, наввара-л-Лоҳу марқадаҳум ва асомии адвия, ки ҳукамо дар тибҳо ихтиёр кардаанд он-ч аз луготи мазкур дар фарҳангномаҳо ва маҳалҳои мухталиф тартиб ва зобита мебояд, бо тартиб ва зобитаи ҳарфи охир мураттаб кунад, то хонандагони «Шоҳнома», ки беҳтарини номаҳост ва «Сикандарнома», ки муниси шоҳон аст ва кутуби тиб(б), ки таснифи ҳукамот аз ин забон баҳраманд ва аз ин ҳастӣ дилбанд гарданд, бавежа бузургони рӯзгор ва шоҳони номдор, ки пешгоҳи эшон нудамои замона «Шоҳнома» ва «Сикандарнома» мехонанд.../Так говорит прислужник служителей религии пророка и рассказчик достаточной истории Ашраф ибн Шараф аль-Музаккир аль-Форуки, житель города, известного под именем Чандири, да укрепит Аллах его и его веру, и да будет он в числе обитателей рая, к которому всегда будет склоняться милость, который упорядочил и представил по последней букве пехлевийский язык и другие языки, языки красноречивых поэтов, таких как Ходжа Фирдоуси в «Шах-наме» и шейх Низами в «Сикандар-наме», и других поэтов, да освятит Аллах их усыпальницы, и медицинские названия, которыми пользуются ученые в медицине, имеющиеся в других словарях и собранные из разных местностей,*

чтобы читатели «Шах-наме» - лучшей из всего написанного, и «Сикандар-наме», любимой царями, и медицинскими книгами, составленными учеными, чтобы могли воспользоваться и насладиться этим [пехлевийским] языком, особенно величайшие люди и прославленные правители, пред которыми приближенные читают «Шах-наме» и «Сикандар-наме...» [2, 16-26].

Из предисловия автора выясняется, что он был жителем города Чандири, а еще одним важным фактом из предисловия является то, что в Индостанском Чандири в то время существовал огромный интерес к «Шах-наме», «Сикандар-наме», медицинским произведениям, книгам о других науках.

По историческим сведениям, город Чандири, родина аль-Форуки, - один из известных городов провинции Малава. До мусульманского завоевания провинцией правила местная династия Раджпути Панамара (800-1305 гг.). В 1305 году Айну-л-Мулк Мултани, который был одним из предводителей войска султанов Дели, завоевал эту провинцию и присоединил ее к Делийскому султанату. В 1391 году султан Дели назначил Мухаммад-шаха Туглука Хусайна Дилавар-хана из династии Гуридов наместником провинции Малава. Хусайн Дилавар-хан в 1401 году решил отделиться от султаната, в проповедях стал называть себя султаном Малавы, право на это ему давало то, что в 1398 году султан Дели бежал от преследований тимуридских шахов Индии и нашел убежище у Дилавар-хана в провинции Малава. Когда Делийский султанат был побежден, наместник провинции провозгласил себя независимым и попытался основать собственный султанат. После Дилавар-хана на троне султаната будут восседать еще трое потомков династии Гуридов. Правление Дилавар-хана длилось до 1406 года [53].

За последние столетия провинция Малава фактически была обессилена в результате войн и распрей между местными династиями и мусульманами, а также, после завоевания провинции мусульманскими династиями, - от борьбы ее новых правителей. Во время правления Дилавар-хана экономическое и социальное положение городов провинции Малава было относительно стабильным. В этот период возрос интерес к литературе и науке. Ашраф ибн

Музаккир аль-Форуки писал в предисловии к словарю: *«Ва дар аҳди ин худованди хомаву тег ва бахшандаи кома бедарег роғи шахри мазкур, ки дар аҳди шоҳони тахтгоҳ чарогоҳи асбону сутурон буд, ба юмни қудуми ин зоти боҷоҳ ба маскани муъминон ва саҷдагоҳи орифон танвир ёфта ва вилояте, ки қариб ду қарн куноми шерон ва мақоми гавон буд, дар қарни ин соҳибқирон буми тамомимарз гаишта, чунонки мазрааи муҳмалу муаттал намонда ва дар ҳилму дониш ва некномӣ ба ҳадде шуҳрат ёфта, ки забонҳои хавоссу авом ба дуо ва некномии вай кушода ва ба бадӣ ва бадхоҳии вай баста ва баҳри ҷуди вай чунон мавҷ бароварда, ки рӯз ба рӯз халоиқро аз ғарибу шахрӣ ба эҳсон банда месозад /И в правлении этого повелителя пера и меча, дарующего блага без промедления этому городу, который в правление царей на троне был пастбищем для лошадей и верблюдов, был обителью верующих и святилищем ученого сословия, и местность, которая была обиталищем львов и быков на протяжении почти двух столетий, стала в правление этого великого властителя такой местностью с определенными границами, что не осталось неводеланной и неплодородной земли, и настолько он прославился своими знаниями, великодушием и благородством, что на устах у всех были молитвы в честь его добродетели, которые просили уберечь его от зла и злоумышленников, и [он] вызывает у окружающих такое благоговение, что изо дня в день делает приезжих и горожан невольниками своего великодушия»* [2, 56-66].

Ашраф аль-Форуки, житель города Чандири, посвящает свое произведение одному из сыновей Диловар-хана – Кадар-хану. Провинция Малава представляла собой огромную территорию, где проживали поэты, ученые и философы. Во время существования Делийского султаната, султан Хусайн, известный в истории как Дилавар-хан Гурид, был назначен наместником этой провинции, после чего провинция обрела независимость. Согласно сведениям индийского историка Дея Упендра Ната, Хусайн Дилавар-хан в 804 году хиджры (1401-1402 годы) приказал больше не упоминать делийского султана в проповеди и провозгласил себя султаном

Малавы под именем Амид-шах Давуд [230].

О причине названия словаря «Даниш-наме-и Кадархан» аль-Форуки указывает следующее: *«...баъдуху андеша карда, номе бояд ниҳодан, ки мавлуди бе ном ва шароби бе чом хуб наёяд. «Донишнома»-и Қадархон ном ниҳода, ки дар ин аср миёни амирони даҳр дар базлу дониш чунон аст. Агар маддоҳе аз шахре пиёда ва дил ба ёди вай ниҳода меояд аз навозиши ин баргузидаи Эзиди, ҷаҳондор бод, ки савор меравад.../...затем, подумав об этом, посчитал назвать его таким образом, ибо ребенок без имени и вино без кубка не есть приятно. Дано название «Даниш-наме-и Кадархан», поскольку среди правителей этого времени он (Кадар-хан) таков - кладезь знаний и пронциательности. Если восхваляющий его человек придет откуда-то пешком и с сердцем, полным к нему искренности, то милостью этого избранника Бога, пусть он властвует вечно, уедет от него на дарованном скакуне...»* [2, 126-13а].

Хотя словарь «Даниш-наме-и Кадархан» посвящен одному из сыновей Дилавар-хана – Кадар-хану, однако в исторических летописях и исследованиях нам не удалось найти никаких сведений о жизни и правлении Кадар-хана. Похоже, что сын Дилавар-хана не унаследовал трон после отца. После смерти Дилавар-хана другой его сын – Алп-хан, известный в истории как султан Хушанг, занимает трон провинции Малава. Судя по всему, Кадар-хан явно не претендовал на трон, поскольку притязания на трон всегда заканчиваются войнами и распрями из-за власти, жестокими убийствами, а исторических сведений об этом нами не найдено. Мы сделали предположение, что Кадар-хан был просвещенным человеком, покровительствовал науке и литературе, собирал у себя ученых и поэтов, и на одном из собраний аль-Форуки представил Кадар-хану своё лексикографическое произведение. Причина посвящения произведения Кадар-хану кроется в его личности, просвещенной и образованной, поскольку аль-Форуки отзывается о нем следующим образом: *«Донишномаи Қадархон» ном ниҳода, ки дар ин аср миёни амирони даҳр дар базлу дониш чунон аст* / Назван «Даниш-наме-и Кадархан», поскольку среди правителей этого времени он сам является

кладезем знаний и проницательности» [2, 5б-6а].

Автор словаря отмечает, что написал книгу 21 числа месяца зуль-хиджа 807 года хиджры, что соответствует 20 июня 1405 года. Аль-Форуки отмечает: *«Ба таърихи бисту якуми моҳи зулҷиҷча, ки аз ҳичрати набӣ, алайҳиссалом, ҳаишаду ҳафт гузашта ва латофати офтоб дар бурҷи саратон тофта ва фарши заминро ба бисоти зумуррадин бар сари ҳар марғзоре ораста ва нақши забарҷад бар орази кӯҳсоре бархоста.../В день двадцать первого числа месяца зульхиджа, восемьсот семь лет спустя со дня хиджры пророка, благословение Аллаха ему и мир, и Солнце находилось в знаке созвездия Рака, когда земная гладь покрыта изумрудным ковром из зелени полей, разноцветием горных склонов»* [2, 11б-12а].

Из предисловия аль-Форуки следует, что свое произведение он завершил летом, 30 июня 1403/1404 г. Автор описывает этот день так, что в этот день «благодать Солнца насыщается в знаке Рака». Отсюда следует, что словарь «Даниш-наме-и Кадархан» был завершён за день до начала месяца *саратон*, перед самым длинным днем в году. По астрономическим сведениям, месяц Тир (в созвездии Рака) начинается 21 или 22 июня. Второе указание автором на созвездие Рака определенно доказывает, что в его произведении год завершения произведения верен и соответствует лунному календарю и летоисчислению хиджры.

В предисловии к словарю Ашраф ибн Шараф аль-Музаккир аль-Форуки указывает, что он писал свое произведение с целью получить достойную награду, ибо было обычной традицией в классический период развития языка. Как указывается в предисловии: *«...барои кифофи рӯзгор ва лифофи умр дар ин даҳри гаддор гаввосвор дар баҳри саҳои ин додор гаввосӣ кунам, то магар аз ҷуди зоти шоҳвор луълуи фароғи рӯзгор ба кафи садаф ояд.../...для пропитания и получения облачения [савана] в этом коварном мире ныряю как искатель жемчуга в глубокий океан справедливости, чтобы пришла в раскрытую ладонь раковины жемчужина благосостояния от этой царской особы...»* [2, 6б].

Из другой ссылки, указанной в предисловии, выясняется, что автор был образованным человеком, сведущим и в литературе, читал поэтические произведения персидско-таджикских поэтов: «Шах-наме» Абулькасима Фирдоуси, «Сикандар-наме» и «Шараф-наме» Низами Гянджеви, образцы поэзии которых использовал в словарных статьях в виде примеров. Автор «Даниш-наме-и Кадархан» упоминает медицинскую терминологию, названия растений, животных, небесных светил и т.п., что свидетельствует, помимо поэзии и литературы, о его глубоком интересе к этим областям. Обширные познания придали ему уверенности в необходимости такого произведения, и, написав его, он был убеждён, что непременно получит за него достойное вознаграждение.

На наш взгляд, причина, по которой исследуемый словарь был назван «Даниш-наме», заключается в традиционном наименовании классических произведений. В персидско-таджикском языке существует множество произведений, называемых «Даниш-наме». Например, «Даниш-наме» Абуали ибн Сины является одним из известных произведений-компендиумов [52]. Позднее, в конце X века, было написано первое персидско-таджикское поэтическое произведение, посвященное исключительно медицине, автором которого является Хаким Майсари, под названием «Даниш-наме», которое также известно как «Даниш-наме-и тиб» («Медицинская энциклопедия»). В этом произведении о медицине, написанном поэтическим языком, приведены названия растений и трав, заболеваний и методов их лечения, названия животных и т.п. [171, 211-217].

Ашраф ибн Шараф аль-Музаккир аль-Форуки упоминает в предисловии, что одной из причин написания этого произведения является разъяснение обучающимся медицинской науке ее терминов и названий, что прямо свидетельствует об относительно большей медицинской направленности словаря. Алиакбар Деххудо в «Лугат-наме» пояснил значение «донишнома» как «книги мудрости», «книги, содержащей знания и науку», и «книги, в которой речь идет о знаниях» [19, 104]. Учитывая такую трактовку, а также

принимая во внимание, что большинство словарных статей в ней относятся к филологии и фармакологии, такое наименование работы представляется совершенно правильным с логической точки зрения. С другой точки зрения, описательным термином для толкового словаря является слово «фарханг», которое в определенной мере является синонимом слова «даниш-наме».

Древний исследуемый словарь был передан в дар Кадар-хану ибн Зуфар-хану, поэтому он известен как «Даниш-наме-и Кадархан». Эта традиция также имеет в истории нашей лексикографии глубокие корни. Например, словарь «Меъёр-и Джамали», написанный Шамсуддином Мухаммадом Фахри Исфохани (745/1344) и посвященный правителю Персии и Ирака Джамалуддину Абуисхаку Инджу, стал более популярным под названием «Меъёр-и Джамали» [43]. Иными словами, привязка словаря или других литературных произведений к имени правителя и покровителя была в Средневековье обычной традицией.

Словарь «Даниш-наме-и Кадархан» был написан на первом этапе формирования персидско-таджикской лексикографии в Индии. Внимание и эстетический интерес Ашрафа ибн Шарафа аль-Музаккира аль-Форуки к произведениям поэтов Мавераннахра и Хорасана, в том числе к произведениям Рудаки, Абушакура Балхи, Фаррухи Сиистани и других поэтов, особенная приверженность к «Шах-наме» Фирдоуси и «Шараф-наме» и «Сикандар-наме» Низами Гянджеви имеют свои причины. В период жизни аль-Форуки интерес индийских научных и поэтических кругов к персидско-таджикской литературе необычайно возрос как в плане её изучения, так и в литературном подражании. В Индии еще при жизни автора «Даниш-наме-и Кадархан» и в последующем было написано несколько комментариев к «Шах-наме» Абулькасима Фирдоуси, в которых даны ясные пояснения лексики, непонятной жителям Индии, говорящим на персидском языке.

После появления словаря «Муджами «Шах-наме» Дафтар-хана Олима в конце XII в. это направление получило определенное развитие. После этого произведения был составлен специальный словарь для пояснения части

лексики известного эпоса Фирдоуси, известный в истории литературы под названием «Фархангнаме-и Фирдавси» («Энциклопедия Фирдоуси»), которая, к сожалению, не сохранилась до наших дней, однако автор словаря «Фарханг-и зуфонгуё ва джахонпуё» («Словарь для полиглотов и путешественников») ссылается на него при объяснении некоторой лексики [17, 37-57]. В следующие века на территории Индии появились специализированные словари о «Шах-наме» Фирдоуси, некоторые из которых мы здесь упомянем:

- «Фарханг-и луготи Шохнома» («Словарь лексики «Шах-наме»), автор которого и время его составления неизвестны. Однако автор «Фарханг-и Джахангири» назвал его источником для своего произведения;

- «Гандж-наме» («Книга сокровищ») Али ибн Тайфура Бастами, составленный в период правления Абдуллаха Кутб-шаха (1035-1083/1656-1704);

- «Мушкилоти Шохнома» («Трудные вопросы «Шах-наме»), автор этого произведения также неизвестен, и Шуури использовал его в качестве источника для своего словаря;

- «Лугати Шохнома» («Словарь «Шах-наме»), автор неизвестен, год написания 1156/1777, неполный экземпляр хранится в Каире;

- «Фарханг Шахнаме» («Словарь «Шахнаме»), произведение Мубада Ийдиля ибн Мубада Доро, в котором даны разъяснения древней лексики, пехлевийской лексики, трудной лексики и словосочетаний из «Шах-наме». Автор, выходец из индийских персов, опубликовал упомянутый словарь вместе с другим трактатом в Бомбее в 1809 году;

- «Гандж-наме» («Книга сокровищ») поэта Муджрима, включающая лексику из «Шах-наме», написана в 1908 году в Кашмире и подарена правящей династии этой провинции. Упомянутый словарь также представляет ценность и содействует пониманию сложной лексики в «Шах-наме» Фирдоуси. Стоит отметить, что в «Гандж-наме» в отдельном разделе в алфавитном порядке перечислены 112 терминов из «Шах-наме» [177, 37-57].

Из приведенных выше сведений исходит, что необходимость в

дополнительных словарях, предназначенных для пояснения трудной персидской лексики, в том числе лексики из «Шах-наме» Фирдоуси, существовала в Индии издревле. Автор «Даниш-наме-и Кадархан» также ощутил необходимость в таком произведении и внес собственный вклад в пояснение и комментирование трудной лексики в поэтическом наследии известных поэтов-предшественников. Как уже отмечалось, проникновение и распространение в Индии персидско-таджикских классических произведений, их изысканный и древний язык требовал особого представления для персоязычного населения, укоренившегося здесь и испытывавшего трудности при чтении древних слов с незнакомым смыслом. Потребность в подобном объяснении и интерпретации во многом и стала предпосылкой для развития лексикографии раннего классического периода развития языка на Индийском субконтиненте.

Ашраф аль-Форуки внес существенный вклад также и в интерпретацию трудной лексики и словосочетаний из поэзии Низами Гянджеви, чьи произведения «Шараф-наме» и «Сикандар-наме» он считал важными лексикографическими источниками. Можно сделать вывод, что классическая персидско-таджикская литература и научные труды пользовались огромной популярностью у населения Индии, и почитание и интерес к произведениям Рудаки, Фаррухи, Фирдоуси, Низами и других поэтов и учёных Мавераннахра, Хорасана и Ирана подвигли многих лексикографов взяться за нелегкий труд пояснения классической поэзии со свойственной ей замысловатостью и парадигмами.

В предисловии автор подчеркивает, что уделил особое внимание медицинской терминологии, чтобы обучающимся стали доступны и понятны трудности медицинской науки. Еще до автора «Даниш-наме-и Кадархан» в Индию из Мавераннахра, Хорасана и Ирана были привезены некоторые известные медицинские произведения на персидском языке, лексика и терминология которых составляли определенную трудность для местных жителей. Как уже отмечалось, начало созданию произведений о медицине на

персидско-таджикском языке было положено «Даниш-наме» и «Канонем медицинской науки» Абуали ибн Сины [52, 2], после чего в этом отношении осуществил значимую деятельность известный учёный и врач Исмаил Джурджани, писавший на персидско-таджикском языке. Например, его книга - «Захираи Хоразмшохи» («Сокровищница Хорезмшахов»), представляющая собой прозаический шедевр медицинской науки, уже была известна ученым-медикам, лекарям и правителям Индии к периоду написания «Дониш-наме-и Кадархан». Также можно назвать произведения Абухалида аль-Кайрувани – «Китаб аль-адвия аль-муфрада» («Трактат о простых лекарственных средствах»), «Тибб аль-фукара валь масакин» («Медицина для бедных») ибн Рушда, «Аль Куллиёт фи-т-тиб» («Медицинская энциклопедия»). Книги, связанные с медициной, затрагивающие фармакологию, медицину, фитологию и т.д., начали проникать на территорию Индийского субконтинента со времен Исмаила Джурджани, а по прошествии нескольких столетий стала очевидной потребность в их ясной и точной интерпретации для местного населения. Автор «Даниш-наме-и Кадархан» стремился в некоторой степени устранить возникшую трудность и пробелы в знаниях. В процессе чтения «Даниш-наме-и Кадархан» можно задаться вопросом: по какой причине он, будучи лексикографом, обращается к поэзии и медицине? Какова связь между этими двумя областями деятельности? Ответ на этот вопрос, по нашему мнению, связан с мышлением и мировоззрением людей древних времен. В силу эстетического видения и поэтического таланта аль-Форуки, вероятно, считал, что изучение упомянутых наук в совокупности является полезным и достойным делом.

В «Даниш-наме-и Кадархан» нашло пояснение множество слов, связанных с письменностью, поэзией, медициной, природой, астрологией и оказавших содействие в решении проблемы понимания и осознания на территории Индии древней персидско-таджикской культуры, традиций литературы и науки. Эти традиции демонстрируют тесную связь персоязычного населения Индии с персидско-таджикским языком и

культурой, благоприятные условия для их укрепления, благоволение правящих династий к глубокому изучению персидско-таджикского языка, возможность постигать самобытную персидскую культуру, которые в целом заложили крепкие основы и традиции развития таджикской лексикографии [9,7].

После «Даниш-наме-и Кадархан» в XV веке было написано несколько других словарей, в том числе «Шараф-наме-и Маняри» («Достоинства Маняри»). Выяснилось, что автором словаря является поэт-мистик и известный учёный Ибрагим Кивамуддин аль-Форуки. Автор словаря дал интерпретацию персидских, тюркских и частично – арабских слов. Иранские исследователи определили временем написания «Шараф-наме-и Маняри» 878 год хиджры. Таджикский исследователь Ш. Рустамов называет в качестве даты написания словаря 1473-1474 гг. [80, 31]. Однако, по мнению В.А. Капранова, «Шараф-наме-и Маняри» написан в 870 году хиджры/1466 году и его автором является Ибрагим Кивомуддин аль-Форуки [102, 9]. Период и место написания словарей «Даниш-наме-и Кадархан» и «Шараф-наме-и Маняри», отчасти схожие имена авторов, лексикографическая направленность работ и единый литературный круг стали причиной для вывода, что у обоих словарей один автор. Этот довод опровергается нашими исследованиями, потому что разница во времени при написании обоих произведений составляет около 68 лет, тематический аспект словарей разнится, по сведениям В.А. Капранова, в рукописном фонде АН Республики Таджикистан имеются два экземпляра «Шараф-наме-и Маняри» [102, 9], в то время как ни единого экземпляра словаря «Данишнаме-и Кадархон» на территории Республики Таджикистан не обнаружено либо рукопись до сих пор не найдена. Этот вопрос требует дополнительного изучения и отдельного исследования.

По мнению доктора К. Дизфулияна, в индийской персоязычной лексикографии классического периода развития языка существовали следующие словари:

1. «Лугат-и Каввас» («Словарь Кавваса») Мухаммада Фахруддина

Мубаракшаха (695/1316).

2. «Дастур-уль-афазил» («Руководство ученым людям») мавляна Рафеи Дехлави (743/1364).

3. «Бахр-ул-фазаил» («Океан мудрости») мавляна Фазлуддина Мухаммада ибн Каввама (795/1416).

4. «Адат-ул-фузала» («Правила ученых людей») кази Бадруддина Дехлави (722/1343).

5. «Мифтах-ул-фузала» («Ключ для ученых людей») Мухаммада ибн Дауда ибн Махмуда (873/1494).

6. «Шараф-наме-и Муняри» шейха Ибрахима Кивама (877/1498];

7. «Муджмал-ул-аджам» (Трудности аджамийского языка) Асима Шуайба Абдуси (914/1535);

8. «Тухфат-ус-саадат» («Дар счастья») Махмуда ибн шейха Зия (914/1535);

9. «Муайид-ул-фузала» («Укрепляющий ученых») мавляна Мухаммада ибн Лода (925/1546) [146, 20-21].

Выясняется, что словарь «Даниш-наме-и Кадархан» в представленном списке не упоминается, причиной чему, по нашему мнению, является недостаточная осведомленность К. Дизфулияна об этом древнем словаре. В этом списке в хронологическом порядке словарь «Даниш-наме-и Кадархан» должен числиться на пятом месте. Наряду с этим по представленному списку можно сделать вывод, что за четыре столетия персидско-таджикская лексикография уже обладала основательным фундаментом для успешного развития в последующие века.

Словарь «Даниш-наме-и Кадархан» относится к раннему периоду развития лексикографии. Необходимо отметить, что словари раннего классического периода развития языка обладают общностью и гармонично дополняют друг друга. По структуре и содержанию «Даниш-наме-и Кадархан» наиболее близок к «Лугати фурс» Асади Туси. Таджикский ученый Н. Гиёсов разделил словари, написанные после «Лугати фурс» вплоть до XVII века, на

две группы. К первой отнесена группа интерпретативных словарей, которые следуют традициям составления словаря Асади Туси и отличаются только небольшими расхождениями в количестве лексических единиц или поэтических примеров. Ко второй группе относятся словари, признанные самостоятельными произведениями известных лексикографов, однако в своей основе они косвенно продолжают традиции Асади Туси, несмотря на некоторую новизну и новые лексические образцы [3, 21-22]. Хотя персидско-таджикские словари, появившиеся на севере Индии, и представляли собой два их основных вида («лугат» либо «фарханг»), однако в современном понимании они были многоязычными, сообразуясь с употреблением синонимов и терминов при толковании лексем. Ранние персидско-таджикские словари представляли собой своего рода мобильную многопрофильную энциклопедию, т.е. подходили для всех случаев жизни того времени. Основное назначение фарханга объясняется тем, что имеющаяся в нем лексика, принципы её отбора, характер словарной статьи и принципы построения разительно отличаются от подобных изданий более поздних лет. Так, изначально находясь под сильным влиянием арабского лексикографического опыта, персидско-таджикский фарханг в значительной степени обогнал свое время, отличаясь практической направленностью и источниками [78, 88].

Большинство лексикографических произведений XIII-XIV веков, составленных на территории Индийского субконтинента, не ограничивались незамысловатым пояснением слов, а содержали всеобъемлющее и ясное изложение сведений и знаний, служили источником для вдохновения и помощником для литераторов и почитателей литературы той исторической эпохи. Важные лингвистические заметки, которые имеются во введении или в содержании каждого лексикографического произведения, играют важную роль в исследовании развития и эволюции таджикского языка. Осуществленное исследование привело нас к выводу, что сведения из древних лексикографических произведений классического периода развития языка, без всякого сомнения, могут стать достоверными источниками при изучении

истории становления и развития персидско-таджикского языка и литературы.

1.3. Источники словаря и его структура

Источники словаря. Сам аль-Форуки умалчивает об источниках для собственного лексикографического произведения и в предисловии указывает, что сочинил его для лучшего понимания смыслов и слов из «Шах-наме» Абулькасима Фирдоуси и «Сикандар-наме» и «Шараф-наме» Низами Гянджеви, однако фактически привел также немало поэтических образцов из классических произведений других поэтов. По словам Н. Рахмонзода, в «Даниш-наме-и Кадархан» упоминаются поэтические образцы, принадлежащие более чем 70 поэтам-классикам, среди них больше всего образцов поэзии Абуабдуллаха Рудаки – 64 бейта, Абулькасима Фирдоуси – 59 бейта, Унсури – 41 бейт [78, 92]. Цитирование поэтических образцов в качестве подтверждающего довода в употреблении слов является важной частью словарей классического периода развития языка и всех лексикографических поэтических словарей, поскольку поэзия является наиболее ярким образцом подвижности языка, его трансформаций и генезиса. По мнению Ш. Хусейнзода и Р. Хошима, одним из первых фархангов, в котором часто применяется аргументированное цитирование, был «Даниш-наме-и Кадархан» [169, 202]. С.И. Баевский утверждает, что множество бейтов приводятся со словами: «*Бузурги гуфтааст ...* (Великий сказал...)» без упоминания авторов и принадлежат многим известным поэтам [98, 120]. Сведений об использовании «Даниш-наме-и Кадархан» как источника при составлении более поздних словарей не имеется. Однако при чтении словаря в нём явно прослеживаются традиции нескольких известных и популярных словарей: «Мукаддимат-ул-адаб» Махмуда аз-Замахшари, «Лугати фурс» Асади Туси и «Фарханг-и Каввас».

Джаруллах Махмуд ибн Ахмад аз-Замахшари аль-Хорезми (1075-1144) – один из выдающихся учёных-экзегетов в таджикско-персидской литературе и науке, сыгравший важную роль в истории исламской цивилизации.

Джаруллах Замахшари оставил ценное наследие, а его комментарий «Аль-Кашшаф» до сих пор пользуется большим авторитетом у представителей науки и религии. Он не только способствовал пониманию и толкованию значений Корана, но и прекрасное знание арабского языка позволило Джаруллаху аз-Замахшари написать несколько книг, связанных с изучением этого языка, например, его книги «Асас-ул-балага» и «Мукаддимат-ул-адаб» связаны с изучением арабского языка. По мнению А.К. Боровкова, автора статьи «К истории словаря «Мукаддимату-л-адаб» Замахшари», «...следует отметить, что личность Замахшари как ученого-языковеда и литературоведа обладала огромным авторитетом на Востоке. Его книга «Мукаддимат-ул-адаб» в течение многих веков служила как руководство по изучению арабского языка, она помимо введения состояла из пяти частей: имена, глаголы, частицы, склонение имен, склонение глаголов, наибольшую часть книги составляли две части, посвященные лексикографии» [180, 148].

«Мукаддимат-ул-адаб» Замахшари по сути представляет собой двуязычный словарь, в котором арабские слова переведены на таджикско-персидский язык. Порядок составления этого словаря основан не на начальных буквах или первых буквах, а каждая глава написана по определенной теме и состоит из 98 малых глав. Х.Рухани дал справедливую оценку усилиям аз-Замахшари по поиску таджикско-персидских эквивалентов арабских слов и отметил: «При исследовании слов становится ясно, что автор приложил немало усилий в выборе оригинальной персидской лексики и добился в этом значительного успеха» [114, 32]. Иранский исследователь высказывает сожаление, что найденные Замахшари красивые и приятные для слуха персидские слова, эквивалентные арабским, не используются в современный период. В подтверждение приведем несколько примеров из «Мукаддимат-ул-адаб»:

Барқун – *дурахш* [21] / свет, сияние, блеск;

Мартабатун – *пойгоҳ* [21] / основание, фундамент, опора;

Ришватун – *поймузд* [21] / плата за визит, вознаграждение

Из приведенных примеров можно увидеть, что каждая арабская лексема имеет красивый таджикский эквивалент. Подобных примеров в «Мукаддимат-ул-адаб» аз-Замахшари можно найти в изобилии. В целом указанный словарь является надежным и достоверным источником для изучения арабского языка и использования исконно таджикских слов, а его издание на кириллице принесет большую пользу и арабистике, и таджикской лексикографии.

Вероятно, впечатление от словаря «Мукаддимат-ул-адаб» у аль-Форуки было сильным, потому что он следовал лексикографическим принципам аз-Замахшари и сделал его книгу лексикографическим руководством для написания словаря.

В последующие столетия, прошедшие после составления словаря «Мукаддимат-ул-адаб», и следуя его традициям, появилось множество словарей на таджикско-персидском и тюркском языках. Ахмад ибн Хайруддин Исхак Эфенди [умер ок. 1708 г.] перевел его на турецкий язык. «Мукаддимат-ул-адаб» оказал большое влияние на формирование лексикографических школ в странах Востока [114, 30]. Ашраф аль-Форуки широко использовал его в «Даниш-наме-и Кадархан», написанном через триста лет после «Мукаддимат-ул-адаб». В древних словарях не существовало традиции указывать использованные источники, однако в процессе исследования все же ощущается, что одним из источников для «Даниш-наме-и Кадархан» является произведение Джаруллаха Замахшари «Мукаддимат-ул-адаб». Это подтверждается тем, что в «Даниш-наме-и Кадархан» по сравнению с «Лугати фурс» Асади Туси и «Фарханг-и Каввас» Фахруддина Мубаракшаха Газневи истолковано немало арабской лексики, большинство которой заимствовано из «Мукаддимат-ул-адаб» аз-Замахшари.

Лексика, упомянутая в «Даниш-наме-и Кадархан» и заимствованная из «Мукаддимат-ул-адаб», в большинстве случаев является прямым цитированием, к примеру:

«Даниш-наме-и Кадархан»	«Мукаддимат-ул-адаб»
НАЧҚАР – <i>дурудгар</i> /плотник [2,	НАЧҚАРУН – <i>дурудгар</i> /плотник

546]	[21, 56]
ИНАБ – <i>ангур бувад</i> / это виноград [2, 20a]	ИНАБУН – <i>ангур</i> /виноград [21, 19]
РУММАН – <i>анор бувад</i> / это гранат [2, 1376]	РУММАНУН – <i>анор</i> /гранат [21, 19]
ТИН – <i>анчир бувад</i> / это инжир [2, 696]	ТИНУН – <i>анчир</i> / инжир [21, 19]
АРЪАР – <i>сарв бувад</i> / кипарис [2, 201a]	АРЪАРУН – <i>дарахти нож; сарв; коч; дарахти сарви чабалӣ</i> / дерево кипарис; ель; дерево горного кипариса [21, 43]

В приведенных примерах разница отмечается только в огласовке слов, а в арабском произношении существительное получает танвин – нунацию (диакритический знак, который проставляют над последней согласной буквой существительных и прилагательных, при этом звук произносят, однако букву *нун* не пишут), поэтому в тексте «Мукаддимат-ул-адаб» упоминается «*наччарун*», а в «Даниш-наме-и Кадархан» нунация отсутствует.

То есть, можно сделать важный вывод о развитии таджикского языка XV века: заимствованная арабская лексика уже приспособилась к правилам таджикской грамматики, поскольку пишется без нунации, то есть уже не подвластна правилам арабской грамматики.

Другая традиция аз-Замахшари – толкование таджикских слов с помощью арабских эквивалентов – также была заимствована аль-Форуки из «Мукаддимат-ул-адаб». Например,

«Даниш-наме-и Кадархан»:

ДУШИЗА – *гӯянд бикр*/ говорят про невинную целомудренную девушку [2, 137a].

«Мукаддимат-ул-адаб»:

БИКРУН - *дӯшиза*; невинные девушка или юноша [21, 43].

Известно, что словарь «Даниш-наме-и Кадархан» был написан в индийской лингвистической среде и в период его появления понятия, связанные с христианством и иудаизмом, не были столь популярны и

распространены на этой территории. По этой причине индийским персоязычным лексикографам при составлении словарей требовалась более подробная интерпретация слов, которую можно было почерпнуть только из словарей их предшественников, живших за пределами Индии, и мы можем обосновать своё утверждение на примерах из двух исследуемых словарей. Например, слова *ускуф* - «епископ», *салиб* - «крест», «*чалипо*» - *крест*, *калисо* - «*церковь*», «*зуннор*» - *власяной пояс* и т.п. относятся к христианской религии. Для толкования этих слов Ашраф аль-Форуки использовал лексикографические сведения из «Мукаддимат-ул-адаб». В «Даниш-наме-и Кадархан» можно встретить такие слова:

ХАЛИПО - *буте аст, ки тарсоён онро мепарастанд ва дар зуннор меандозанд* /крест, которому поклоняются христиане и который вешают на власяной пояс [2, 16а].

САЛИБ – *бутхона; ва бути зуннор; ва тахтаи чӯб, ки номи бут дар он менависанд ва дар гардан меовезанд*/ место поклонения; и идол на власянице; и деревянная доска, на которой написано имя идола, которую вешают на шею [2, 18б].

В «Мукаддимат-ул-адаб» упомянутые выше слова все вместе интерпретированы следующим образом:

САЛИБУН – *чалипо; сурате, чӯбе, ки тарсоён бад-ӯ таъзим мекунанд*/ идол; картина, деревянный крест, которому поклоняются христиане [21, 51]. Из этих примеров видно, что аль-Форуки допустил ошибку в интерпретации слова *салиб*, потому что христиане не пишут имени идола на кресте, и в данном случае толкование аз-Замахшари более достоверное. Но похоже, что аль-Форуки под влиянием среды обитания интерпретирует слово *салиб* в значении «идол», что является ошибкой. Толкование слова «*ускуф*» аль-Форуки также заимствовал у аз-Замахшари:

«Даниш-наме-и Кадархан»:

УСКУФ – *ҳакими тарсоён бувад* / епископ – предводитель христиан [2, 96б].

«Мукаддимат-ул-адаб»:

УСҚУФУН – *қозии тарсоён* / епископ – судья у христиан [21, 51].

В целом большинство арабизмов, вошедших в «Даниш-наме-и Кадархан», было заимствовано из словаря «Мукаддимат-ул-адаб» Замахшари. Наряду с этим лексикографический материал из предшествующего словаря может оказать содействие в объяснении множества трудных или непонятных слов в «Даниш-наме-и Кадархан» аль-Форуки.

Древний словарь «Лугати фурс» Асади Туси стал руководством для известных словарей в таджикско-персидской лексикографии: «Сихох-ул-фурс» Нахджувани, «Тухфаи Убахи» («Дар Убахи»), «Фарханг-наме» («Словарь») Вафай и др. «Лугати фурс» существенно повлиял и на индийскую лексикографическую среду, поскольку начиная с первого толкового словаря, написанного на территории Индии - «Фарханг-и Каввас», и далее более поздние словари также непосредственно или опосредованно, через другие словари, использовали «Лугати Фурс» в качестве источника.

«Лугати фурс» Асади Туси также оказал сильное влияние на «Даниш-наме-и Кадархан» аль-Форуки, и оно выражается в следующих аспектах.

Заимствование словарного значения лексических единиц

В процессе толкования аль-Форуки использует объяснения, данные в «Лугати фурс», иногда дополняя их. В качестве примера мы приведем некоторые образцы:

Лугати фурс	Данишнаме-и Кадархан
ШАҒО – <i>тирдон бошад</i> / - это колчан [3, 46]	ШАҒО – <i>тиркаш ва тирдон бувад</i> / это тетива лука и колчан [2, 116]
ХУЧ – <i>точи хурӯс бувад ва хуча низ гӯянд</i> / - это гребешок петуха, и его также называют худжа [3, 90]	ХУЧ – <i>точи хурӯс бувад ва туркҳо кулохро ҳам гӯянд</i> / это гребешок петуха, и турки называют так шапку [2, 376]
КОБЛЕЧ – <i>ангушти кеҳини пой бошад</i> / это большой палец на ноге [3, 90]	КОБУЛЕЧ – <i>ангушти кеҳини пойро гӯянд, яъне нарангуит</i> / это большой палец на ноге [2, 30а]

Критический взгляд на толкование, приведенное в «Лугати фурс»

Большинство слов, включенных в словарь аль-Форуки, заимствовано из «Лугат-и фурс» через словарь «Фарханг-и Каввас», при этом аль-Форуки относится к ним критически, либо полностью объясняя их, либо заменяя поэтический аргумент. Критическая точка зрения аль-Форуки также некоторым образом отражается на расположении словарных статей в его словаре. То есть, порядок размещения слов в «Даниш-наме-и Кадархан» отличается от «Лугати фурс» или «Фарханг-и Каввас».

Влияние «Лугати фурс» на словарь аль-Форуки является не прямым, а косвенным, то есть через «Фарханг-и Каввас». Иными словами, то, что из «Лугати фурс» цитировалось в «Фарханг-и Каввас», без существенных изменений заимствовано в «Даниш- наме-и Кадархан». Касательно главы о днях празднования, то она полностью заимствована из «Фарханг-и Каввас».

Подобный подход автора «Даниш-наме-и Кадархан» прослеживается во множестве случаев. Это можно утверждать с уверенностью, демонстрируя следующие примеры.

«Даниш-наме-и Кадархан»:

ВАНГ - *дарвеш ва гадоро гӯянд. Сӯзанӣ гӯяд*:/так называют дервишей и нищих. Сузани говорит:

**Миннатпазир бошӣ, миннатниҳанда не,
К-аз ту ғанӣ шаванд ба рӯзе ҳазор ванг/
Будь благодарным, не напоминай о благодарении.
Тысяча нищих за день до тебя станут богатыми [2, 1066].**

«Фарханг-и Каввас»:

ВАНГ - *дарвеш ва гадоро гӯянд. Низ Сӯзанӣ гӯяд*//называют дервишей и нищих. Сузани приводит:

**Миннатпазир бошию миннатниҳанда не,
К-аз ту ғанӣ шаванд ба рӯзе ҳазор ванг /
Будь благодарным и не напоминай о благодарении.
Тысяча нищих за день до тебя станут богатыми [23, 204.]**

«Даниш-наме-и Кадархан»:

ТУЛАНГ – *ҳочат бувад*/ - это потребность [2, 1066].

«Фарханг-и Каввас»:

ТУЛАНГ – *ҳочат*/потребность [23,104].

Та же ситуация наблюдается в интерпретации слов *курок, шабчарогак ва оташак, намусак, шӯлак, кӯрак, юнг* и т. д. Часто последовательность слов, упомянутая в «Даниш-наме-и Кадархан», в точности повторяет порядок «Фарханг-и Каввас».

Можно сделать вывод, что на автора «Даниш-наме-и Кадархан» оказали влияние несколько лексикографических подходов и он выбрал два подхода к составлению словарей, которые были распространены ранее:

1. Лексикографический подход, использованный Джаруллахом Замахшари в «Мукаддимат-ул-адаб», при котором следует объяснять каждое слово по тематике, например имена небес, имена ангелов и т.п. Такой подход к толкованию использовал до аль-Форуки другой персидский лексикограф, Фахри Каввас.

2. Лексикографический подход, примененный в «Лугати фурс» Асади Туси, который состоит из предисловия и глав, посвященных каждой букве, что характерно для подготовки словарей.

Аль-Форуки использовал элементы обоих подходов при составлении собственного словаря, и его выбор представляется совершенно логичным, поскольку таким образом он стремился исправить недостатки «Фарханг-и Каввас», в котором читателю, не знающему, в какой части словаря содержится искомое слово, было трудно найти толкование этого слова. Аль-Форуки составил словарь по главам в соответствии с последней буквой слова. Однако три отдельных раздела о названиях персидских месяцев, праздников и дней он составляет в подражание «Мукаддимат-ул-адаб» аз-Замахшари [2, 96-106].

Отличием словаря «Даниш-наме-и Кадархан» является способ написания искомого слова в первых трех главах. Если в основных главах толкование слова расположено рядом со словарной единицей, то в первых трех главах толкование слов представлено с персидским синонимом, помещенным непосредственно под этим словом.

Одним из важных источников для подготовки «Даниш-наме-и Кадархан» является диалект региона Малавы в Северной Индии, в котором проживал аль-Форуки. Влияние малавского диалекта на составление исследуемого словаря выражается в том, что во множестве случаев персидская лексика объясняется словами из хинди. К примеру,

ЛАБОН - *илк бувад, яъне кундур ва ба ҳиндуӣ мустакӣ гӯянд* / это древесная смола, то есть кундур, и на хинди её называют муस्ताки [2, 154б].

БАҚЛАТУЛҲАМҚО – *хафраҷ, ки ба ҳиндуӣ лавнак гӯянд* / лаванда, которую на хинди называют лавнак [2, 16а].

САДОБ – *тараи маъруф аст, ки ба ҳиндуӣ соулӣ гӯянд, ки пайваста сабз бошад* / известная трава, на хинди её называют соули, которая всегда зеленая [2, 18б].

ШАББ - *зоки туркӣ, ки ба порсӣ занги булур, ба ҳиндуӣ пхатқари хонанд* / турецкий купорос, который на персидском называют занг-и булур, а на хинди называют пхатқари [2, 22а].

ПАРВО – *фарогат бувад* / это есть спокойствие [2, 17а].

КИРОЗ – *беле бувад, ки ду кас ришта баста бикашанд ва замин рост кунанд, ба ҳиндуӣ миттӣ гӯянд* / это лопата, к которой привязывают веревку и тянут двое, чтобы разровнять землю, на хинди её называют митти [2, 74а].

Далее он приводит бейт из поэзии Аммора:

**Маҷлису маркабу шамшер чӣ донад ҳама ланг,
Сару кораш ҳама бо гову замин асту кироз
Бездељниқу отқуда знатъ собрание, скақуна и меч,
Его удел – пахатъ на воле и лопатой землю ровнять** [2, 74а].

ХАПАК – *онро гӯянд, ки дар кишт сурати одамӣ аз қоҳ меқунанд, ба ҳиндуӣ бадаҳва гӯянд* / это то, что на поле делают из соломы в виде человека [чучело – Р.Н.], на хинди его называют бадахва [2, 100б.]

БОҒУНДА – *пунбаи зада бувад, ба ҳиндуӣ қоламӣ гӯянд* / хлопковая вата, на хинди называют қолами. Далее приводит бейт из поэзии Абушуайба:

**Чаҳоне шуда фартут чу боғунда сару риш
Кунун гашт сияҳмӯй арӯсӣ шуда чамош** [2, 192б-193а].

*Мир стал стар, словно вата – голова, и борода седою стала,
И вот теперь стала невестой черноволосой с хитрецей.*

СИВОРСАНД - ба ҳиндуӣ қаҳина бувад, дар гардани бачагон овезанд / на хинди называют қаҳина, вешают на шею детям в виде амулета [2, 426].

Все лексикографические произведения являются результатом творчества, проявление которого прямо или косвенно обусловлено средой обитания автора произведения, идеологической и социально-бытовой обстановкой независимо от того, имеет ли на нее существенное влияние культурная среда. Отсутствие сведений о личности Ашрафа аль-Форуки, его убеждениях и мировоззрении не мешает сделать предположение о его просвещенном уме, сподвигшем его на написание необходимого в тот период лексикографического произведения в целях содействия пониманию красоты и изящества персидско-таджикской поэзии, изучению медицины и обретению других необходимых человеку знаний.

К сожалению, другие источники, которыми мог воспользоваться автор при написании словаря, нам неизвестны, и упоминаний о них в словаре не обнаружено. Часть медицинской лексики и терминологии можно встретить в произведении Хакима Майсари [171]. Также сложно найти источники для толкования названий драгоценных камней и природных веществ, используемых врачами и учеными, встречающихся в словаре аль-Форуки.

Терминология, цитируемая в «Даниш-наме-и Кадархан», по всей вероятности, заимствована из научных произведений периода создания словаря. О медицинской терминологии более подробные сведения будут даны в следующей главе диссертации.

Структура словаря. Структура «Даниш-наме-и Кадархан» незамысловата и проста и в то же время обладает собственными характерными особенностями.

Необходимо отметить, что древние персидско-таджикские словари имеют поэтическую направленность, то есть по своему содержанию они были предназначены для толкования и интерпретации поэтических слов и

словосочетаний. В связи с этим при составлении словаря поэзии учитывалась последняя буква слова, соответствующая созданию рифмы. При упорядочении словарных единиц учитывалась последняя буква слова. В словарях раннего периода толкование общеупотребительной лексики не приводилось, получали объяснение только непонятные слова, использованные в поэзии. Также в словарях раннего периода не обращалось особого внимания на огласовки - *иъраб* [огласовка конечных звуков слов в арабской графике], однако обязательным атрибутом был поэтический образец. При разделении словаря на главы персидские буквы *гяф, че, же, пе* специально не выделялись, они указывались наряду с арабскими буквами [146, 19-20].

Такова общая характеристика персидско-таджикских словарей раннего периода, имевших хождение на Индийском субконтиненте. «Даниш-наме-и Кадархан» также обладает упомянутыми характеристиками и не является исключением из этого правила, в целом он написан в соответствии с традициями раннего периода персидской лексикографии, сложившейся на Индийском субконтиненте.

Прежде чем приступить к анализу структуры словаря, следует уделить некоторое внимание традициям написания предисловия [*дебоча*], получившим распространение в лексикографии исследуемого периода.

В истории персидско-таджикской лексикографии традиция писать предисловие к словарю является одной из древнейших. Традиционно в предисловии авторы древних словарей после хвалебных слов в честь персоны, которой посвящено произведение, упоминали полное имя автора, причину создания произведения, указывали его назначение, источники, подходы и приемы к размещению словарных единиц, высказывали авторские суждения о предшествующих словарях. Также в предисловии авторы выражали собственную точку зрения на язык и способы составления словарей [8, 9, 56, 81].

Исследование традиции написания предисловия к лексикографическим произведениям раннего классического периода развития персоязычной

лексикографии в Индии остается проблемой, требующей всестороннего исследования. Трудность заключается в том, что предисловия к древним словарям доисламского периода, раннего послеисламского периода и раннего классического периода развития лексикографии еще полностью не исследованы, равно как и суждения о данной традиции самих авторов и исследователей. Это отчасти обусловлено тем, что большинство древних словарей попросту не сохранилось, а в более поздних словарях цитируются только словарные статьи или имеется ссылка на их присутствие в каком-либо предшествующем утраченном лексикографическом произведении.

На основании имеющихся сведений очень сложно сделать конкретный вывод о существовании предисловия в древних словарях Абухафса, Катрана или Табрези, не сохранившихся до наших дней. Существует большая вероятность того, что словарь Абухафса Сугди имел предисловие, поскольку трудно представить, чтобы автор в начале словаря хотя бы вкратце не сказал о его назначении и источниках. Достоверно известно, что словарь Катрана не имел предисловия, поскольку на основе сведений об этом словаре, предоставленных Асади Туси и Нахджувани, можно сделать вывод, что Катран составил словарь для личного пользования, содержащий всего около 300 слов, в виде памятки, которая позднее распространилась и, по мнению С.И. Баевского, «...не имела внутренней структуры» [97, 25].

В предисловии к «Лугати фурс» Асади Туси можно найти сведения, которые в последующие века стали основными обязательными частями введения к лексикографическим произведениям. По мнению Н. Гиёсова, «чрезвычайная ценность этого словаря проявляется и в том, что Асади, наряду с составлением словаря, определил правила и нормы таджикско-персидской лексикографии на последующие несколько столетий и осуществил их систематизацию» [3, 21].

В начале предисловия Асади Туси подчеркивает: «...гордость людей перед другими существами – в их речи, и речь есть единство смысла, и она бывает в двух формах: одна – в форме поэзии, вторая – в форме прозы» [13, 1].

Далее он упоминает причину составления словаря: «Наша цель в составлении этого персидского словаря состоит в том, что я видел образованных поэтов, но знавших мало персидских слов, а поэт по имени Катран составил словарь, и [в нем] были [собраны] более известные слова» [13, 1]. Цитируя суждение Асади Туси, мы стремимся подчеркнуть, что учёный назвал имя его предшественника-лексикографа и одной фразой определил лексикографическую суть словаря Катрана – толкование слов, распространенных в поэзии на персидском-дари языке. Также становится очевидным, что лексика, приведенная в словаре Катрана, была знакома Асади Туси, бывшему по происхождению персом. Однако для лексикографа Катрана и жителей Тебриза эта лексика представляла определенную трудность для понимания, поскольку язык дари не был для них родным языком. Второй важный момент в предисловии к «Лугати фурс» заключается в том, что Асади Туси не был знаком со словарем Абухафса Сугди. По нашему мнению, обладая сведениями об указанном словаре, Асади Туси не преминул бы упомянуть это.

Далее Асади Туси упомянул имя персоны, вдохновившей его на написание словаря, указал метод цитирования поэтических образцов и способы расположения словарных единиц.

Составителем другого словаря классического периода развития языка, «Маджмуат-ул-фурс» («Персидский сборник»), является Абулаала Джарути [26]. Доктор Атауллах Джувейни в предисловии к словарю отметил: «из предисловия к рукописи выясняется, что в то время, кроме словаря Асади, других словарей не существовало, и даже если бы такой словарь существовал, то он не был записан. Поэтому время написания этого словаря можно считать близким ко времени написания «Сихах-ул-фурс» («Совершенство персидского языка») Хиндушеха Нахджувани» [7]. Предисловие к словарю «Маджмуат-ул-фурс» относительно более подробное по сравнению с кратким предисловием к «Лугат-и фурс».

Предисловие к словарю «Сихах-ул-фурс» Нахджувани является самым большим предисловием к толковым словарям XI-XV веков и в издании

Абулала Тоати занимает около восемнадцати страниц [7, 1-18]. С первой по седьмую страницы традиционно следует хвала визирю Гиясуддину, в честь которого написан словарь. Начиная с восьмой страницы автор представил сведения о словаре и традиционно высказал критические суждения о предшествующих источниках. Первым источником для словаря «Сихах-ул-фурс» является словарь Катрана Табреси, и из суждений Нахджувани можно установить несколько фактов: во-первых, при жизни Хиндушаха Нахджувани словарь Катрана Табреси еще был распространён в обиходе, и Нахджувани он был доступен. Во-вторых, суждения Нахджувани подтверждают утверждение Асади Туси о словаре Катрана и об известности лексики, собранной в нем. В одном из разделов предисловия под названием «Введение, объяснение которого предшествует точности словаря», автор «Сихах-ул-фурс» высказал воззрения на восемь особых арабских букв и четыре особых персидских буквы и пояснил порядок пользования словарём. Предисловие к словарю «Сихах-ул-фурс», помимо обширных сведений, содержит множество уникальных интересных суждений о лексикографии, которыми руководствовались последующие составители словарей.

Предисловие к словарю «Меъёр-и Джамоли» Шамсуддина Мухаммада Фахри Исфхани очень краткое, и в издании К. Залемана, которым мы воспользовались, занимает немногим более одной страницы. В начале предисловия автор рассуждает о различии языков, об особенностях арабского и персидского языков, о применении поэтических образцов в лексикографическом произведении [43, 3].

Словарь «Фарханг-и Каввас» Мубаракшаха Газневи является первым толковым персоязычным словарем, составленным в Индии, и известен также под названиями «Фарханг-и панджбахши», «Фарханг-и Фахри Каввас», «Фарханг-и Кавваси». Мубаракшах Газневи не упомянул источники для своего словаря, однако исследователи [61; 82] отмечают, что он следовал традициям «Лугати фурс» Асади Туси в толковании слов и «Мукаддимат-ул-адаб» аз-Замахшари в методе расположения словарных единиц. В его

предисловии нет никаких упоминаний о предыдущих словарях и, соответственно, отсутствуют критические суждения о них [23, 5].

«Даниш-наме-и Кадархан» по объему является небольшим словарем. По нашим подсчетам, в нем объяснены всего две тысячи четыреста девятнадцать вокабул. Эти количество приведено без учета слов-синонимов, которые даны в описании одной лексемы.

Составление словаря – задача непростая, и в предисловии к книге автор просит читателя не оставаться равнодушным к его творчеству: *«Мултамас он, ки чун аз ранҷ бурди фаровон ва андешаи мубарради бепоён пардохтам, бар ҳар ки ин нусха бирасад аз дебоча то охир таҳвил ва табдил накунад, ки фардои қиёмат чанги ману домани ӯ бошад. Ва ин ганҷи суханро чун ганҷи куҳан дар кунҷи хона аз хешу бегона пинҳон надорад, балки чун офтоб пайдо ва бар ҳама чун рӯз ҳувайдо дорад, ки Худой шоҳид аст ин заиф ба машаққати бисёр ва ба меҳнати айёми ношумор бо тартиб ва зобитаи ҳарфи охир ба номи ин олисифот мураттаб сохта, то бузургони рӯзгор ва хондағони «Шоҳнома», «Искандарнома» ва толибони маони асоми адвияи даври охаринро ёдгорӣ ва аз латоифи макорими ӯ ҷаҳонро намудорӣ бувад/Просьба моя такова, что от моих стараний получено огромное вознаграждение и трезвые суждения, и пусть тот, кому достанется эта рукопись, от предисловия до конца, не станет его менять и поручать это кому-то, поскольку в Судный день между мной и им будет спрос. И пусть это сокровище речи не останется сокрытым от родных и чужих как старое сокровище в углу дома, а как Солнце появится и светит всем, как днем. Всевышний свидетель, этот слабый человек [аль-Форуки – Р.Н.] много трудился бесчисленные дни над порядком и точностью последней буквы этой во имя Всевышнего и составил, чтобы великие людям настоящего времени и читатели могли запомнить «Шах-наме», «Искандар-наме», ищущие знаний были осведомлены о медицинских терминах текущего времени, и показать миру ее прекрасное очарование [2, 76-86].*

«Даниш-наме-и Кадархан» является словарем, построенном на

рифмующихся словах, то есть в нем представлен особый порядок расположения интерпретируемых слов. Главы в нем расположены по конечной букве слова. В этом словаре нет отдельных глав для букв *ص, ض, ط* и *ظ*, а слова на остальные 22 буквы арабского алфавита помещены в отдельных главах. Наряду с этим названия месяцев, праздников и дней года даются в начале книги без учета последней буквы слова. Как упоминалось выше, аль-Форуки дал толкование относительно большого количества медицинских терминов, которые были непонятны его современникам. В словаре истолкованы названия предметов, городов и географических мест, животных и насекомых, предметов быта, а также термины, касающиеся различных профессий. При этом большая часть лексических единиц словаря связана с фитонимами. Из 2419 словарных единиц, упомянутых в «Даниш-наме-и Кадархан», 336 словарных единиц связаны с фитонимами, что составляет почти 14 % всех словарных единиц.

Словарь «Даниш-наме-и Кадархан» начинается с краткого предисловия, объясняющего причину написания словаря. Далее, как уже упоминалось, указаны слова, которые толкуются без учета последних букв слова. Это названия месяцев, тридцати дней месяца и названия празднеств. Мы можем увидеть это на следующих примерах:

ФАРВАРДИН – *моҳи муҳаррам* /месяц мухаррам [2, 96].

ОБОН – *дахуми моҳ*/десятое число месяца [2, 106].

НАВРУЗ – *нахустрӯзи фарвардин*/первый день Фарвардина [2, 106].

Названия персидских месяцев объясняются с использованием названий лунных месяцев летоисчисления хиджры. Например, **ФАРВАРДИН** – месяц мухаррам, или **ИСФАНДИЯРМУЗ** - месяц зульхиджа. На самом деле пояснять названия персидских месяцев таким образом ошибочно, потому что месяцы персидского календаря исчисляются по циклу Солнца, а месяцы календаря хиджры исчисляются по лунному циклу. Вероятно, здесь автор хочет указать первый, второй, третий месяц и т.д. [2, 96]. Поясняются названия тридцати дней персидского месяца, далее поясняются названия шести

праздников - Навруза, Хазана, Мусла, Фурдаёна, Мехргона и Бахманджана, какому дню и какому месяцу года они соответствуют. Например, о празднике Мехргон он указал следующее:

МЕРҲҒОН – *шонздаҳум аз меҳрмоҳ*/ Мехргон - шестнадцатый от месяца Мехр [2,106]. А вот словарная статья помещена под этим же словом и написана более мелким шрифтом.

Как уже упоминалось, «Даниш-наме-и Кадархан» состоит из 22 глав, каждая глава связана с одной буквой. Например, это главы «Бабу-л-алиф», «Бабу-л-ба». В словаре нет глав и словарных единиц, связанных с особыми арабскими буквами *са мусаллас, ха- хутти, изги, итки, зад, сад*. По нашему мнению, автор не нашел лексику, которая оканчивалась бы на упомянутые арабские буквы. В таблице показаны названия глав из словаря «Даниш-наме-и Кадархан» и количество слов, поясненных аль-Форуки.

Название главы	Количество слов, поясненных автором
Названия месяцев	12
Названия дней	30
Название празднеств	6
Бабу-л-алиф	94
Бабу-л-ба	40
Бабу-т-та	66
Бабу-л-джим	112
Бабу-л-ха	28
Бабу-д-дал	98
Бабу-з-зал	10
Бабу-р-ра	204
Бабу-з-зо	78
Бабу-с-син	46
Бабу-ш-шин	73
Бабу-л-айн	17
Бабу-л-гейн	34
Бабу-л-фа	22
Бабу-л-гяф	23
Бабу-л-кяф	263

Бабу-л-лям	105
Бабу-л-мим	67
Бабу-н-нун	278
Бабу-л-вав	73
Бабу-л-ха	511
Бабу-й-йа	108
Итого	2419

Можно заметить, что в словаре названия глав расположены по арабскому алфавиту, а слова, последняя буква которых – персидская, не вынесены в отдельную главу. Слова, заканчивающиеся на букву «же», указаны в главе «за», на букву «гяф» - в главе «кяф», на букву «чим» - в главе «джим», и на букву «не» - в главе «ба». В словарях времен аль-Форуки не было традиции помещать персидские буквы в отдельном разделе, и это стало соблюдаться и в более поздних словарях.

«Даниш-наме-и Кадархан» написан красивым и изящным стилем письма настаэлик. Количество строк на страницах словаря неодинаково. Во вводной части каждая страница состоит из десяти строк, в остальных частях она состоит из девяти строк. Стилль письма отличается от других видов персидско-таджикского письма. Словарь был переписан Исхаком ибн Ибрахимом аль-Бухари. Дату завершения переписывания рукописи он указал в месяц зулькаада 811 года хиджры/март 1409 года, то есть он переписал произведение через шесть лет после его написания аль-Форуки. Переписчик жил в период, очень близкий ко времени жизни аль-Форуки.

В период написания словаря и его переписывания популярным стилем письма все еще оставалось письмо настаэлик. Словарь переписан красивым ломаным стилем, который можно назвать образцом каллиграфического искусства. Ашраф аль-Форуки оставил после себя наследие в виде словаря «Даниш-наме-и Кадархан», а благодаря прекрасной каллиграфии и мастерству Исхака ибн Ибрахима аль-Бухари словарь был увековечен в мировой культуре и литературе.

Почерк Исхака ибн Ибрахима аль-Бухари, несомненно, уникального переписчика и самого известного каллиграфа того времени, обладает неповторимой каллиграфической красотой. Наряду с красотой почерка, произведения, переписанные этим известным каллиграфом, имеют специфические отличия от других рукописей персидско-таджикской литературы. Следует отметить некоторые специфические отличия в стиле письма Исхака ибн Ибрахима аль-Бухари, введенные им при переписывании словаря «Даниш-наме-и Кадархан»:

1. Буква *х хаваз* в начале слова иногда похожа на букву *сад* или *мим*.

2. Буква *алиф* пишется отдельно, похожа на букву *лям*, и в ее нижней части слева появляется линия. На первый взгляд она очень похожа на *лям*, но если посмотреть на букву *лям*, то можно увидеть, что она расположена ниже линии строки. Эти две буквы можно отличить по этой особенности.

3. Особые буквы персидского алфавита: *но*, *же*, *чим*, которые обычно пишутся с тремя точками, в тексте книги часто обозначаются одной точкой, что характерно для древних произведений.

4. Касательно буквы *гаф* скажем, что она в большинстве случаев не имеет отличительного знака и переписчик писал её как букву *кяф*, что характерно для древних рукописей и в древний период было нормой.

5. Буква *алиф* в соединении с буквой *лям* или *йо* пишется вместе. Верхняя часть нарисована в виде купола и соединена с буквой *лям*. То же самое происходит и с буквой *йо*.

6. Буква *х хаваз* пишется в конце слова по типу твердой буквы *йо* (*йо* с запрокинутой назад головкой), но отличается от *йо* тем, что хвост буквы очень короткий.

7. Чтобы различить начало и конец бейтов-образцов, проставлены четыре точки в форме ромба.

8. Связь буквы *дал* с *йо* такая же, как связь буквы *алиф* с буквой *йо*. Переписчик не поднимает кончика пера после написания буквы *дал* и соединяет ее с *йо*. Такой стиль написания выдержан на протяжении всей

книги, что создает определенные трудности для читателя.

9. В словарных статьях имеются огласовки. Знак *сакин* имеет форму круга: *фатха* - линия вверху, а *кясра* - линия внизу.

10. Буква *шин* пишется иногда с зубцами, иногда без зубцов. Иногда *шин* пишется с зубцами, точки над ним не ставятся, они заменены знаком, вытянутым вверх.

Можно сделать вывод, что словарь имеет сходство и различия с предшествующими лексикографическими произведениями и словарями, написанными в период жизни автора, и общность и различия считаются важным источником для изучения этапов эволюции лексикографии в классический период развития языка.

В ходе исследования нами также рассмотрен вопрос о пагинации словаря «Даниш-наме-и Кадархан». В древних словарях было традицией помечать страницы произведений при помощи абджада – обозначения чисел с помощью арабских букв и возможности для нахождения суммарного числового содержания слов, написанных арабскими буквами. Фактически переписчику не нужно было нумеровать страницы рукописи, поскольку существовал абджад. На доступной нам бакинской фото пленке рукописи наблюдается два способа пагинации. Пагинация осуществлена современными цифрами и, вероятно, выполнена составителями библиотечных каталогов. Листы нумеруются в соответствии с общепринятой практикой каталогизации и пагинации страниц рукописей. Например, в иранской каталогизации употребляется слово «барга», а в случае с рукописями пишут, что она состоит из нескольких «барга» - листов. В случае констатации 200 листов-барга это означает, что в рукописи имеется 400 страниц.

При идентификации страниц рукописи отметим, что на фото пленке имеются разночтения. Количество листов, пронумерованных современными цифрами и по методу иранской каталогизации–барга, разнится, либо их последовательность изменена, вероятно, в процессе фотосъемки. В процессе издания факсимиле нумерация была систематизирована и упорядочена [2].

В процессе упорядочения пагинации словаря до 125-й страницы [123-й страницы библиотечного каталога] нам помогли буквы абджад, проставленные переписчиком. Далее была учтена нумерация при каталогизации, словарные статьи, названия глав, что оказало содействие в логическом, правильном расположении страниц.

В процессе исследования возникла версия, что в рукописи [на фото пленке] отсутствуют две страницы, однако каталогизаторы на некоторых страницах не проставили номера страницы, поэтому на фото пленке страница существует без номера. Процессу изучения фото пленки рукописи оказала содействие последовательность фотоснимков, что облегчило некоторые задачи. Однако для исследования оказалась важной и ценной пагинация, осуществленная переписчиком рукописи по системе абджад.

Поля рукописи также представляют интерес для исследователей. Переписчик «Даниш-наме-и Кадархан» аль-Форуки оставил поля для пометок, и на первый взгляд можно предположить, что переписчик сначала переписал основной текст рукописи и только затем нарисовал рамку поля, поскольку иногда написанные каллиграфическим почерком буквы в конце строки [страницы 149а, 120б, 185а и 213б] выходят за рамки, которые переписчик оставил, не нарушив их целостности. За исключением страниц 76, 77б, 187б и 218б, на всех страницах рукописи имеются оставленные поля. На двух страницах, 40б и 189б, поля имеют необычную форму с добавлением вставки в виде прямоугольника с вертикально оставленной пометкой.

1.4. Кодикология «Даниш-наме-и Кадархан»

Исследование судьбы литературного произведения осуществляется на основе различных источников и фактологических материалов. С одной стороны это выражается в наличии оригинальных рукописей, в их количестве, существовании перевода или публикаций на других языках, а с другой стороны, в дальнейшей судьбе литературных произведений, в нашем случае лексикографических произведений, важную роль играют цитирование и

заимствования из них, суждения лексикографов и литераторов, сохранившиеся в последующих произведениях. Ввиду отсутствия доступного экземпляра рукописи словаря «Даниш-наме-и Кадархан» и его цитирования в лексикографическом наследии персидско-таджикской литературы, кодикологическое исследование рукописи представило особую трудность.

Единственный экземпляр, архетип этого произведения, хранится в Институте рукописей имени Физули Академии наук Азербайджана. Подробные сведения о рукописи представил в своем исследовании С.И.Баевский [97, 63-64]. Кроме того, особенности рукописи и характеристика почерка и разметки страниц приведены во введении к факсимильной копии словаря [2].

Как уже было сказано, в списке рукописного фонда Академии наук Азербайджана эта книга упоминается под названием «Лугати пехлеви» [«Пехлевийский словарь»], что, вероятно, связано с невнимательностью при каталогизации рукописи. Исследуя предисловие к «Даниш-наме-и Кадархан» и прочтя фразу *«х̣ама вақт ҳиммат бар он роғиб шудӣ, то луғоти паҳлавӣ ва чуз он, ки шуарои фасеҳзабон.../всегда намеревался сделать то, чтобы пехлевийские и другие слова, которые красноречивые поэты...»* [2, 2а], можно сделать вывод, что название введено в каталог рукописей неверно. Возможно, словосочетание «луғоти паҳлавӣ/пехлевийские слова» составители каталогов приняли за название произведения.

Усилия Ашрафа аль-Форуки в написании словаря, его композиции и структуре формирования свидетельствует о том, что автор пытался применить лексикографические подходы аз-Замахшари и Асади Туси и сформировать собственный подход и стилистику, что ему в некоторой степени удалось.

Из предисловия к «Даниш-наме-и Кадархан» выясняется, что аль-Форуки писал ее для получения достойного вознаграждения. Неизвестно, какое вознаграждение и милости он получил за лексикографическое произведение, но его отзыв о своей работе невероятно искренен. Своих читателей он просит не скрывать эту сокровищницу слов от близких и

посторонних, как старую драгоценную вещь в потайном углу дома, но она должна озарять его, как Солнце, и светить всем, как днем [2, 8a].

Как упоминалось выше, толковые словари берут начало от комментариев, написанных на полях произведений, и несмотря на то, что из заметок и комментариев на полях страниц они постепенно перешли в форму отдельного произведения – словаря, традиция делать заметки на полях оставалась еще многие века.

Отсутствие других рукописей исследуемого словаря не оставляет нам возможности провести сравнительный кодикологический анализ, но, если по прошествии времени в какой-либо библиотеке или хранилище найдется другая рукопись словаря «Даниш-наме-и Кадархан», это станет возможным.

I.5. Явление фонетической вариативности в исследуемом словаре

В современном таджикском языкознании явление, при котором в ходе развития языка определенная группа лексических единиц употребляется в разных вариантах, а затем одна из них принимается за стандарт, а другая лексика остается в ограниченном круге диалектов, называется вариативностью или вариантностью. Наряду с указанными терминами изредка используются и термин «вариант».

Один из исследователей истории персидско-таджикской лексикографии, В. А. Капранов, отмечает, что лексика персидского языка дала жизнь большому количеству фонетических вариантов как с временно-диахронической, так и с лингвистическо-географической точки зрения. Это является одной из особенностей персидского языка. Именно это великое разнообразие вариантов сделало неизбежным их попадание в толковые словари. Совершенно ясно, что в словари попала лишь часть существующих в реальности вариантов [155, 46].

В таджикском и в зарубежном языкознании осуществлено немало исследований по различным проблемам вариативности лексики, в том числе по путям и способам её образования, по соотношению синонимии и

вариативности, классификации вариативных слов и т.д.

Следует подчеркнуть, что подробные сведения по истории исследования вариативности в лингвистике Таджикистана и Ирана, а также о работах русских и европейских востоковедов по этой проблеме, о явлении вариативности в древнеиранских и среднеиранских языках и в переводных произведениях X века (на основе перевода «Тафсири Табари» и «Тарихи Табари» Бал`ами) представлены во введении к диссертации М.Т. Джаббаровой, в связи с этим мы воздержимся от их повторения [64, 3-23].

В диссертации М.Т. Джаббаровой проведен анализ явления вариативности на основе примеров, собранных из историко-религиозной прозы. Написание различных вариантов слов в толковых словарях существенно отличается от их написания в творениях прозаических и поэтических жанров тем, что часто авторы словарей включают варианты лексики в разные словарные единицы либо один вариант приводится в основной части словарной единицы, а другой – в пояснительной части. Автор словаря в случае изменения семантического оттенка слова обязательно сообщает об этом, что почти невозможно в поэтических и прозаических жанрах. Данное явление В.А. Капранов отметил следующим образом: «По нашему мнению, можно предположить, что фонетические варианты проникли в письменный литературный язык именно потому, что они отличаются от исходного слова по смыслу или стилю выражения, а также по эмоционально-экспрессивному оттенку» [155, 50-51]. В настоящее время специальных исследований о значении вариативности в толковых словарях Средних веков не существует. Естественно, в научных исследованиях, посвященных какому-либо словарю, имеются отдельные ссылки и суждения по проблеме вариативности и транслитерации лексики [см.3; 14]. Среди произведений, посвященных истории таджикской лексикографии, в диссертации «Таджикско-персидская лексикография в Индии в XVI-XIX веках» подробно рассмотрен вопрос вариативности, здесь автор осуществил анализ видов вариативности, способы её возникновения, сходство и различия и т.д. [155, 46-

57]. Ученый подчеркивает, что существует множество типов устоявшихся фонетических вариантов слов. Далее исследователь, подкрепляя примерами, приводит следующие виды изменений: а) различия в склонении слова, то есть в кратких гласных (а, и, у), не имеющих специальной буквы в персидском алфавите: **писар-пусар**; б) изменения долгого гласного: **яксон - як сун**; в) замена долгого гласного звука кратким: **гох- гоҳ**; г) замена согласного звука: **чинор-чинол**; г) повторяющиеся различия в согласных: **лаболаб-моламолам**; д) наличие или выпадение звука: **шиноҳ- шино**; е) метатеза: **китф - кифт** [155, 46].

Мы проанализировали явление вариативности лексики и в словаре «Даниш-наме-и Кадархан» аль-Форуки (XV век) [2]. Следует отметить, что в истории персидско-таджикской лексикографии существует давняя традиция описания вариативной лексики, и это явление можно наблюдать еще в первом дошедшем до наших дней толковом словаре - «Лугати фурс» Асади Туси. В этом словаре встречаются почти все виды вариативности слов, упоминаемые исследователями: **погунда-поганда-пунбаи ба хам чида бувад** [3, 141]; **харош-хариш-якест, аммо хариш ва харош чизҳои дурударо гӯянд** [3, 195]; **Завош-Зовуш-ситораи Муштарӣ аст. Дар поварақ гунаҳои Зовиш ва Зуш низ мазкур аст** [3, 196]; **шеб-теб-саргашта ва мадхуш бувад** [3, 68]; **раст-растай бозор** [3, 79]; **дух-дӯх (бо вов)-гиёҳе бошад**[3, 116]; **оҳанҷ-ҳанҷ-ҳар ду яке бошад** [3, 95]; **оганҷ-оган-амъои гӯсфанд бошад**[3, 95]; **авранг-авранд-баҳо ва фарраҳӣ бошад** [3, 129]; **губоза-гувоза-чӯби говрон бувад** [3, 157]; **ғӯза-ғӯза-пунба бошад**[3, 165]; **фаларз-фаларзанг-ҳар чи дар эзоре ё дар руге банданд**[3, 162]; **паргас-паргаст-маъозаллоҳ бувад**[3, 180]; **пачул-пажул-шитоланг бувад** [3, 315] [3, 50].

С целью внести ясность в проблему вариативности или преобразования букв использованы сведения из предисловий или из так называемых лексико-грамматических трактатов – трех авторитетных словарей XVII века – «Фарханги Джахангири» Инджу Ширази (1608; 7), «Бурхони котеъ» Мухаммадхусайна Бурхана (1652; 5), «Фарханги Рашиди» Абдуррашида Татави (1654; 15). Это связано с тем, что указанные лексикографы в

предисловиях к своим произведениям посвятили особые разделы преобразованию букв. Для сравнения и сопоставления лексики, выбранной из «Даниш-наме-и Кадархан», нами преимущественно будет использован материал самого полного и совершенного по количеству лексики словаря - «Бурхони котеъ», который в персоязычных странах признан наиболее авторитетным словарем классического периода развития языка.

Автор словаря «Фарханги Джахангири» в шестой главе введения к словарю подробно описал распространенный опыт преобразования звуков. Х. Рауфов подчеркивает важность введения к «Фарханги Джахангири» и отмечает, что вступительное слово к «Фарханги Рашиди» отличается в некоторых аспектах от вступительной части к «Фарханги Джахангири», «Бурхони котеъ» (т.е. вступительная часть к «Фарханги Джахангири» и «Бурхани котеъ» - А.С.) с некоторым сокращением в этом отношении является повтором «Фарханги Джахангири» [76, 44]. Сравнительный анализ разделов, посвященных проблеме преобразования букв во введениях к «Фарханги Рашиди» и «Бурхани котеъ», с соответствующим разделом в «Фарханги Джахангири» подтверждает, что Абдуррашид Татави и Мухаммадхусайн Табрези действительно находились под влиянием суждений Инджу Ширази. В целях выявления уровня воздействия вступительной части к «Фарханги Джахангири» на авторов «Фарханги Рашиди» и «Бурхани котеъ», их общности и различий, мы осуществим сравнительно-сопоставительный анализ сведений из разделов о преобразовании фонем из трех словарей в одной таблице.

Таблица преобразования фонем

<i>Фарханги Джахангири</i>			<i>Фарханги Рашиди</i>			<i>Бурхони котеъ</i>		
Пре образующая буква	В какую букву преобразуется	Пример	Пре образующая буква	В какую букву преобразуется	Пример	Пре образующая буква	В какую букву преобразуется	Пример
алиф	<i>дал</i>	ба ин – бад-ин; ба он – бад-он	алиф	<i>дал</i>	ба ин-бад-ин, ба он-бад-он	алиф	<i>дал</i> абджад и <i>йо</i> хутти	ба он –бад-он; ба ин-бад-ин; акдаш-якдаш; армуғон-ярмағон
	<i>йо</i>	акдаш-якдаш; армуғон-ярмағон		<i>Йо</i>	акдаш-якдаш; армуғон-ярмағон			
ба	<i>вав</i>	хоб-хов;* ниҳеб-	арабская буква ба	<i>вав</i>	хоб-хов; ниҳеб-	ба абджад	<i>мим</i> и <i>вав</i>	ғужб-ғужм; об-ов; хоб-

		ниҳев; тоб-тов; об-ов; осиёб- осиёв; бузург- вузург, бас-вас			ниҳев; бузург- вузург, басар- васар			хов; бузург- вузург; бас- вас
	<i>мим</i>	ғужб- ғужм		<i>Фо</i>	забон- зафон			
				<i>Мим</i>	ғужб-ғужм			
персидская буква <i>по</i>	<i>фа</i>	сапед- сафед; порсй- форсй	персидская буква ба (па)	<i>Фа</i>	сафед- сапед	-	-	-
<i>та</i>	<i>дал</i>	танбӯра- данбӯра;	та	<i>дал</i>	дастос- дасдос	<i>та</i> карашат	<i>дал</i> абджад	танбӯра- данбӯра;

		дастос- дасдос						
<i>джим</i>	<i>за</i>	рача-раза	арабская буква <i>джим</i>	арабская бука <i>за</i>	рача-раза	<i>джим</i>	<i>таи</i> фавқонӣ	тороҷ-торот
	зои порсӣ	каҷ-каж; лачан- лажан; ҳучир- ҳужир; боҷ-бож; коҷ-кож		зои форсӣ	каҷ-каж; лачан- лажан; ҳучир- ҳужир; боҷ-бож		<i>за</i> с точкой	рача-раза
	персидская			персидская			персидская буква <i>за</i>	каҷ-каж; коҷ-кож

	буква <i>гяф</i>	охшич- охшиг		буква <i>гяф</i>	охшич- охшиг		<i>кяф</i> аджамийская	охшич- охшиг
	<i>та</i> фавқонӣ	тороҷ- торот*		<i>та</i> фавқонӣ	тороҷ- торот			
персидская буква джим	<i>шин</i> манкута	лахча – лахша; кочӣ- кошӣ	персидская <i>джим</i>	<i>шин</i> манкута	лахча – лахша; кочӣ- кошӣ	персидская <i>джим</i>	<i>шин</i> с точкой	лахча – лахша; кочӣ-кошӣ
	персидская <i>за</i>	коч-кож		персидская <i>за</i>	коч-кож		персид ская <i>за</i>	коч-кож
ха	<i>ҳо</i>	хучир – ҳучир	ха	<i>ҳо</i>	хучир – ҳучир	ха с точкой	<i>ҳа хавваз</i>	хучир- ҳучир
	<i>Ғайн</i>	ситех- ситеғ		<i>Ғайн</i>	ситех- ситеғ		<i>ғайн</i> с точкой	ситех-ситеғ

<i>дал</i>	тои фавқонӣ	дурроҷ- турроҷ, гуфтед- гуфтет, кардед- картет, Зардушт- Зартушт	<i>дол</i>	тои фавқонӣ	дурроҷ- турроҷ, гуфтед- гуфтет, Зардушт- Зартушт	<i>дал абджад</i>	<i>та</i> карашат	дурроҷ- турроҷ, Зордушт- Зортушт, гуфтеду кардед- гуфтету кардет
	<i>зал</i> манкута	одар- озар, одиш- озиш		<i>зал</i> манкута	одар-озар			
<i>ра</i>	<i>лям</i>	сур-сул, кочор- кочол	<i>ра мухмала</i>	<i>лям</i>	сур-сул, кочор- кочол	<i>ра</i> без точки	<i>лям</i>	сур-сул, кочор- кочол
<i>за манкута</i>	<i>джим</i>	сӯз-сӯҷ, пӯзиш- пӯчиш,	<i>за манкута</i>	<i>джим</i>	сӯз-сӯҷ, пӯзиш- пӯчиш,	<i>за</i> с точкой	<i>джим</i>	сӯз-сӯҷ, пӯзиш- пӯчиш,

		овез-овеч			овез-овеч			овез-овеч, сӯзиш- сӯчиш,овез- овеч
	персидская <i>джим</i>	пизишк – бичишк		персидская <i>джим</i>	бизишк – бичишк		персидская <i>джим</i>	пизишк- пичишк
	<i>Ғайн</i>	гурез- гуреғ		<i>Ғайн</i>	гурез- гуреғ		<i>ғайн с</i> <i>точкой</i>	гурез-гуреғ
	<i>син</i>	Аёз-Аёс, анкуз- анкус		<i>син</i> мухмала	Аёз-Аёс, анкуз- анкус		<i>син</i> без точки	Аёз-Аёс
<i>син</i>	<i>шин</i> манкута	маънус- маънуш	<i>син</i> мухмала	<i>шин</i> манкута	болус- болуш	<i>сини</i> бенукта	персидская <i>джим</i>	хурӯс-хурӯч
	<i>ха</i>	омос- омоҳ		<i>ха</i>	омос- омоҳ; хурӯс- хурӯҳ		<i>шин с</i> <i>точкой</i>	полус- полуш

				персидская <i>джим</i>	хурӯс- хурӯҷ		ҳа хавваз	ОМОС-ОМОҲ
шин <i>манкута</i>	<i>син</i>	шор-сор; шорак- сорак	шин <i>манкута</i>	<i>син</i> мухмала	шор-сор; шорак- сорак	шин с точкой	<i>син</i> без точки	шор-сор, шорак-сорак
				персидская <i>джим</i>	ПОШОН- ПОЧОН			
ғайн	персидская <i>кяф</i>	ЛИҒОМ- ЛИҒОМ, ғучӣ-ғучӣ	ғайн	кофи форсӣ	ЛИҒОМ- ЛИҒОМ, ғучӣ-ғучӣ	ғайн с точкой	персидская <i>кяф</i>	ЛИҒОМ- ЛИҒОМ, ғучӣ-ғучӣ
фа	<i>вав</i>	фом-вом	фо	<i>Вов</i>	фом-вом	Фа	<i>вав</i>	фом-вом
кяф	<i>ха</i>	шомокча- шомохча	<i>арабская</i>	<i>хо</i>	шомокча- шомохча	Кяф	<i>ха</i> с точкой	шомокча- шомохча

			кяф					
	<i>ғайн</i>	кажГОВ- ҒажГОВ		<i>Ғайн</i>	кажГОВ- ҒажГОВ		<i>ғайн с</i> точкой	кажГОВ- ҒажГОВ
кофи ачамӣ	ғайн	гулӯла- ғулӯла, ГОВ-ҒОВ	персидская кяф	<i>ғайн</i>	гулӯла- ғулӯла, ГОВ-ҒОВ; галивоҷ- ғаливоҷ	персидская кяф	<i>ғайн с</i> точкой	ГОВ-ҒОВ; гулӯла- ғулӯла
				<i>дал</i>	ованг- ованд; каноранг- каноранд; авранг- авранд; данг-данд			
лям	<i>ро</i>	зулу-зуру	лям	<i>ра</i>	зулу-зуру	лям	<i>ра</i> карашат	зулу-зуру
нун	<i>мим</i>	бон-бом	нун	<i>мим</i>	бон-бом	нун	<i>мим</i>	бом-бон

вав	<i>ба</i>	навишта – набишта	вов	арабская <i>ба</i>	навишта – набишта	вав	<i>ба</i> абджад	навишта – набишта
	персидская <i>по</i>	вом-пом		персидская <i>ба</i>	вом-пом		персидская <i>ба</i>	вом-пом
	<i>фа</i>	ёва – ёфа		<i>Фа</i>	ёва – ёфа		<i>фа</i>	ёва-ёфа
ха (ха хавваз)	<i>ха</i>	ҳез-хез	ҳо	<i>ҳа</i>	ҳез-ҳез	ҳои ҳавваз	<i>ҳа</i> хутти	ҳез-ҳез
				арабская <i>джим</i>	моҳ-моҷ; ногоҳ- ногоҷ		<i>джим</i>	моҳ-моҷ, ногоҳ- ногоҷ

В разделах, посвященных в указанных словарях преобразованию букв, имеются различия. В шестом разделе трактата Инджу Ширази в двух случаях подтвердил свои суждения поэтическими образцами. Для подтверждения превращения буквы *бо* в букву *вав* он привел в качестве примера следующий отрывок: «Мавлави сказал:

**Гар харе девона шуд, як думми гов,
Бар сараш чандон бизан к-ояд ба хов» [14, 29]/
*Если осел обезумел, его хвостом коровьим
Ударь по морде, чтоб впал в мертвецкий сон***

Чтобы подтвердить мнение о превращении буквы *джим* в букву *та* *фавкани*, он привел следующий бейт Хакани:

**Ҳам бар сари хокаш аз каромот,
Тотор хамеравад ба торот [14, 29]/
*Идут на землю их из блага
Татары на погромы и грабеж.***

Абдурашид Татави во введении к собственному словарю упоминает о преобразовании арабской буквы *джим* в арабскую *за* (*зе*), упомянув пример «*рача- раза*», найденный в «Фарханги Джахангири», и отмечает: «балки машхур он аст, ки *раза* низ бо *зои* форсӣ (*же*) аст» (известно, что *раза* также пишется с персидской буквой *за*). В подтверждение преобразования арабской буквы *джим* в *та* Абдуррашид Татави процитировал образец из «Фарханги Джахангири».

Далее он рассуждает: «однако в этом примере усматривается, что, поскольку *торот* в этом бейте представляет собой множественное число слова *тора*, то есть как *каррот* и *маррот...*» [95, 12].

Следует упомянуть, что в «Бурхони котеъ» слово *торот* поясняется следующим образом: «*Торот* – по модели *содот*; это означает грабеж, вымогательство, мародерство, захват чужого имущества» [6, 1, 264]. Однако смысл второй строки бейта полностью подтверждает мнение автора «Фарханги Рашиди». Также Рашиди в подтверждение преобразования буквы

син в букву *че* приводит пример из поэзии Рудаки:

**Сиголидаи чанг монанди кӯч,
Табар бурда бар сар чу тоҷи хуруч/
Раздумывали о войне, как племя куч,
Топор на голове укрепив, как петушиный гребень** [6, 17].

В предисловии к составленному им словарю Мухаммадхусайн Бурхон не приводит поэтических отрывков для пояснения преобразования букв. Автор «Фарханги Джахангири» предоставил сведения о преобразовании двадцати букв в разделе «В пояснение преобразования каждой из двадцати четырех букв в другую букву», но о преобразовании двенадцати букв: буквы с тремя точками, *ҳ* хутти, *зол*, *же*, *сад*, *зад*, *та* муаллаф, *за* муаллаф, *айн*, *кяф*, *мим*, *йо* он сведений не приводит, хотя в приведенных им примерах упоминается, что некоторые буквы меняются на *мим*, *йо*, *же*.

Рашиди также предоставил сведения о преобразовании двадцати букв. Если не принимать во внимание способа написания названий некоторых букв, например, персидской *кяф*, аджамийской *кяф*, *ра* мухмала, *дал* абджад, *ха* хутти и др. в разделе «Пояснение преобразования каждой из двадцати четырех букв в другую букву в некоторых словах» во введении к «Фарханги Рашиди», в остальном он повторяет сведения автора «Фарханги Джахангири». Однако сравнение указанных частей обоих словарей демонстрирует, что в разделе, посвященном обсуждаемой нами проблеме, у автора «Фарханги Рашиди» имеется ряд отличий:

1. Абдурашид Татави дополнил сведения Инджу Ширази о преобразовании букв в следующих случаях:

- в «Фарханги Джахангири» упоминается преобразование *син* мухмала в букву *шин* манкута и *ха* хавваз. Автор «Фарханги Рашиди» указывает на преобразование этой буквы в персидскую *джим* (*ч*) и подтверждает это примером «хурӯс- хурӯч»;

- к сведениям из «Фарханги Джахангири» о преобразовании *шин* манкута в *син* манкута Абдурашид Татави добавил ее преобразование в персидский *джим* (*ч*) и привел следующий пример: «пошон – почон»;

- о преобразовании персидского слова в *дал* в «Фарханги Джахангири» сведений нет. Автор «Фарханги Рашиди» приводит следующие примеры этого явления: **ованг-ованд, каноранг-каноранд, авранг-авранд, данг-данд**»;
- о преобразовании буквы *ха* хаваз в арабскую *джим* в «Фарханги Джахангири» также сведений нет, однако они присутствуют в «Фарханги Рашиди»: **мох - моч, ногох- ногоч**.

В разделе о преобразовании букв в «Бурхони котеъ» приведены сведения о правилах преобразования девятнадцати букв. Касательно букв, о преобразовании которых в другие буквы имеются сведения в «Фарханги Джахангири» и «Фарханги Рашиди», в «Бурхони котеъ» игнорируется преобразование персидской буквы *ра* или *ба* в букву *фа*. Принимая во внимание известные примеры, подтверждающие преобразование буквы *но* в *фо* (**порсй- форсй, сапед- сафед, пил-фил**), нам показалось странным, что автор «Бурхони котеъ» не упоминает об этом языковом явлении. В частности Мухаммадхусайн Бурхон отметил, что лексическая единица «**сифед**» является вариантом «**сипед**» [6, 2,160], а лексическая единица «**пил**» является вариантом «**фил**» [6, 1,260]. В результате сравнения данного раздела из «Бурхони котеъ» с соответствующими разделами из «Фарханги Джахангири» и «Фарханги Рашиди» нами были выявлены следующие различия:

- о явлении преобразования персидской буквы *бо* в *фо* сведений нет.
- в «Фарханги Джахангири» и «Фарханги Рашиди» указывается на преобразование персидской *джим* в персидскую *за* (*же*): **коч-кож**. Автор «Бурхони котеъ» не приводит сведений об этом;
- о преобразовании буквы *дал* в *зал* манкута (**одар-озар**) упоминается в «Фарханги Джахангири» и «Фарханги Рашиди», но не упоминается в «Бурхони котеъ»;
- о преобразовании буквы *шин манкута* в персидскую *джим* (*че*) сведения приводятся только в «Фарханги Рашиди», авторы «Фарханги Джахангири» и «Бурхони котеъ» об этом не упоминают;
- о преобразовании персидской буквы *кяф* в *дал* имеются сведения только в

«Фарханги Рашиди»;

- о преобразовании буквы *ха* хаваз упомянуто в «Фарханги Рашиди» и «Бурхани котей», но о её переходе в арабскую букву *джим* в «Фарханги Джахангири» не упоминается.

Анализ фонетических вариантов, найденных в словаре «Даниш-наме-и Кадархан», указывает на то, что фонетический тип вариативности отмечен в этом словаре тремя способами: заменой, стяжением или прибавлением букв. Ниже мы разделили фонетические варианты из словаря «Даниш-наме-и Кадархан» на группы по указанным трем способам и проанализировали их. Следует отметить, что авторы «Фарханги Джахангири», «Бурхани котей» и «Фарханги Рашиди» в этих лексико-грамматических произведениях говорили только о преобразовании букв. Необходимо помнить, что под терминами *харф* и *хуруф* они понимали согласные и долгие гласные. Другими словами, указанные лексикографы не приводят сведений об изменении кратких гласных, для которых в персидском алфавите нет специальных огласовок.

1. Преобразование кратких гласных

Преобразование краткой гласной *и* (касра) на *у* (замма): **кишн** и **кушн** - *анбух бувад* [160а]. В «Бурхани котей» также приведены варианты **кашн** и **кашин**, **гашан**, **гашн**, **гашин** [6, 2,381]); **карус** и **курас** [с.80б]; Автор «Бурхани котей» в этом значении упоминал варианты **кураса**, **курса**, **гурс** [6, 2,366]; **чаг** и **юг** (с заммой) ва **юг** (с *вав*) - палка, которая надевается на шею коровы [91б]. В этом примере в одной словарной единице приводятся два варианта и один синоним слова.

Необходимо подчеркнуть, что в вариантах одного и того же слова в «Даниш-наме-и Кадархан» встречается замена согласных и кратких гласных. Отмечено превращение буквы *ба* в *кяф* и *гайн* в *вав*: **буганч** и **каванч** [33а]. В «Бурхани котей» второе слово появляется в форме **кавинч** [6, 2,415]. Произошла замена буквы *кяф* на букву *гяф* и сделана огласовка фатха на *вав*: **санкар** и **сангур** – [61б]. В «Бурхани котей» *сангур* означает стреляющего ежа [6, 2, 177].

В «Даниш-наме-и Кадархан» также наблюдается изменение краткой гласной на долгую.

Изменение огласовки фатха в букву *алиф*: **хариваз** и **харивоз** [72а]:

- изменение огласовки фатха на *алиф*: **харкаш** и **хоркаш** [86б].

Вероятно, во втором примере имеет место случай стяжения: **харкаш** является кратким вариантом **хоркаш**: В «Бурхони котеъ» в значении **сармӯза** в двух словарных единицах упоминается следующее: «**Хоркуш** – говорят о **сармӯза**; и это обувь, которую носят поверх ботинка, и она более распространена в Мавераннахре и по-арабски называется **чурмуқ**» [6, 1, 371]. Автор «Бурхони котеъ» также упомянул вариант **хоркаш**: «...с фатхой над буквой *кяф* (то есть **хоркаш**) называют человека, который постоянно носит дрова: и название песни и мелодии; и тот человек, который поет песню дровосека» [6, 1, 371]. В лексической статье **харкуш** приводится следующее пояснение: «**харкуш** – так называют обувь **сармуза**; и это обувь, которую носят поверх сапога, и она распространена в Мавераннахре, а по-арабски называется **чурмуқ**...» [6, 1, 387]. Хотя это и не имеет прямого отношения к теме нашей работы, сведения о том, что слово **харкуш** - это **чурмуқ** на арабском языке, а также последующее объяснение словарного элемента **чорук**, приведенное Мухаммадхусайном Бурхоном, дают широкую основу для размышлений об этимологии слова **чорук/чоруғ/чурмуқ**: «**чорук** - это разновидность обуви, которую носит большинство дехкан; и вместо буквы *гайн* приводится буква *кяф* (т.е. **чорук**)» [6, 1, 334].

2. Преобразование букв.

Отметим преобразование буквы *вав* в *алиф*: **шушак** и **шошак** – четырехструнный рубаб [101б]. Оба варианта встречаются в «Бурхони котеъ».

Есть также преобразование буквы *вав* в *йо*: **шушак** и **шишак** [99а]. В «Бурхони котеъ» слова **шошак** означают *тиху* и *рубаб* [6, 2,198], **шушак** - *танбур* и четырехструнный рубаб и *тиху* [6, 2,237], **шишок** – годовалый баран и четырехструнный рубаб [6, 2,245], **шишак** означает годовалого барана и четырехструнный рубаб и *тиху* [6, 2,245].

Преобразование буквы *ба* в *вав*: **варғаст** и **варгаст** [25а]; **базағ** и **вазағ** — [93а].

Преобразование буквы *джим* в *та*: **чур** и **тур** [59а-59б].

Преобразование буквы *джим* в *за*: **боч** и **боз** [31а].

Преобразование буквы *ро* в *лям*: **андаронӣ** – **андалонӣ** [217б]. В «Бурхони котеъ» это не упоминается.

Преобразование буквы *син* в *гайн*: **сунч** и **ғунч** [30а]. В «Бурхони котеъ» упоминается **сунч** [6, 2, 284] и **ғанч/гинч** [6, 2, 284-285].

Превращение буквы *син* в *шин* - **дасак** и **дашак** [115б]. В «Бурхони котеъ» [6, 2, 29] упоминается **даск** и **дашк**.

Преобразование буквы *гайн* в *кяф*: **ғанч** и **қанч** [31б].

Преобразование буквы *мим* в *фа*: **комӣ** и **кофӣ** [219б]. В «Бурхони котеъ» и в других исследуемых словарях не встречается.

Преобразование буквы *мим* в *хо*: **омиёна** и **охиёна** [303а]. В «Бурхони котеъ» с тем же значением упоминается только вариант **охиёна** [6, 1,66].

Преобразование буквы *йо* в *дал*: **шойвард** и **шодвард** [42а]. В «Бурхони котеъ» присутствуют оба варианта: «Шойвард построено по модели лочвард и означает круг, полукруг луны» [6, 2,204].

3. Стяжение или усечение:

- **момирон** и **омирон** [154б]. Вариант **омирон** не указан в исследованных нами толковых словарях. В «Бурхони котеъ» слово указано в варианте **момирон** [6, 3, 77].

4. Вариативность вследствие присоединения или добавления буквы

В некоторых случаях в словарной статье упоминается другой вариант лексической единицы, появившийся вследствие добавления буквы:

- **сифч** - незрелая дыня, также она называется **сифча** [35а] В «Бурхони котеъ» упоминаются варианты **сафч**, **сафдж** и **сафча**, которые имеют одно и то же значение [6, 2, 160];

- **раз** и **бихраз** - быть умным и мудрым [50а]. В толковых словарях встречается и вариант **раз** [4,18а], и вариант **рад** [6, 2,66], которые употребляются в

значении *мудрый* и *умный*;

- **парваз** и **фаровез** – так называют раба, невольника [75а]. Толкование автора «Даниш-наме-и Кадархан» не встречается ни в одном другом словаре. В «Бурхони котеъ» слово «**парваз**» имеет значение *происхождение, род* и означает также подол или полу одежды, а также перечислены его другие значения [6, 1, 234], в «Сурмаи Сулаймони» оно также означает подол или полу одежды, происхождение и расу [4,9], подол одежды, несет также другие значения [6, 2, 296]. В словарной статье **фаровез** автор «Сурмаи Сулаймони» упоминает также два других варианта слова – **паровез** и **парваз** в значении *подол одежды* [4, 270].

Предполагается, что слово **фаровез** в указанной словарной статье «Даниш-наме-и Кадархан» упомянуто ошибочно и поэтический пример подтверждает это:

**Бад-ӯ гуфт: «Ман хеши Гарсевазам,
Ки аз бому он боғи бопарвазам»/
Отвeтил ему: “Я из близких Гарсиваза,
Из высот и садов того славного рода”**

Правильный вариант второй строфы:

«Ба шоҳ Офаридун кашад парвазам»;

- **сон-осон** – это форма [150б]. В «Бурхони котеъ» вариант **сон** упоминается во многих значениях, включая стиль, подход, традицию и обычай [6, 2,127], но не приводится в варианте **осон**;

- **тарён** и **тарниён** - корзина из ивовых прутьев [144а]. В классических словарях встречаются варианты **тирён** [6, 1,292] и **таринон** [6, 1,281];

-**Таксин** и **Истаксин** – мужское имя, который происходит из Туркестана [160а]. Иногда в «Даниш-наме-и Кадархан» встречаются два-три варианта парного употребления слова, к примеру **самохача** и **шамохача** (182а-199): следует носить **шомокча** и **шомохча** [213б]. Также на стр.105б встречается словарная статья «**сомок**».

Приведение фонетических вариантов лексических единиц в статьях

«Даниш-наме-и Кадархан» встречается крайне редко:

- **коварс** - льняная нить, называемая также **колу накол** [80а];

- **фуранчак** и **фудранчак** – это темное место [114а-114б]. В «Бурхони котеъ» имеют место варианты **фаранчак, фиринчак, қаранчак** [6, 2,304] и **фадранчак** [6, 2,293]. Если в примере из «Даниш-наме-и Кадархан» зафиксировано добавление буквы *дал*, то в «Бурхони котеъ» можно наблюдать преобразование огласовки фатха в замма, буквы *фа* – в *кяф* и присоединение буквы *дал*.

Дух-лух, то есть лук [39а]. В ЛФ дух **دُخ** и **دُوخ** - это «растения, которые вяжут в циновки и кладут на пол в мечетях и называют также зег» [3, 116]. В различных словарях упоминаются виды **дух /дӯх/лӯх/лух**. В исследованных нами словарях вариант **лук** не найден.

Фундук – это вид плода размером с большой палец, который также называют **бундук**. [97а]. Автор «Бурхони котеъ» отмечал, что, по мнению некоторых лексикографов, **бундук** является арабизированной формой **фундук** [6, 1, 193].

Лок – это краска, которой красят что-либо [101а].

Фаларзанг - то, что завязывается на рубашке или поясе, а в мавераннахрском языке также произносится **фаларз, фаларзанк** [102а]. В вариантах **фаларзанг-фаларзанк** произошла замена буквы *гяф* на *кяф*. В слове **фуларз** наблюдается изменение огласовки фатха на замма и усечение **анг**.

Исследователь вариативности в переводных произведениях X века М.Т. Джабборова подчеркивает, что «возникновение вариативности под влиянием явлений фонетической трансформации в заимствованных словах... происходит реже, чем в исконно таджикской лексике» [64,70]. В «Даниш-наме-и Кадархан» в одном случае преобразование буквы *вов* в букву *йо* наблюдалось в слове **қантурюн-кантирюн** [151б]. Вариант **қантурюн** упоминается в «Бурхони котеъ» [6, 2,337]. По мнению автора «Вожанома»: «Қантуриюн (kentaureon)» - это арабизированное греческое слово, означающее соцветие пшеницы» [6, 1460].

В ряде случаев толкование значений лексических единиц имеющихся

фонетических вариантов, встречающихся в «Даниш-наме-и Кадархан», спорно. Например, при толковании слова **кувоза** говорится о значении «полусырой продукт». Другая словарная единица, **губора**, пояснена как «тонкая палка, чтобы погонять осла» [179а].

В следующей словарной единице приводится: «А **кувоза** означает вещество, которое выходит из курдюка и похоже на расплавленный жир [179б]».

В данном случае наблюдается несоответствие толкования слов. Значение слова **губора** – палка для вьючных животных, **кувоза** - это шкварки. Слово **кувоза** в «Фарханги Каввас» поясняется как «недоваренный продукт» [10, 150]. В «Сурмаи Сулаймони» это полусваренное куриное яйцо [4, 211], а в «Фарханги Рашиди» «**губоза** - полусваренное куриное яйцо, **чубозик** - его приготовление» [96, 2, 1242-1243]. В [5, 2, 274]. Слово **губора** образовано по модели **ишора**; это палка, которой можно погонять осла и корову; а еще оно означает палку, и в этом смысле слово приводится с буквой *за* с точкой (**губоза**). В. А. Капранов упомянул варианты **губоз**, **губоза**, **губоза** и подчеркнул: «здесь мы имеем дело с диалектными вариантами, (**харбоза**) является вариантом из восточноиранского диалекта [103, 108].

Существуют отдельные примеры в «Даниш-наме-и Кадархан», где, по утверждению В.А. Капранова, можно наблюдать существование различных вариантов лексики:

- **загол** – это уголь;
- **закол** – это черный уголь [129а].

Совершенно очевидно, что **загол/закол** являются вариантами одного слова, которое более часто употребляется в современном персидском языке и относительно реже – в современном таджикском языке. «**Зугол**» означает уголь. Из исследования значения лексических единиц из «Даниш-наме-и Кадархан» можно сделать заключение, что в XV веке слово **загол** обычно употреблялось для обозначения угля, а **закол** - для обозначения черного угля. Кстати, при пояснении значений этих двух лексических единиц виды

ангихт/ангишт также являются примером с превращением буквы *хо* в *шин*.

Преобразование букв *г* в *х* и *л* в *р* приводится в приведенном далее примере:

- **малғам** – мархам бувад (это мазь) [134а]. Следует подчеркнуть, что это же слово, то есть **малғам**, указано и в «Фарханги Каввас» [10, 193]. В «Бурхони котей» слово не упоминается. В «Словаре персидского языка» Муина есть оба варианта: «**малғам**» и «**мархам**». Вариант **мархам** в основном используется в литературном языке, а вариант **малҳам** – в различных диалектах таджикского языка. Например, в диалекте города Худжанда и его окрестностей слово «**малҳам**» употребляется в двух значениях: а) в переносном смысле: нечто приятное, лекарство от боли; б) хорошо проваренное мясо.

По нашему мнению, во многих случаях примеры преобразования букв, собранные в «Даниш-наме-и Кадархан», в том числе замена буквы *син* на *гайн*, преобразование *гайн* в *кяф*, *бо* – в *кяф*, *гайн* – в *вав* и т.д., в правилах фонетических преобразований в «Фарханги Джахангири», «Фарханги Рашиди» и «Бурхони котей» не упоминаются. Среди приведенных выше примеров, подтверждающих историю преобразования букв в «Лугати фурс», преобразование буквы *син манкута* в *та манкута* на примере слов **шеб-теб** также не упоминается в произведениях по грамматике. Ни в одном трактате по грамматике языка XVII века не дано сведений о преобразовании буквы *гайн* в другую букву, тогда как в «Даниш-наме-и Кадархан» имеется пример такого преобразования: **доршишъон** и **доршишқон** – *бехи сунбул бувад, яъне жъ бувад* / это корень гиацинта [149а-149б]. Причина подобного явления заключается в том, что во всех науках, в том числе и в фонетической науке, теория никогда не может в полной мере включать практику. Инджу Ширази знал об этом, поскольку отмечал, что «будут и другие преобразования, однако это пока все, что было явлено нами в рукописи» [14, 29-30].

Действительно, типы фонетических вариантов слов, зафиксированные в словарях, разнообразны и сложны. Как пишет В.А. Капранов: «С точки зрения лексикографии фонетические варианты представляют собой чрезвычайно

сложный и трудный вопрос. За десять веков существования и развития персидского языка произношение многих слов, как первоначально иранских (таджикских и персидских), так и заимствованных (арабских и др.), претерпело различные трансформации на огромной территории от Ирана до Кашгара и Индии» [155, 49]. Необходимо отметить, что исследование явления вариативности лексических единиц особенно важно для определения этимологии лексики.

На основе анализа вариативности лексики в «Даниш-наме-и Кадархан» сделаны следующие выводы:

- вариативность лексики является древним языковым явлением, что подтверждается исследованиями известных ученых В. И. Абаева, В. С. Расторгуевой, Д. И. Эдельман и др.;

- вариативность лексики встречается в первом дошедшем до нашего времени толковом словаре таджикского языка - «Лугати фурс» Асади Туси;

- правила преобразования букв впервые в истории персидско-таджикской лексикографии подробно описаны Инджу Ширази в шестой главе введения к «Фарханги Джахангири»;

- в «Даниш-наме-и Кадархан» зафиксированы три способа изменения букв: преобразование; усечение; присоединение;

- согласно фактическому материалу, собранному в «Даниш-наме-и Кадархан», вариативность встречается в основном в исконно таджикской лексике, так как количество вариантов в заимствованной лексике незначительно;

- в «Даниш-наме-и Кадархан» отмечены некоторые грамматические варианты, не встречающиеся в соответствующих разделах лексико-грамматических трактатов «Фарханги Джахангири», «Фарханги Рашиди» и «Бурхони котеъ». Можно утверждать, что это явление могло иметь место по следующим причинам: а) в классический период развития языка автору «Даниш-наме-и Кадархан» не были доступны толковые словари его предшественников; б) отсутствие у автора «Даниш-наме-и Кадархан»

достаточных знаний обо всех диалектах и говорах, бытовавших на территории распространения персидского языка дари; в) неспособность теории языкознания зафиксировать всё разнообразие и богатство живого языка;

- в целях формулирования более подробных и конкретных выводов, относящихся к отражению вариативности лексики в персидско-таджикских толковых словарях, необходимо осуществить анализ относительно большего количества лексикографических произведений.

Выводы первой главы

В заключении к первой главе следует упомянуть, что обзор лексикографических произведений классического периода развития языка, начинающийся с древних словарей как произведений, изначально предназначенных для пояснения и толкования особых слов и терминов, в частности использованных в классической персидско-таджикской поэзии, а впоследствии сформировавшихся в полные и всеобъемлющие словари и энциклопедии, свидетельствует о последовательном развитии лексикографии классического периода развития языка в различных литературных кругах, где властвовал персидско-таджикский язык-дари. Исследуя древние персидско-таджикские словари, в частности первые словари, упоминания о которых можно найти только в более поздних словарях и энциклопедиях, в том числе «Рисала» Абухафса Сугди, «Тафсир фи лугати-л-фурс» Катрана Табрези и «Навадиру-л-лугат» Фаррухи, можно сказать, что лексикография уходит корнями в древние времена, и, несмотря на то, что древние лексикографические произведения не сохранились до нашего времени, сведения о них остались в истории и являются ярким свидетельством становления и развития персидско-таджикской лексикографии.

Исследуемый словарь «Даниш-наме-и Кадархан» аль-Форуки является седьмым старейшим персидско-таджикским словарем, дошедшим до наших дней. «Даниш-наме-и Кадархан» аль-Форуки является одним из древних персидско-таджикских словарей, который был написан в период завоевания Индийского субконтинента персоязычными династиями, и в более поздних культурологических трудах о нем не упоминается. Но, несмотря на малую известность, одним из преимуществ исследуемого словаря для таджикско-персидской лексикографии является то, что он сохранился в древнем виде, является прекрасным литературным образцом, обладает собственной лексикографической ценностью. Следует отметить, что «Даниш-наме-и Кадархан» вместе с «Фарханг-и Каввас» заложил прочное основание для становления и развития авторитетной лексикографической школы на

Индийском субконтиненте.

Каждый составленный словарь прямо или косвенно указывает на жизненное пространство лексикографа и на влияние культурной среды, народного творчества и идеологических воззрений, господствовавших в период жизни автора. Ашраф аль-Форуки, осознавая потребность в составлении словаря, который позволит ученым и просвещенным людям насладиться красноречием и изяществом персидской поэзии, а также глубиной персидской научной мысли, тонкостью принципов государственного управления и медицинских познаний, предназначил свой словарь любителям персидско-таджикского языка и надеялся получить достойную награду за составление «Даниш-наме-и Кадархан» от просвещенного и образованного представителя правителей Малавы – Кадар-хана. В связи с отсутствием сведений о покровителе аль-Форуки Кадар-хане, его политическом статусе в истории, можно лишь предположить, что это была образованная персоне с тонкой натурой, покровительствовавшая ученым и литераторам.

В период завоевания Индии персоязычными династиями, персидский язык обрел на этой территории статус государственного языка, на котором велись государственное делопроизводство и переписка. По мнению Н. Рахмонзода, благодаря сильной притягательности языка фарси в прошлые столетия, многие ученые и лексикографы, для которых фарси не являлся родным, говорили и составляли на нем словари, при этом довольно часто используя термины из других языков, которыми владели. Персидско-таджикские словари, появившиеся на севере Индии, в современном понимании не были двуязычными: один язык для передачи основной канонической формы слова, а другой – для перевода и объяснений [78, 92].

Знание персидского языка представлялось важным требованием для несения службы при царских дворах. Литература и наука получили в лице персоязычных правителей могущественных покровителей и защитников, что дало возможность вырастить целую плеяду царских особ, ценящих поэзию, прозу и науку. Интерес к персидско-таджикской поэзии, трудности в

понимании глубины и тонкости персидско-таджикского языка, его изящных оборотов и красноречия стали стимулирующим фактором для развития лексикографии на Индийском субконтиненте. Выдающиеся произведения персидско-таджикской литературы – поэзия Дакики, Рудаки, Унсури, Фирдоуси, Низами – вызывали восхищение у персоязычного населения Индии, однако их лексика требовала особого толкования и интерпретации. «Даниш-наме-и Кадархан» наряду с целой серией толковых словарей раннего классического периода развития языка успешно выполнял актуальную миссию в продвижении персидско-таджикской языка и литературы.

Словарь «Даниш-наме-и Кадархан» начинается с краткого предисловия, в котором указывается причина создания произведения. В словаре ничего не упоминается об источниках для его составления, однако в ходе исследования и чтения выяснилось, что аль-Форуки воспользовался методами и подходом составителей нескольких предыдущих словарей - «Мукаддимат-ул-адаб» аз-Замахшари, «Лугати фурс» Асади Туси и «Фарханг-и Каввас» Фахриддина Кавваса. По своей структуре и содержанию «Даниш-наме-и Кадархан» наиболее близок к «Лугати фурс» Асади Туси.

Следование трем известным в то время лексикографическим произведениям не превратило словарь аль-Форуки в полную копию их лексикографического стиля и подхода, так как ему присущи характерные особенности, выделяющие строение словаря от серии интерпретативных словарей. Принцип антропоцентрической лексикографии, подразумевающей внимание к человеку, изучающему неизвестный язык, его особенности, в частности на примере поэтических произведений, также придал словарю аль-Форуки особую ценность. Сведения об авторе словаря, его источниках, характерных особенностях, лексикографических принципах и подходах, факторах, содействующих развитию лексикографии в определенный исторический период, помогут раскрыть важные вехи процесса становления персидско-таджикской лексикографии классического периода развития языка на Индийском субконтиненте.

В ходе исследования мы столкнулись с явлением вариативности, в связи с чем лексические единицы обрели новое значение в силу суффиксального словообразования. Это суффиксы *-гар, -лох, -вар, -манд, -нок, -истон, -сор, -гун, -гон, -ина, -она, -а; -я; -ак, -иш-*, создавшие новые слова, вошедшие в словарь. Некоторые из них широко употребляются, некоторые - малоупотребительны, и большинство относится к именам существительным.

ГЛАВА II. ЭТИМОЛОГИЯ И ТЕМАТИКА ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ «ДАНИШ-НАМЕ-И КАДАРХАН» АЛЬ-ФОРУКИ

II.1. Этимологический анализ лексических групп

«Даниш-наме-и Кадархан»

Известно, что автор любого лексикографического произведения всегда учитывает потребности социума и требования среды в интерпретации слов и составляет ловарь с учетом потребностей читателей в разъяснении непонятной лексики.

Все слова со временем меняют форму как в фонетическом, так и в лексическом аспекте, причем с течением веков трансформации настолько велики, что первоначальный вид и значение слова полностью забываются или меняются настолько, что невозможно даже предположить их первоначальный смысл. Иногда достаточно сложно найти исходную форму слова. В данном случае этимологический анализ позволяет лишь раскрыть этимологию слова до определенного периода. В этом нам оказывают помощь словари, поскольку, опираясь на их сведения, можно дать правильную оценку и достоверное заключение об этимологии лексики. Лексикограф при этом должен обладать достаточно обширными лексикологическими знаниями о произношении и словообразовании, а также в процессе работы ему необходимо использовать сравнительно-исторический анализ, быть осведомленным в диалектологии, языковых заимствованиях. Проблема происхождения лексики, естественных заимствований и освоения иной лексики широко исследована в филологической науке, и осуществлено множество научных исследований в сфере этимологии, опираясь на которые, можно сделать соответствующие заключения о вокабулах.

Исследуя введение к «Даниш-наме-и Кадархан» аль-Форуки, можно сделать заключение, что 2 419 слов и словосочетаний, собранных в словаре, обладают различными значениями и требуют этимологического исследования. В целях этимологического анализа всей массы слов

исследуемого словаря мы разделили его лексику на две группы – исконно таджикские слова и заимствованная лексика.

Исконно таджикские слова в словаре «Даниш-наме-и Кадархан».

Основную часть словарного запаса «Даниш-наме-и Кадархан» составляют исконно таджикские слова, являющиеся именами существительными, которые в свою очередь делятся на три группы:

1. Исконно таджикские слова, широко используемые в современном таджикском языке и упоминающиеся в словаре в современном значении, то есть не изменившие значения на протяжении нескольких веков: *наъно*/мята [2, 12а], *доро*/богач [2, 10б], *хувайдо*/ явный [2,11б], *ношито*/ завтрак [2, 13а], *ягмо*/разорение, грабеж [2,16б], *воло* / высший , высокий [2,18а], *нишеб*/склон, ноб [2,20а], *тоб* / во всех значениях [2,21а], *дашт* / степь [2,24], *шигифт* / изумление, удивление [2, 28а], *фартут*/ ветхий, дряхлый [28], *бут* /идол [33], *сипехр* / небосвод [75], *кишоварз*/крестьянин [78], *занбар*/носилки [80], *офарин*/хвала, похвала [158], *шоҳин*/коромысло весов [162], *айвон* / терраса, веранда [166], *лагом* / уздечка, повод [174], *хишова* / прополка [190], *хома* /перо [214].

2. К второй группе относятся слова, редко употребляющиеся в современном таджикском языке, однако, как подтвердил автор словаря, они входили в активный языковой фонд в период его жизни: *сарво* - речь [7], *тарфо* – кривое дерево [7], *боллой* – лошадь, конь [7], *шаго* – колчан [7], *кандо* – ученый, мудрец и астролог [8], *таро* – стена [9], *ангужво* – место овец (овчарня), кошара [9], *кубайто* - нотиф, т. е. жмых [10], *сабо* - индийская пальма [10], *фанчо* – место у края скатерти [10], *камо* - рой [10], *найсуво* - жало, *вайдо* – невидимый [10], *кайло* – узда [10], *марво* - хорошее предзнаменование [11], *маргуво* - плохое предзнаменование [11], *камро* - место, где могут обитать четвероногие [12], *лоло* - зерно, похожее на кунжут [14], *байго* - попугай [15], *мунч* – пчела [41], *кибт* – виноградная пчела, *куном* – дикий лес [202] и пр.

Следует отметить, что в перечисленных двадцати примерах смысл слова

неяснен читателю без объяснения, то есть без словарной статьи. В связи с тем, что большинство указанных слов имеются в словаре Асади Туси, можно сделать вывод, что они также были непонятны части жителей Азербайджана в XI веке и Индии в XIV веке.

3. Некоторые слова, встречающиеся в «Даниш-наме-и Кадархан», по утверждению В.А. Капранова, уже во времена Асади Туси вошли в группу архаизмов [103, 28-30]. Употребление устаревших слов, или архаизмов, особенно заметно в «Шах-наме» Фирдоуси, поскольку поэт по мере возможности избегал употребления арабизмов и использовал большое количество устаревших слов [103, 28-30]. В подтверждение этого можно привести примеры:

АФДАСТО – *ситоши бувад* /хвала, восхваление. В качестве образца применения в поэтической речи приведен бейт Дакики [2, 136]. По утверждению В.А. Капранова, в «Лугати фурс» слову дано такое пояснение: «афдасто – это сложное пехлевийское слово, состоящее из *афд* – шигифт/ и *сито* - хвала [103, 15].

АСТО – *китобе аст аз они оташпарастон*/книга для огнепоклонников [2, 55а]. В «Лугати фурс» имеется более развернутое объяснение: «*Асто ва Занд ва Сито ва Занд - сухуфи Иброҳим аст ва Абасто тафсираш бувад*/ Асто и Занд, и Сито и Занд – это книга Ибрахима, и Абасто - её толкование» [3, 58].

В «Даниш-наме-и Кадархан» также имеется словарная статья «*усто*» с пояснением книги Ибрахима [2, 156], и очевидно, что это то же, что и слово «*асто*».

ИЙР - *хушёр кардани лашкар ва бонг заданро гӯянд* /оповещение войска и тревога [2,53а], и приведен пример из «Шах-наме».

ВАХШУР – *Пайгомбарро гӯянд* /называют пророка [2, 63а].

МЕХР – *офтоб бувад*/ это Солнце [2, 636].

В. А. Капранов отмечает, что слова-синонимы к слову «*мехр*» - *офтоб*, *кур*, *баландин*, *духт*, *бевар*, *хуш* [в значении *гибель*], *суруш*, *хирбав*, *эдун*, *дахша*, *бодафраҳ*, *шед*, *марзбан* уже в эпоху Асади Туси значились как

архаизмы или малоупотребительная лексика, которая обрела вторую жизнь в тексте «Шах-наме» Фирдоуси [103,158-164].

4. В составе словарных единиц «Даниш-наме-и Кадархан» имеется определенное количество производных имен существительных, то есть существительных, образовавшихся посредством аффиксов, относящихся к исконно таджикским словам. Мы разделили исконно таджикскую производную лексику из словаря на группы в зависимости от частотности употребления аффиксов:

а) слова, образованные с помощью суффикса *-гар*. Как известно, указанный суффикс образует наименование лица:

ХУНЁГАР – *мутриб бувад ва ситоянда бо суруде* / это музыкант и поющий песни [2, 52б].

КАРЕВАР **ва** **БАРЗГАР** – *кишоварз бувад* / это земледелец [2, 68б].

РОМИШГАР – *мутриба бувад* / это певица [2, 52б]

ХОЛИГАР – *матбахӣ бувад* / это повар, кулинар [2, 52а].

б) суффикс *-гор*, который, по мнению авторов «Грамматики современного таджикского языка» [57, 168], сейчас в таджикском языке встречается нечасто, с его помощью образуются имена существительные от исходных существительных и глагольных основ:

КИРДИГОР – *он ки ҳама аз они ӯй* / то, кому принадлежит все [2, 68б].

ОФАРИДАГОР – *надидоварандаи ҳама* / создатель всего [2, 68б].

в) суффикс *-лох*. В «Грамматике современного таджикского языка» указано, что суффикс *-лох* непродуктивен, образует всего нескольких слов и означает место и обилие чего-либо: *санглох, нӯстлох* [деврох, рӯдлох, оташлох являются архаизмами]:

САНГЛОХ – *замини сангистон бувад* / это каменистая земля [2, 40а].

ДЕВЛОХ – *ҷое дур бошад, аз ободонӣ бувад ва он ҷо одамӣ набошад* / место, далекое от благоустроенной местности, и там нет людей [2, 40б].

г) суффикс *-вар*. В «Грамматике» отмечается, что он «продуктивен в образовании имен существительных; образует из абстрактных

существительных новое существительное, которое означает именование лица по его качествам и способностям» [57, 109]:

КАРЕВАР ва **БАРЗГАР** – *кишоварз бувад*/ это земледелец [2, 686].

КАДЕВАР – *хонадорро гӯянд* / так называют владельца, домохозяина [2, 61а].

В первом примере [*каревар*] автором словаря могла быть допущена ошибка, потому что в других словарях в указанном выше значении упоминается слово «*кадевар*». Например, автор «Бурхони котеъ» указывает: «*кадевар*» означает “земледелец” и “крестьянин”, а еще так называют садовников. Однако Мухаммад Муин упомянул на полях словаря, что так же называют старейшину селения и главу семьи и иносказательно говорят о судьбе и жизни [1607-1608].

ж) суффикс *-манд*. В составе словарных единиц «Даниш-наме-и Кадархан» имеется группа производных слов, имеющих суффикс *-манд*. Этот суффикс является одним из наиболее продуктивных и образует прилагательные от слов различных частей речи, в том числе и от новых слов. Прежде всего необходимо упомянуть, что суффикс *-манд* представлен в словаре аль-Форуки как отдельная лексическая единица:

МАНД – *соҳиб ва Худовандро гӯянд* /так называют хозяина и Всевышнего [2, 456].

Известно, что средневековые лексикографы выделяли словообразовательные компоненты в отдельные лексические единицы, что, по мнению известного таджикского лексикографа Х. Рауфова, не лишено логики [84, 122]. Суффикс *-манд* выступает как отдельная лексическая единица и в других интерпретативных словарях, например в словаре «Фарханг-и Зафонпуё ва Джахонпуё», а комментарий автора словаря свидетельствует об осознании его как словообразовательного элемента классического периода развития лексикографии: «**Манд** - *худованди чизе, ки бо асмои ӯ мураккаб шавад чунончи, давлатманд ва ҳоҷатманд*/ Манд - это владелец чего-либо, что можно связать с его именами, например богатый и бедный [16, 238]. Автор «Фарханг-и джахонгири» также указывает это значение, но более развернуто:

«**Манд** – *Худованд аст ва аксар дар охири калимот таркиб кунанд, то маънӣ ба ҳусул ояд, чун давлатманд ва арҷманд/ Манд* - есть Бог, и это часто добавляют в конце слова для получения значения “богатый” и “почитаемый”» [14, 122].

В «Даниш-наме-и Кадархан» есть лексические единицы с указанным суффиксом:

ЗӮҲМАНД - *кишти болида* / восходящие ростки [2, 43б].

ТАНУМАНД – *қавитан*/ силач, богатырь [2, 44а].

БАРӮМАНД – *муборак* / благой, благословенный [2, 44а].

АРҶМАНД – *азиз*/ дорогой сердцу [2, 47б].

д) суффикс **-истон**, присоединяясь к существительным, образует имена существительные места, а также обозначающие изобилие основного компонента [57, 173]. С указанным суффиксом в «Даниш-наме-и Кадархан» найдены следующие слова:

БОДИСТОН – *пасупеши гиребон*/ место за воротником рубашки [2, 149а]

ШАБИСТОН – *он ҷо, ки шаб гузаронд* /место, где он ночевал [2, 157б],

ХАНДИСТОН – *сеҳр ва афсун бувад* /магия и чары [2, 159б].

Два последних слова встречаются с тем же значением и в других словарях, в том числе в «Бурхони котеъ», но нам не удалось найти слово «**бодистон**» в доступных нам толковых словарях.

е) о суффиксе **-сор** в “Грамматике современного таджикского языка” [57, 173] упоминается, что он является продуктивным, встречается лишь с некоторыми именами существительными, имеет значения места и изобилия чего-либо. В «Даниш-наме-и Кадархан» существует слово, образованное присоединением этого суффикса:

ФАРСАНГСОР - *мил бувад, ки аз баҳри нишонӣ сангеро бар сари роҳ насб мекунанд ва онро фарсанг низ хонанд* / разметка дороги, когда для указания расстояния ставят камень, и называют его фарсанг [2,66а]

ШАМСОР – *дарахти сахтҷӯби миёнаболо*/высокое дерево с твердой древесиной [2, 59а]. Далее следует бейт из стихов Лабиби:

**Фарзу қадди зулфайнаш ту гӯй,
Фурӯҳиштаст аз шамсору шамшод/
Оба локона длинных, словно
Свесились с самшита высокого.**

ё) суффикс *-гун*. Образует имена прилагательные от существительных и прилагательных, выражающих сходство предмета:

ОЗАРГУН – *номи гуле аст бар шакли оташ* /название цветка в форме огня [2, 1596].

ж) суффикс *-гон*:

МЕХРГОН – *хазон бувад* / это осень [106]. В словаре «Бурхони котеъ» М. Муин отметил, что это слово происходит от «древнеперсидской лексемы *Mitra kana*» [то есть относящийся к *mitra*], состоит из: *mitra* + *kana* [относительный суффикс] – *мехргон* [34];

НАРРИГОН – *гадоёни шӯхро гӯянд* / называют забавных нищих [2, 152].

з) суффикс *-ина* является продуктивным: 1) образует прилагательное от имени существительного, которое указывает на материал, из которого сделан предмет, и к какому роду он принадлежит; 2) с именем прилагательным образует качественные прилагательные, означающие цвет и качество [57, 216].

ЧҮБИНА - *корвонаки чӯбина* / иносказательно о стреле [2, 168а];

ДАСТИНА – *мисоли тавқеъро гӯянд* / о царской печати [2, 1946]. Далее приводится бейт Мунджика:

**Эй гами ишки ту дар ҳар сина,
Гар нависӣ сӯи ман дастина/
О, печаль любви твоей во всей груди,
Если напишешь мне указ с печатью.**

и) суффикс *-она* является продуктивным и образует прилагательные от слов разных частей речи:

ЧУХУДОНА – *чарби рӯда бувад бирён карда* / растопленный жир с кишок [2,216а]. Далее приводится бейт без упоминания автора:

**Яке муслим бинӣ бо намоз,
Чухудона мехурад бону ба ноз/
Увидеть можешь мусульманина в молитве,
Что пожирает жир, растопленный с кишок.**

БОДКОНА – *даричаи хурд бувад/* маленькая дверца [2,172a].

АФКОНА – *бачае ки аз шикам биравад/* младенец, извергнутый чревом матери [2,175б]. Далее приводится бейт без упоминания автора:

**Ҳосид зи ҳамлаи ту ниҳодаст сар ба хок,
Душман зи ҳайбати ту чу афкона доимост/
Завистник от моци твоей голову к земле приклонил,
Враг пред могуществом твоим словно младенец всегда.**

НҮСОНА – *чарб ва ширин бувад чи сухан ва чи луқма/* жирно и сладко, как в речи, так и в еде [2,181a]. Далее цитируется бейт Унсури:

**Чони созандаро балус гирифт,
Дасту пою сараш банӯс гирифт/
На душу бальзамом полилось,
И жирно и сладко стало ногам и рукам.**

ХУСТУВОНА – *паишмина бувад, яъне ҷомаи дарवेशон ва мӯйҳои овехта/* это власяница, то есть одежда дервишей, и длинные шерстяные пряди [2,183a].

КОШОНА – *хона бувад/* это дом [2,185a].

Далее приводится бейт Сузани:

**Ҳангоми тамошо худованд он гардад,
К-аз хонаву кошона хиромид ба гулзор/
Во время веселья тот будет хозяином,
Кто из стен дома жеманно выйдет в сад.**

к) суффикс **-а** является продуктивным и образует существительное от слов разных частей речи:

ҲАЗОРЧАШМА - *мисли даррад бувад /* это словно боль [2,170a]. В ходе исследования данное слово было найдено нами в словаре Деххудо в значении «название болезни, которую называют рак» [18, 96]. В «Сурмаи Сулаймони» также имеется это слово в значении «смертельная болезнь, рак» [4, 368].

КОМА - *хост бувад/* это желание, влечение. Далее приводится бейт Фирдоуси [2, 192a]:

**Надидам чунин ёри худкома,
Ки бинвишт зи ман яке нома/
Не видел подобной возлюбленной, влюбленной в себя,**

Чтоб написала мне хотя бы одно послание.

ДАЗКАЛОЛА - обе, ки аз сармо бияфишурад аз новадон то замин/талая вода, что стекает из желоба на землю [2,196а]

НАВЧАБА - сел бошад/это селевой поток. Далее приводится бейт Рудаки [2,197а]:

**Мар туро чӯяд ҳама хубиву зеб,
Ҳамчунон чун навчаба чӯяд нишеб/
От тебя ищу я добра и благодати,
Как ищет низину селевой поток.**

л) суффикс **-ӣ** является одним из наиболее продуктивных именообразующих суффиксов:

СИПАРӢ - тамом шудан ва басар расида бувад [2, 225а].

ГАШШӢ - хиромиш ва ба ноз рафтан бувад/ грация и плавная походка. Далее приводится бейт Хакани [2, 259б]:

**Гаш–гаш хиромон меравӣ, эй хусар аз чон то кучо,
Шамъеву пинҳон меравӣ парвонасӯзон то кучо?!
Грациозно уходишь, скрываясь из души, куда же ты?
Словно свеча видна, хоть прячешься и сжигаешь мотыльков.**

СИПАНЧӢ – хонаи сабилӣ бувад / это временное пристанище [2, 224б].

ЁРОӢ - яъне тавоноӣ бувад/ это сила и мощь. Далее приводится бейт Низами [2, 218а]:

**Ҳаме гашт бо нақши девор чуфт,
На ёрои чунбиш на ёрои гуфт/
Слился с тенью своей на стене,
Не было сил двигаться и сил сказать.**

КОНОӢ – аблахӣ ва нодонӣ бувад/ это глупость и невежество. Далее приводится бейт Кисаи [2, 152б]:

**Ман сухан гӯям ту коноӣ кунӣ,
Ҳар замоне даст бар даст занӣ/
Я говорю, а ты лепечешь глупость,
Бьешь глупо ладонью о мою ладонь.**

ЗАНДАНАЧӢ - чомаест мусаллобофт/ - тканый шелковый халат. Далее приводится бейт Хакани:

**Чун бод занданаҷии кӯҳсор баркашанд,
Зи ховар сандусу дебо барафкананд/**

*Как ветер, одежду горных склонов срывая,
С востока покрывая золотом и шелком [2, 221а].*

м) суффикс **-ак** является продуктивным и образует существительные от слов различных частей речи:

ХАРГУШАК – *гиёхест, ки онро забони барра гўянд*/растение, которое называют языком ягненка [2,121б].

ШАБЧАРОҒАК ВА ОТАШАК – *кирми шабтоб бувад*/это светлячки [2, 99б].

Далее приводится образец из творчества Рудаки:

**Шаб зимистон буд, каппӣ сард ёфт,
Кирмаки шабтобӣ нокомӣ битофт.
Каппиёнаш оташе пиндоштанд,
Пуштаи ҳезум ба ӯ бардоштанд/
В зимнюю пору в шатре холод и мрак царил,
Несчастный светлячок случайно залетел/
И путники в шатре, огонь увидев в нем,
Вязанку дров бросили на него.**

ХУРТАК - *мӯҳра бошад, ки баҳри чашимзахм бар гардани кӯдакон банданд*/это бусина, которую для исцеления от глазных болезней вешают ребенку на шею [2, 103а]. И далее приводится бейт без упоминания автора:

**Тарсам эй моҳ, ки чашмат расад,
Чунки набандӣ ба гулу хуртак/
Боюсь, что сглазят тебя, о месяц мой,
Ведь бусину на шее не носишь ты.**

ШУШАК ВА ШОШАК - *рубоби чаҳортора бувад* / это рубаб с четырьмя струнами [2, 101б]. И далее приводится бейт из творчества поэта Лабиби:

**Гахе самоъ ба шушак, гахе барбати чангин,
Гахе чағонаву тамбӯр, гахе барбати анқо/
Иногда плясание под звуки рубаба, иногда под чанг,
Иногда под чагане и тамбур, иногда под чудесную лютню.**

ШИЛКАК - *гузари обро гўянд чи ҷуз бар девор, чи ҷуз бар замин*/это сток для

воды, частью расположенный в стене, и частью – на земле [2, 115б].

МИНАК – *гиёҳи қоруб бувад*/ растение, из которого вяжут веники (сорго) [2, 114а].

БАЛОРАК – *теги тез бувад*/это острый меч. Приводится бейт Низами:

**Эй гамзаи ту зада балорак,
Ушшоқи шикастаро ба торак/
С острым мечом кокетство твое схоже,
Что губит в темноте влюбленных** [2,112б].

о) В «Даниш-наме-и Кадархан» префикс *бе-* встречается только в одном случае и образует имя прилагательное:

БЕҲУДА - *ботил бувад*/ это означает “напрасно” [2,211б].

р) суффикс **-иш** является малопродуктивным. Он образует имена существительные от основы глагола настоящего времени, указывает на продолжительность действия в производных именах существительных, образованных с суффиксом **-иш**. В «Даниш-наме-и Кадархан» встречаются следующие производные существительные:

ГИРОИШБАХШ – *дархур бувад*/ это склонность, происходит от инфинитива *гиرويدан* – наклоняться, желать [93];

ПЎЗИШ – *узр ва маъзарат бувад*/ это есть извинение и оправдание [2, 81б], образовано от инфинитива *пӯзидан* – «просить прощения» [12, 1.251];

ПАЖЎҲИШ – *насиҳат бувад* /в значении «наставление» [2, 81б]. Однако в словарной статье к слову «*пажӯҳиш*» в бейте Низами оно приводится в форме «*пажӯҳишгарӣ*». Значение, упомянутое в «Даниш-наме-и Кадархан», не встречается в других словарях. Значение инфинитива «*пажӯҳидан*» - «наставлять, поучать»;

НИЁИШ – *дуо ва қорӣ бувад* /означает «мольба, просьба» [2, 82а]. Образовано от инфинитива «слушать и слышать»;

ОҒОЛИШ – *шӯриш бувад* /означает «бунт» [2, 87а].

НАЗОРИШ – *кирозиш* / грациозная походка [2, 84б]. В «Бурхони котеъ» слово «*кирозанидан*» означает «грациозно ходить», а «*кирозидан*» означает «плавно выступать», также имеется ссылка на «Фарханг-и Джахонгири» [12, 2. 362].

КАРЗИШ – тазаллум бувад/ просить, молить о справедливости. Далее приводится бейт Хусравони:

**Бидех доди ман з-он лабонат вагарна,
Сӯи хоча хоҳам ман ба карзиш/
Исполни своими устами мольбу мою,
Я к Господу о справедливости взмолюсь.**

К сожалению, очень сложно определить значение лексических единиц с суффиксом **-иш**, которые поясняются другим словом, образованным с тем же суффиксом, а также трудно указать инфинитивы, от которых образованы имена существительные, называющие действие.

Глаголы. В средневековых толковых словарях, в том числе в «Даниш-наме-и Кадархан», глаголы представлены в словарных единицах в следующих формах: 1) основа глагола настоящего времени; 2) в форме третьего лица глагола прошедшего времени; 3) в форме инфинитива.

Приведение инфинитива в виде отдельной словарной статьи можно встретить в ранние времена становления персидско-таджикской лексикографии. В древних словарях количество инфинитивов небольшое. Например, в словаре «Маджмуат-ул-фурс» Джарути истолкованы всего четыре инфинитива: *нажӯлидан* – в значении «завянуть» [25, 195], *тӯхтан* – «получать, уплачивать» [25, 197], *хиромидан* – «грациозно ходить» [25, 198], *дандидан* – тихо напевать [25, 198].

В «Даниш-наме-и Кадархан» имеется множество инфинитивов. По нашим подсчетам, автор словаря упомянул 52 инфинитива. В словаре применены два способа толкования инфинитива: 1) толкование инфинитива посредством другого инфинитива, в результате чего образуется группа синонимичных глаголов:

ЧАҲИДАН – *частидан ва хазидан бувад* / это цепляться и ползти [2, 141a];

ХАСИДАН – *хоидан бувад* / это жевать [2, 141a];

ЛҶҒИДАН – *дӯшидан ва ошолидан бувад* / доить [корову или козу] и выпивать

[2, 1416];

ФИТОЛИДАН - *рехтан бувад* /это проливать [2, 1416];

ШАМИДАН – *рамидан бувад* / это бояться [2, 142а];

СИСТАН – *частан бувад*/ это прыгать [2, 146б];

ЧАМИДАН - *хиромидан бувад* / это ходить плавно, грациозно [2, 147а];

ШИФТАН – *таровидан бувад*/это быть свежим [2, 147б].

САБЎХТАН -- *дур кардан бувад*/ это означает «отдалять». Далее приводится бейт Санаи:

Маро нахоҳад дидан фурӯхтан хоҳад,

Маро нахоҳад хотун, сабӯхтан хоҳад/

Не хочет видеть меня, хочет продать,

Не хочет женщина меня, желает отдалить [2,147а].

2) Развернутое толкование инфинитива:

ФИРИДАН – *фусус ва истеҳзо бувад*/это ирония и насмешка [2,142а].

АЛФАХТАН – *гирд карданро гӯянд*/ говорят “собирать что-то” [2,153б];

ТЎХТАН – *он-ч аз касе ба чизе расида бошад, боз бад-ӯ расонидан*/ что-то получить от кого-то и вернуть обратно [2, 153б].

ФУНУДАН - *гарра ва фирефта шудан бувад*/ это значит «стать обманщиком». Далее приводится бейт Рӯдакӣ:

Наёрам бар касе ин рози накшуд,

Маро он холи хиндуи ту бифнуд/

Никому не раскрою тайну свою.

Обманула меня родинка твоя индийская [2, 140б].

В некоторых случаях аль-Форуки приводит также отыменную часть инфинитива:

ЛЎҒ ва ЛЎҒИДАН – *дӯшидан бувад ба иборати Мовароуннаҳр* /согласно мавераннахрскому говору означает “доить” и “выпивать” [2, 151б]. Такое же пояснение дано в «Лугати фурс» [5, 222];

ОХТАН – *берун кашидан бувад ва оҳехтан низ ба берун кашидан аст*/ означает “вытаскивать», а «охехтан» также означает «вытаскивать» [2, 154а].

В словаре Бадруддина Ибрахима «Фарханг-и Зафонпуё ва Джахонпуё»

истолковано 246 таджикских инфинитивов. Из 52 инфинитивов, встречающихся в «Даниш-наме-и Кадархан», 29 инфинитивов встречаются в «Фарханг-и Зафонпуё ва Джахонпуё» [16]. Анализ инфинитивов из «Даниш-наме-и Кадархан» показал, что большинство из них являются архаичными инфинитивами. Конечно, среди них есть инфинитивы, которые и в настоящее время используются в таджикском литературном языке: *шунидан* [слышать], *чаҳидан* [прыгать], *шамидан* [нюхать], *чамидан* [плавно двигаться], *андӯхтан* [владеть, накапывать], *шошидан* [мочиться].

Некоторые глаголы указаны в форме причастия настоящего времени:

НИЮШАНДА – *шунаванда* /слушатель [2, 168а],

ОҶАХТА – *кашидан* *бувад*/ это означает “тянуть» [2, 169а],

ШИКЕЗАНДА – *асби барчаҳанда бошад*/это лошадь, вставшая на дыбы [2,174а];

БАРМАХИДА – *фарзанди оқ ва нофармон бувад*/ребенок, проклятый родителями и непослушный [2, 210б];

ҒАРОШИДА – *хашмолуда бувад*/ это означает “озлобленный” [2, 186б];

ШАМИДА – *бимрасида ва беҳуш бувад*/это означает “тревожающийся и растерянный» [2, 187б];

КАРОШИДА – *табоҳ ва парешонишударо гӯянд* / так говорят о растерянном и попавшем в бедственное положение [2, 190б];

МАХИНДА – *хазанда бувад* / это пресмыкающееся [2, 173б];

ХАНИДА – *сутуда ба суруд бувад*/это восхваляемый в песнях [2, 194а];

КУВОЛИДА – *молидани ҳар чӣ аз галла бувад*/ намазать что-либо из зерна [2, 191а]. В словаре «Бурхони котеъ» есть более точное толкование указанного слова: *каволида* означает зерно и посев, а также растущую и зреющую культуру. Инфинитив «каволидан» означает “собирать и накапывать”; а еще означает посев и выращивание зерна [6, 407].

ФАРҶАХТА – *боодобро гӯянд*/ говорят о вежливом, воспитанном человеке [2, 27]. В «Бурхони котеъ» указано, что это причастие от инфинитива *фарҳаҳтан* в значении «воспитывать, учить уму-разуму» [6, 2,308];

АНБОРАДА – *бо аҳду паймон бувад* / это означает “оставаться верным своему слову» [2, 208б].

В одном случае в словарной статье глагол стоит в форме повелительного наклонения:

МАКЕБ - аз роҳи каж ба рост будан/не уклоняться от правильного пути [2, 19б]. Произошло от инфинитива «кебидан» - «отказываться, воздерживаться от чего-либо», который до сих пор используется в таджикском языке. Следует подчеркнуть, что это слово имеет толкование, близкое к толкованию в словаре «Лугати фурс»: *Макеб* - т. е. не уходи от истины в другое место [4, 74]. В словаре «Лугати фурс», изданном в Худжанде, это слово имеет следующее толкование: «*Кеб* – таково, что, говоря, не веди от правильного к неверному» [5, 71]. Приводится поэтический образец из поэзии Шахида:

**Ё раб, биофаридӣ рӯе бад-ин мисол,
Худ раҳм кун бар уммату аз роҳашон макеб/
О Господи, ты образ сотворил такой,
Будь милосерден к рабам Своим и удержи их** [5, 71].

В словаре «Даниш-наме-и Кадархан» найдена группа глаголов, имеющих форму основы настоящего времени:

ОМУД - *оростан бувад*/ означает “украшать” [2,43б];

ПАРВОС – *бисуданро гӯянд*/ говорят о трении [2,78б];

КОШТ – *гардонидан бувад*/ это значит «свернуть» [2,24а].

Другая часть глаголов приводится в форме повелительного наклонения:

ТАНЧ – *афшурдан бувад*/сжимать - форма пов. наклонения “сожми” [2,29а];

ОҲАНЧ – *пӯшидан бувад* /быть закрытым –форма пов. накл. “закрой” [2,34б];

Определенная часть словарных единиц из «Даниш-наме-и Кадархан» является сложными существительными. Примечательно, что сложносочиненные имена существительные в исследуемом словаре не встречаются. Все примеры, найденные нами в «Даниш-наме-и Кадархан», относятся к сложноподчиненным именам существительным и делятся на две группы: а] слова, первый компонент которых является главным, а второй

компонент - придаточным; б] слова, у которых главным является второй компонент, а первый компонент – придаточный. Собранные нами примеры в основном относятся ко второй группе сложноподчиненных существительных с незафетными именными словосочетаниями. В указанных сложноподчиненных существительных главный компонент расположен на второй позиции. С точки зрения морфологического состава сложноподчиненные существительные этой группы образуются по следующим моделям:

1. [Существительное и причастие настоящего времени с окончанием –а], которое является непродуктивным [50, 189]:

ГҮРШИКОВАНА – *кафандузд бувад/* тот, кто крадет саван [2, 1776].

Второй компонент слова - *шикована* используется в значении “разрывающий”, “вскрывающий” [12, 2. 292].

2. [Прилагательное + существительное]. При таком способе словообразования сложных придаточных существительных, который очень продуктивен и частоупотребителен, придаточным компонентом является прилагательное:

КҮРОБ – *сароб бувад/* это исток реки [2, 19а].

ХУШДОМАН – *модарзан бувад/* это свекровь [2, 1576].

3. [Существительное + основа глагола настоящего времени]. По такой модели образуются почти все виды существительных, но основную группу составляют имена существительные, обозначающие лицо [57, 188]:

ЗОДХҮСТ – *солхӯрда бувад/* это пожилой человек [2, 23а]. По утверждению автора словаря «Бурхони котеъ», слово *зодхуст* означает “пожилой”, т.е. человек в преклонных годах [6, 2.87]:

БИСТАРОҲАНГ – *лиҳоф бувад/* это покрывало на постель [2,1156]. Вторая часть этого слова образована от инфинитива «*оҳангидан*», что означает «намерение» и «выражение» [6, 165]. К ним же относятся и другие слова: *чоҳҷӯ*/ ведро [2,162а], *оморгир*/ учетчик [2,58а], *ҳангомагир*/ игрок [2,616], *шабгир*/утро [2,70а], *бӯфурӯш*/продавец пряностей и благовоний [2,81а],

шабнӯш / ночная рубашка [2,86б].

4. [Существительное + существительное]. По этой модели образованы имена существительные, обозначающие место, предметы, абстрактные существительные: занятие, место занятия ремеслом, место хранения и т. д. [56, 188]. Приведем слова, построенные по указанной модели:

- *хандахариш*/ означает “насмешка”. В словаре «Бурхони котеъ» указано: «*хариш* является краткой формой слова *хандахариш*; и это тот, над кем насмеваются и иронизируют» [6, 1,330]; *сапедадам* / означает время суток [2, 130б], компонент - *дам* в этом слове означает “время” [6, 2.35]; *чашмак* [2, 14б], *говчаим*/желтый цветок анора [2, 132а], *саранчом* /конец дела [2, 133а] *ашутургов*/жираф [2, 165а], *нӯшдору*/панацея [2, 166а], *харзахра*/сорняк [2, 200а], *ширбаҳо*/подарок жениха невесте [2, 16б], *девкалуч*/ребенок, страдающий эпилепсией [2, 29б], *харгувоз*/палка [2,70а], *марзангӯш/марзанчӯш* [2,82а], *дандонпареш*/ щербинка в зубах [2, 86б] (в словаре «Бурхони котеъ» существуют варианты *дандонопрез*, *дандонопреш*, *дандонофрез*, *дандонпарез*, *дандонпареш* [6, 2,39]) *пилгӯш*/ирис [2, 88а], *шабчарозак*/светлячок [2, 99б], *харчанг*/рак [2, 100б], *шабоҳанг* /ночь [2, 119б], *харгӯл* /название растения “бараний язык” [2, 121б], *говдум*/булава [2,135б], *бачакӯ*/незаконнорожденный [2, 166а], *шаҳкоса*/град [2,196б], *тикаждона*/оболочка зерна [2, 200б], *девной*/паук [2,217а], *гӯшмоҳӣ* /раковина [2, 22а].

5. [Имена числительные + существительные]: *ҳафтхон* [2, 160а], *ҳазорчаима* /название болезни - рак [2, 170а], *дунайкар* /астрономический термин [2, 69б].

6. [Имя прилагательное + существительное]: *кажбех*/ствол дерева [2, 39б].

В словаре обнаружен только один пример словообразования по способу стяжения изафета, в котором основным считается первый компонент: *гулнор*, образовавшийся в результате стяжения изафета в словосочетании *гулинор*.

7. [Существительное + основа глагола прошедшего времени]. По этой

модели образования исконной таджикской лексики в «Даниш-наме-и Кадархан» встречается только один пример: *зарбафт*/золотошвейный халат [2, 246].

Исследуя сложные слова в словарных статьях «Даниш-наме-и Кадархан», можно сделать следующие выводы: сложные слова в исследуемом словаре в основном относятся к сложноподчиненным существительным. Среди сложноподчиненных существительных большинство являются именами существительными, созданными по модели [существительное + основа глагола настоящего времени] (10 слов) и [существительное + существительное] (34 слова). В связи с этим можно предположить, что в XV веке продуктивным методом был подчинительный способ словообразования. Естественно, чтобы сделать более однозначный вывод, необходимо исследовать и лексику, имеющуюся во всех толковых словарях XV века.

Словосочетания. В составе словарных единиц «Даниш-наме-и Кадархан» нами найдено около двадцати словосочетаний. Они представляют собой преимущественно простые словосочетания, состоящие из исконно таджикской лексики и образованных из двух семантически самостоятельных компонентов. По форме основного компонента они относятся к именным словосочетаниям.

Именные словосочетания с существительными. В указанных словосочетаниях придаточное слово соединяется с основным подчинительной связью. Например, *аруқи суфр* / куркума [2, 64б], *дандони карк*/ волчий зуб [название растения] [2, 112б], *думи гург*/рассвет [2, 120а], *шаҳми ҳанзал*/горькое снадобье [2, 125а], *моҳии вол*/огромная рыба [2, 128б], *шаббаи яманӣ*/йеменская камедь [2, 221б].

Приводим именные словосочетания с прилагательными: *зоки туркӣ*/турецкий купорос [2, 211б], *гили қаймулиё*/название лекарственного снадобья [2, 12б]. Мнения о втором компоненте этого словосочетания в словаре «Даниш-наме-и Кадархан» и в других словарях разнятся. В словаре «Бурхони котеъ» форма «*Қимилуё*», то есть *каср каф*, имеет следующее

пояснение: «Кимилуё - это разновидность глины, и по-арабски она называется хазф-уль-руком, она белая и ароматная и пахнет камфарой. Если она чистая, ее также называют хаджар-уль-шаффаф [6, 2, 333]. Небольшого пояснения требует и именное словосочетание «*шивои шӯхгин*» [2, 150б]. Слово «*шиво*» означает... “твердость и толщина кожи рук и конечностей, огрубевших из-за работы”; а ещё так говорят о мозолях на руках и ногах, которые появились от ходьбы, и о грязи, которая тоже оседает на конечностях от работы...» [6, 2, 235]. Слово «*шӯх*» означает “грязь, которая оседает на теле и одежде” и по-арабски называется *васах*; и еще говорят о грязи и гное в ране» [6, 2, 236]. Судя по всему, вторая часть словосочетания *шӯхгин* образована от слова *шӯх* с помощью суффикса *-ин*, который, по мнению составителей “Грамматики современного таджикского языка”, принимает форму *-гин* после гласных и согласных *ҳ* и *м*. В нашем случае подобная трансформация суффикса произошла после согласной буквы *х*, что стало для нас открытием при исследовании.

Также в словаре найдено именное словосочетание с прилагательным *турунчи башир* – *ширбиринҷро гӯянд*/так называют рисовую кашу [2, 58б].

Заемствованная лексика. Как было отмечено выше, основную часть словарных единиц лексикографических произведений раннего периода истории персидско-таджикской лексикографии, в том числе «Даниш-наме-и Кадархан», составляют исконно таджикские слова. В словаре также встречается определенное количество заимствованной лексики, в числе которой арабские, индийские, греческие, римские, арамейские, тюркские слова. Следует подчеркнуть, что основной частью заимствованной лексики являются слова арабского и индийского происхождения. Арамейские, ассирийские и греческие слова вошли в словарь в основном через арабский язык. Количество тюркских заимствований в словаре «Даниш-наме-и Кадархан» незначительное.

Мы разделили заимствованные арабизмы из словаря «Даниш-наме-и Кадархан» на две группы. В первую группу вошли арабские заимствования,

встречающиеся в словарных статьях. Во вторую группу входят арабские заимствования, которые расположены в пояснительной части словаря.

С точки зрения стилистики употребления **арабизмы**, встречающиеся в толковом словаре, **можно разделить на три группы**.

1. В первую группу входят простые арабские слова, которые давно усвоены таджикским языком и до сих пор понятны большинству его носителей: *марказ* /средоточие [2, 76б], *шамъ* /свеча [2, 89б], *хайкал*/изваяние [2, 127а], *ансал* /новый вид лука анзур [2, 127б], *райхон* /базилик [2, 139а], *лахша* [вариант слова *лахча*]/ тлеющий уголь и *шуъла*/пламя [2, 195а].

2. Ко второй группе относятся арабские заимствования, более характерные для литературного стиля: *инаб*/виноград [2, 20а], *михлаб*/коготь [2, 81а], *хаффош* /летучая мышь [2,83б], *бурқаъ*/ворот [2,89а], *натъ*/кожаная утварь [89а], *бавл* /моча [2,127а], *симсим*/ кунжут [2,130а], *тин* /инжир [2,137а], *давра*/круг [2,177б], *соиқа*/ молния [2,209а], *наччор*/плотник [2,54б], *руммон*/гранат [2,136б]. Приведенные арабизмы часто использовались поэтами и прозаиками в литературных произведениях и были известны довольно узкому кругу людей. Поэтому аль-Форуки для ясности приводит их развернутые толкования. Например,

СОИҚА – *оташе бувад, ки абр афтад*/ это огонь, низвергаемый тучами. Далее приводится бейт из поэзии Низами:

**Бо соиқа даромадӣ сахт,
Ҷам хона бисӯхту, ҳам рахт**/ [2,209а].
*Ворвался так быстро, как молния,
Что дом сгорел и все имущество.*

Конечно, иногда очень сложно установить четкие барьеры между лексическими единицами первой и второй группы. Такие слова непонятны простому читателю, то есть, чтобы их понять, читатель должен быть соответствующе образован, особенно если принять во внимание, что слова на одном этапе развития языка используются редко, а на другом этапе языкового творчества переходят в группу широкоупотребительной лексики.

3. В третью группу входят малоупотребительные и вышедшие из

употребления слова, значение которых понятно только экспертам в данной области и понять суть и значение которых без словаря затруднительно даже образованным людям: *Азро*/мужское имя [2, 17а]; *мавкаб/мавкиб* /войско [2, 18б], *далаб*/чинара [2, 22а], *нишоб, нашишоб* /стрелок [2, 22а], *хавх*/персик [2, 39б], *чаммош*/опьяненный и очарованный [2, 87б], *қараъ* /тыква [2, 89б], *залф* /копыто верблюда [2, 95а], *шақоик* /тюльпан, мак [2, 97б], *арук*/куркума [2, 97а], *чуал*/жук-навозник [2, 129а], *чилчилон*/сушеный кориандр [2, 137а], *харун* /дикая лошадь [2, 77б], *чамоза*/быстроходный верблюд [2, 209а], *микраа*/удар кнутом [2, 209б].

4. В четвертую группу входят арабизмы, значение которых хотя и знакомо нынешнему читателю, но в словаре «Даниш-наме-и Кадархан» они имеют иное значение:

МИЗРОБ – *ҳалқаи чӯб бувад, бад-он кабутар гурезанд; ва номи подшоҳи Кобул; ва қаъри об бувад*/это означает палку с петлей, которой отпугивают голубей; и еще это имя правителя Кабула; и водное дно [2, 22а]. Указанные аль-Форуки значения слова «мизроб» не встречаются ни в одном из доступных нам словарей.

МИЗОЦ – *к-он ҳар чизе бувад [казо фи асл]* / все что угодно. Значение слова неясно из объяснения автора словаря [2, 31а];

ШАЙХ – *гиёхро гӯянд*/ так называют растение [2, 40б].;

УНСУР - *ба порсӣ мозу, ба ҳиндуй моиз гӯянд*/по-персидски говорят “мозу”, на хинди – “моиз” [2, 64б];

В словарных статьях «Даниш-наме-и Кадархан» и в пояснениях к ним использовано небольшое количество арабских слов. Ниже мы разделим арабизмы из словаря на группы по классификации автора «Муаррабат Рашиди» [14].

Арабизмы, возникшие в результате замены буквы:

- замена буквы *г* на **ч**: *найранг* - *найранч* / потеха [2, 118б], *гулнор* – *чулнор* /гранат [2, 56б]; *марзагӯш* – *марзанчӯш* /майоран [2, 82а]; *шангарф* – *занҷарф* / гусеница [в этом слове также есть замена букв *ш* и *з*]: [2, 95а],

- замена **б** на **ч**: *исфедаб* – *исфедоч* /пудра [2, 35а].
- замена **к** на **ч**: *зок* - *зоч* / купорос [2, 38а].
- замена **к** на **б** и **з** на **ч** - *бизишк* /лекарь [2, 121а].
- замена на **ч** на **ч**: *занданичӣ* – *занданичӣ*/ шелковый тканый халат [2, 243].
- замена буквы **та**-манкута на **та**-муаллаф и буквы **к** на **қ**: *талк* – *талқ*, *табошир* – *табошир* /чинара [2, 58б].

Арабизмы, возникающие по правилу сложения или добавления буквы. По мнению Рашиди, буква «*ҳа*»-*мухтафӣ*, встречающаяся в конце персидских слов, преобразуется в букву «джим» или «кяф» или удаляется [14, 10]: *шира* – *ширач*/сладкий напиток [2, 33а]; *нишоста* – *нишосточ* /крахмал [2, 33а], *ҳалила* – *ҳалилач* /горькое лекарство для желудка [2, 35б], сурма – сармақ / сурьма [2, 96б].

Особенность употребления и объяснения арабизмов состоит в том, что в ряде случаев автор «Даниш-наме-и Кадархан» приводит форму арабизма в словарной единице и сравнивает с исходным словом:

НИШОСТАЧ – *нишостаро гӯянд*/так называют крахмал [2, 33а];

ЧАЛУЗ – *чалгуза бувад*/это сосновая шишка [2, 72а].

ҲАЛИЛАЧ– *ҳалила бувад*/ это горькое лекарство [2, 35а].

МУЧ – *мунг бувад* /это опиумный мак [2, 33а]. В словарной статье «Даниш-наме-и Кадархан» это слово приведено в форме «*муч*». В «Муарработ» Рашиди оговорено, что слово «*муч(ч)*» явояется арабизированной формой таджикского слова «мош», и «*муч(ч)*», как и «*мунг*», обозначает зеленый маш или чечевицу [14, 24].

ЗОЧ - *зокро гуянд*/ так называют купорос [2, 38а].

САРМАК – *сурма бувад*/это сурьма [2, 96б];

ШАҲДОНАК – *шаҳдоноро гӯянд*/ называют опиум [2, 97б].

В двух случаях аль-Форуки использовал в лексической статье различные варианты слова:

ЧУЛНОР **ва** **ГУЛНОР** - *анорро гӯянд*/говорят о гранате [2, 56б]. Похоже, толкование автора неверно, ведь *чулнор/гулнор* – это не сам гранат, а цветок

граната;

- **МАРЗАНГŪШ-МАРЗАНЧŪШ** – *хиндуи марва гŷянд* / на хинди называют марва [2, 82а-82б].

В одном случае аль-Форуки приводит исконное слово в словарной статье и при его толковании приводит арабский вариант и дает пояснение на персидском языке:

ГАВЗ – *чавз ва нони гирда бувад*/джавз и круглый хлеб [2, 76б].

В отдельных случаях аль-Форуки приводит только арабский вариант с его толкованием: «*розиёнач*» - *волони бузург*/это большой куст руты» [2, 35а]. Абурейхан Бируни в «Ас-Сайдана фи-т-тиб» приводит, что *розиёна* - это семена, схожие с семенами кориандра. На персидском языке его называют *розиёна* и *бодиён* [4, 219].

В «Бурхони котеъ» слово «*розиём*» толкуется следующим образом: «по модели и в значении бодиён, что есть розиёна, и его арабский вариант *розиёнач*» [12, 59].

В толковании некоторых лексических единиц используются и другие термины: *деҳқон*, *чавҳар*, *тарён* и т. д. Примечательно, что аль-Форуки использовал арабизмы в «Даниш-наме-и Кадархан» крайне редко, хотя из имеющихся в словарных статьях пояснений можно сделать вывод, что автор имел широкое представление об арабской лексике, о персидских и арабских вариантах словарных единиц. По нашему мнению, автор намеренно не усложняет толкование слов арабизмами, поскольку целью составления рукописи является содействие в понимании сложной литературной и научной лексики, а излишнее наполнение арабизмами не отвечает её предназначению.

II.2. Лексико-тематические группы словарных единиц

В «Даниш-наме-и Кадархан»

Словарные единицы, в целом составляющие 2 419 слов и словосочетаний, принадлежат к разным лексическим группам, которым аль-Форуки дал интересное толкование с учетом потребностей читателей словаря,

в большинстве своем жителей Индии и региона Малавы. Если обратиться к сведениям, изложенным во введении к исследуемому произведению, то аль-Форуки изначально поставил целью истолковать слова из «Шах-наме» Фирдоуси, «Искандар-наме» Низами и из творений других поэтов, оказать содействие в изучении медицинских и прочих терминов. В связи с этим лексика «Даниш-наме-и Кадархан» частично отличается от тематики предыдущих толковых словарей. Это отличие заметнее в толковании фитонимов, зоонимов и медицинской терминологии.

Выдающийся российский исследователь С.И. Баевский [98], исследуя пять словарей раннего периода персидско-таджикской лексикографии: «Лугати фурс», «Сихах-ал-фурс», «Меъёри Джамоли», «Фарханг-и Зуфонгуё ва Джахонпуё» и «Даниш-наме-и Кадархан», разделил их лексику на 18 групп:

1. Градостроительная лексика.
2. Дом. Его строение. Дворец.
3. Предметы домашнего обихода.
4. Орудия труда. Материалы. Домашнее хозяйство.
5. Одежда и ткани.
6. Декоративные предметы, украшения. Парфюмерия.
7. Предметы обучения грамоте.
8. Предметы, связанные с играми, развлечениями. Спорт и охота.
9. Литература и искусство.
10. Верования.
11. Военная амуниция.
12. Пища.
13. Болезни, лекарства.
14. Обычаи, традиции.
15. Метрология. Деньги.
16. Терминология родства.
17. Профессии, звания и род занятий.
18. Разные слова [98, 198-199].

Для определения лексической тематики лексикографических произведений использованы два метода, один из которых принадлежит В. А. Капранову, другой – С. И. Баевскому. В первой классификации основной категорией является человек, что включает лексику, связанную с действием, деятельностью, именем человека и т. д. При втором методе классификации, который применил С. И. Баевский, дана тематическая классификация лексики словарей по частотности их использования в словарях. В исследованиях В. А. Капранова по этой проблеме использовался только «Лугати фурс» [103], и его классификация безупречна по отношению к отдельному лексикографическому произведению, однако С. И. Баевский осуществил более объемное исследование и дал общую классификацию. В данной работе мы опирались на тематическую классификацию С.И. Баевского. На основании его классификации лексические темы «Даниш-наме-и Кадархан» с учетом их значимости представлены следующим образом:

1. Специальные медицинские термины.
2. Фитонимы.
3. Зоонимы.
4. Астрологические термины.
5. Градостроительство, строительство, домашнее хозяйство.
6. Объекты, связанные с водой и ирригацией.
7. Ткани и одежда.
8. Украшения.
9. Поэтическая и музыкальная терминология.
10. Вооружение.
11. Игры и спорт.
12. Пища.
13. Лексика, относящаяся к различным профессиям: бакалея, столярное дело, ювелирное дело, сельское хозяйство, кожевенное дело, счетоводство.
14. Лексика, выражающая родство.
15. Религия и убеждения.

16. Различные слова.

II.2.1 Фитонимы

Тематика словарных единиц «Даниш-наме-и Кадархан» соответствует классификации С.И. Баевского, однако имеет некоторые преимущества в сравнении с предыдущими словарями. В это произведение, в отличие от других древних словарей персидско-таджикской лексикографии раннего периода, включено больше фитонимов.

Из 2 419 лексических единиц, упомянутых в «Даниш-наме-и Кадархан», 409 лексических единиц относятся к фитонимам, что составляет почти пятую часть всех лексических единиц, поэтому «Даниш-наме-и Кадархан» можно назвать древним словарем персидско-таджикских фитонимов, заложившим фундамент такой науки, как фитолингвистика.

Фитонимы являются важной частью словарного фонда языка и служат для отражения природного компонента в лексиконе. В различные периоды развития языка лексическая группа фитонимов и лексики, связанной с флорой, привлекала внимание исследователей в сфере лексикологии и лексикографии ввиду обширной области для изучения и большого объема фактологического материала [106; 153; 154; 157; 198].

В различных диалектах и в разных регионах растения и деревья упоминаются под названиями, характерными для этой местности. «Даниш-наме-и Кадархан» был написан на территории Индии, и естественно, что местным жителям были непонятны наименования растений и деревьев, произрастающих в Мавераннахре и Хорасане, указанные на персидском языке или диалекте. Этим было обусловлено намерение аль-Форуки составить словарь и истолковать жителям Индии названия представителей растительного мира персидско-таджикского происхождения. Наряду с этим Индийский субконтинент изобилует цветами и растениями с присущими им интересными названиями на хинди, а различия в их названиях на персидско-таджикском языке, на котором были написаны медицинские книги и книги по фармацевтике, обусловило потребность в толковом словаре фитонимов

Хорасана и Мавераннахра, чтобы не допустить ошибок при составлении растительных сборов и лекарств и лечении ими [215, 4]. Наше знакомство со словарем, и особенно с лексикой, относящейся к фитонимам, показывает, что автор имел целью оказать содействие в изучении лекарственных трав и растений не только лекарям и фармацевтам, но и простому потребителю в расширении его кругозора в области растениеводства.

Автор «Даниш-наме-и Кадархан» имеет собственный подход к толкованию названий трав и растений. По сравнению с другими группами лексики, в толковании названий растений не применяются антонимы. В пояснениях к фитонимам часто приводятся синонимы слова. Иногда в толковании фитонима наименование аналогичного растения в пояснительной части представлено на хинди, а иногда – на арабском и тюркском языках, что еще раз указывает на определенный круг потребителей словаря, то есть индусов. Например,

САДОБ - *тараи маъруф аст, ҳиндуӣ совули гӯянд, ки пайваста сабз бошад*/ это известная трава, на хинди называют совули, которая относится к вечнозеленым растениям [2,186];

ЯБРУЧ – *ғиёҳе аст беҳи ӯ сурати одамӣ дорад, ба ҳиндуӣ лакхманӣ ва лакхмано гӯянд*/это растение, стебель которого похож на тело человека, на хинди называется лакхмани и лакхмано [2, 35а];

ТИРБИЗ - *ғиёҳе аст, ба ҳиндуӣ насут гӯянд*/это растение на хинди называется насут [2, 42б];

ҲАНЗАЛИ ХУРД – *он ки ҳиндуӣ катойиро гӯянд*/ на хинди называют катайи [2, 42б].

Автор словаря иногда поясняет названия растений и трав посредством синонима или просто указывая: «это растение/это трава», не давая пояснений. Такой подход можно проследить в следующих примерах:

ЛАВР - *бодомро гӯянд*/ так называют миндаль [2, 60б];

ЛИСОНУССАВР - *ғиёҳе аст*/это растение [2, 60б].

Одной из особенностей словаря аль-Форуки является то, что при

толковании фитонимов название одного и того же растения или травы может быть приведено в нескольких толкованиях в различных главах словаря. К примеру, растение под названием «*забони барра*/бараний язык» и его синонимы:

ХАРЧЎШ - *ғиёҳи забони барраро гўянд*/ так называют растение «бараний язык» [2, 83б];

ХАРГЎШАК - *ғиёҳест, ки онро забони барра гўянд*/ это растение, которое называется «бараний язык» [2, 121б];

ХАРҒУЛ – *ғиёҳи забони барра бувад*/ это растение «бараний язык» [2, 122б].

ЛИСОНУЛҲАМАЛ – *ғиёҳи забони барраро гўянд*/ так называют растение «бараний язык» [2, 127б];

МАФҚУЛО – *хаишоиро гўянд*/ так называют опиумный мак [2, 12а];

ЯЛБУБ – *дарахти хаишоиро гўянд*/так называется куст опиумного мака [2, 22а];

КЎКНОР – *хаишои бувад ва он хоб орад*/ это опиумный мак, и он клонит ко сну [2, 67а];

МИҚОИС – *хаишоиро гўянд* / называют опиумный мак [2, 79а];

АФЮН – *самғи хаишои сиёҳ дар билоди Миср шавад*/ это смола черного опиумного мака, который растет в странах Мисра [2, 143б];

БАРЗУЛҲАСИН – *тухми хаишоиро гўянд*/так называют семена опиумного мака [2, 143б].

При пояснении слова «гранат» автор также приводит несколько синонимов слова:

ҚАЛҚАЛ - *анори даштӣ аст, донҳои ӯ сиёҳ бувад*/ это степной гранат, у него черные зёрна [2, 127б].

РУММОН – *анор бувад*/это гранат [2, 137б].

ЧУЛНОР **ва** **ГУЛНОР** - *анорро гўянд*/ так называют гранат [2, 56б].

НОРАХАВ – *гули анор бувад*/это цветок граната [2, 164б].

Приведение синонимов указанным выше способом обусловлено прежде всего требованиями к построению словаря, в котором основное внимание

уделяется последней букве слова, необходимой для создания рифмы. Такая традиция в древней лексикографии существовала издавна, когда Туси и его последователи упорядочили имеющиеся записи в соответствии с алфавитным порядком по последней букве, поэтому поэты могли использовать словарь для рифмы. Со временем такое упорядочение становилось все более систематическим и обрело законченную форму [78, 74].

При толковании названий трав и растений встречаются и поэтические образцы, но их немного. Цитируемые автором стихотворные отрывки используются для более глубокого и ясного пояснения отдельной лексической единицы. Например,

ФАРАДЖ - *гиёхе аст талх, дарди шикамро суд дорад*/горькая трава, которая полезна при болях в животе. Далее приводится бейт из творчества Мунджика:

**Вайҳак, эй Бурқай, талхтар аз оби фараж,
То кай ин табӣ бади ту мекардаш паж/ [2,76a].
Горе тебе, о Буркаи, горше сока фараджа,
Когда же твой дух плохой поднимется?**

КАРАФШ – *аз рустаниҳост, яъне иҷмуд*/из растений, то есть сельдерей [2, 279a];

САРЕҒ – *хӯшаҳои ангури нурборро гӯянд*/ говорят о полных гроздьях винограда. Далее приводится бейт без упоминания автора:

**Дареғ фарри чавониву ғиррой, дареғ,
Азиз будам пеш аз ин ҳамчу он сареғ [2, 94a]/
Жаль молодость, и счастья молодости жаль,
Я дорог раньше был, как винограда полная гроздь.**

Лексические единицы, относящиеся к фитонимам, в «Даниш-наме-и Кадархан» по происхождению относятся к персидско-таджикскому, арабскому, тюркскому языкам и хинди. Причина толкования персидско-таджикских фитонимов обусловлена тем, что фитонимы упоминаются соответственно их названиям в конкретной местности. Например, «*кашнич*/кориандр» - популярное растение, которое известно в одном ареале под фитонимом «*буйимодарон*», а в другом месте на территории

распространения персидско-таджикского языка оно упоминается как «*гашиниз*». Аль-Форуки, сведущий в названиях различных растений, поставил целью разъяснить современникам названия растений и их значения в различных вариациях.

В словаре встречаются названия растений на арабском языке. Повсеместное распространение арабского языка, его заимствования в персидско-таджикском языке и статус языка науки на протяжении долгого времени сделали арабизмы неотъемлемой частью лексики многих восточных языков. Множество названий фитонимов в научных медицинских книгах и книгах по фармацевтике и фармакологии упоминаются в арабском варианте, и это представляло огромную трудность в распознавании и применении растений. Ашраф аль-Форуки взялся за трудное дело и пояснил арабизмы посредством персидско-таджикского синонимов либо синонимов на хинди. Например,

СИРОЦУЛҚИТРОБ – *гиёҳе аст, ки дар шаб ба мисли чароғ рӯиной диҳад*/ это растение, которое светит ночью как светильник [2, 20а];

ХАШИШАТУЗУЧҚОҚ – *гиёҳеро гӯянд, ки обгинаро равшан кунад*/ так называют растение, которое осветляет стекло [2, 37а];

ЗАНЦАБИЛУРРУТАБ – *адракро гӯянд ва ба порсӣ шакбир*/ на хинди говорят *адраки*, и на персидском - *шакбир* (свежий имбирь) [2, 20а];

ШАҚОИҚУННУЪМОН - *лолаи кӯҳиро гӯянд*/ называют горный тюльпан [2,143б];

ИКЛИКУЛМУЛҚ– *сараки зард бувад, ки афрешим ранг кунанд*/ это головка растения, которым красят шелк [2, 102б];

ҚУРРАТУЛАЙН – *карфаши обиро гӯянд ва карфаши обӣ гиёҳест, ки манаббати ӯ дар об бувад ва хушбӯӣ аст*/ называют водяную ящерицу, а также водное растение, которое растет в воде и ароматно пахнет [2, 151б];

ХАББУРРАШОД – *тухми сипандонро гӯянд*/ семена руты [2, 42б].

По нашему мнению, в «Даниш-наме-и Кадархан» в малом количестве, но все же упоминаются и поясняются названия растений с латинскими или

греческими корнями. В средневековой персидско-таджикской медицине и фитологии наличие подобной лексики является обычным делом, поскольку большинство книг по медицине и фармакологии было переведено с греческого и латыни на арабский или персидский языки еще в VII-IX веках, и влияние греческого и латыни на язык арабской и персидско-таджикской науки очевиден. В исследуемом словаре несколько слов имеют латинское или греческое происхождение:

СИСОЛИЮС лат.– *хори бутриро гуянд*/называют каменную колючку (от латинского - *agave sisalana* – агава каменная) [2,79б];

САНДАРУС – *самги дарахти анор бувад* /смола гранатового куста (от греческого – *sandarous* – камедь) [2,79а];

КАРВИЁ – *сиёхзираро гуянд* / так называют черный тмин (от латинского *carum carvi* – тмин обыкновенный) [2,12а];

АСОРУН – *сунбули даштӣ бувад ва баъзе атиббо нордин гуянд*/ это гиацинт степной, и некоторые лекари называют его нордин (от греч. *asparagaceae* – спаржа) [2,146а];

РОТИНАЧ – *самги дарахтро гуянд*/это смола дерева [от греч. *resinae* – смола] [2,38а];

АРГУНУН – *сози румиён бувад*/это греческий инструмент (от латинского *organum* – инструмент, орудие). Далее аль-Форуки приводит бейт Санаи:

**Аргануни ошиқон овозҳо дорад баланд,
Чу ту з–он овозҳои, хез овозе бикун [2,146б]/
Органус влюбленных громкими голосами поет,
Такой же голос и у тебя, встань и песню спой.**

Естественно, что при жизни автора «Даниш-наме-и Кадархан» у растений и трав не было латинских научных названий, как сегодня. В настоящее время в медицине всего мира специалист узнает растение, увидев его латинское название. В словаре немало заимствований из других языков, и каждое из них является важным источником для изучения фитонимов. Исследуемое лексикографическое произведение могло сыграть для современников его автора в некоторой степени ту же роль, которую сегодня

играет латинский язык в представлении фитонимов. Автор словаря доступным языком дает толкование фитонимов с применением персидских и индийских синонимов.

II.2.2 Зоонимы

Лексическая группа зоонимов в любом языке отражает фауну на территории распространения языка во всем ее разнообразии. Названия животных, пресмыкающихся, насекомых, птиц, рыб дополняют естественную картину лексикона народа, без которой язык становится скудным и пресным [200, 17]. Каждое произведение, посвященное определенной лексической группе, помогает определить степень развития языка, проследить историю его становления в различных аспектах.

В «Даниш-наме-и Кадархан» приводится более 190 зоонимов, то есть слов, обозначающих названия животных. В период написания «Даниш-наме-и Кадархан» в персидско-таджикской литературе были хорошо известны стихи Манучехра Дамгани, который использовал в них названия цветов, растений, птиц и животных. Помимо Манучехра Дамгани, названия животных и птиц упоминали и другие классические поэты. «Даниш-наме-и Кадархан» содержит названия насекомых и птиц, крупных наземных и морских животных, причем, согласно нашим подсчетам, названия животных составляют около 10 % всей лексики словаря, что является его отличительной чертой, поскольку в предыдущих словарях такого соотношения не отмечено. Ашраф аль-Форуки считал, что указание наименований животных, насекомых, птиц было необходимо, поскольку в персидской поэзии зоонимы присутствуют в большом количестве и разнообразии.

Зоонимы, упоминаемые в словаре аль-Форуки, мы разделили на четыре большие группы:

1. Названия насекомых.
2. Названия птиц.
3. Названия лошадей, синонимы и лексика, связанная с лошадьми;
4. Названия рыб и пресмыкающихся.

5. Названия различных животных.

При упоминании названий животных автор «Даниш-наме-и Кадархан» иногда дает небольшое энциклопедическое пояснение наряду с синонимами названия упоминаемого животного и лишь в редких случаях объяснил названия животных абстрактно. К ним относятся следующие словарные статьи:

ТАДАРВ – *номи ҷонварест*/это птица фазан [2, 166б];

САДПОЯ – *маъруф*/ известное насекомое - сколопендра [2, 201б];

КЕБУ – *ҷонварест*/это разноцветная птичка [2, 163а].

В остальных случаях названия животных имеют в словаре более широкое пояснение. В средневековый период, т.е. в период развития земледелия и выращивания злаков, которые были важным продуктом питания жителей Азии и Индии, вредители наносили огромный вред посевам и запасам злаковых и других пищевых культур. В «Даниш-наме-и Кадархан» упоминаются названия нескольких насекомых-вредителей. Характерной особенностью является то, что в пояснительной части приводится название вредителя и он трактуется по совершаемому им действию или упоминается качество вредителя:

СУНБА - *занбӯри сиёҳ бувад, ки чӯбро сӯрох кунад ва хона созад*/ черная пчела, которая просверливает древесину и строит гнездо [2, 201б];

МУШАНДЖ - *магасе, ки бар гӯшт нишинад ва табоҳ кунад* /муха, которая садится на мясо и портит его [2, 33б];

ЗАРОДАНЧ - *ҷонварест ба миқдори занбӯри зард ва бар вай нуқтаҳо сурх бувад, ба ҳиндуй талин гӯянд*/насекомое размером с жёлтую пчелу и с красными пятнами на нём, на хинди его называют талин [2, 37б];

СЕСАК ва НАЗДАК - *кирми гандумхор бувад, кирмина сурх бувад* есть /это черви, портящие злаки, гусеница красная [2, 113а].

Словари раннего классического периода развития языка, к которому относится «Даниш-наме-и Кадархан», имели общую черту: зачастую словарные единицы трактовались только с использованием одного синонима,

что прослеживается и в названиях насекомых. Автор попытался пояснить названия насекомых через известные синонимы:

ЗУРУВ – *девча бувад* / это пиявка [2, 165а].

В «Сурмаи Сулаймони» это слово приводится в форме «зарув» и означает кровососущего черного червя, а в других словарях слова «зурув» или «девча» означают слизня, пиявку [4, 135].

ЧУНГОР – *панчояро гуянд*/так называют пятиножку (краба – Р.Н.) [2, 576].

В целом в «Даниш-наме-и Кадархан» упоминаются следующие названия насекомых: *мундж*/пчела [2, 33б], *шабчарог, оташак* /светлячок [2, 99б], *монурак*/бабочка [2, 112б], *гунда*/паук-каракурт [2, 212а], *кабита* /пчела [2, 173а], *харбавон*/крыло бабочки [2, 138б], *норад*/овод [2, 49б], *хаффош*/летучая мышь [2, 83б], *чунгор*/рак [2, 57б], *мармиж*/овод [2, 76б], *сорахак*/муха [2, 113б], *фарбук*/бабочка [2, 112б], *цуал*/жук-навозник [2, 129а], *фарбук*/летучая мышь [2, 99б], *шабон*/летучая мышь [2, 150б], *девной*/паук [2, 217а], *харбур*/летучая мышь [2, 59а], *мувса* /пчела [2, 173а], *шангарф*/ гусеница [2, 95а], *мешак, наздак* /медведка, долгоножка [2, 100а], *тафна* / паутина [2, 183б], *давжана* / жало осы [2, 201б], *зурув* / пиявка [2, 165а], *вазаг* /лягушка [2, 90б], *анақ* /пиявка [2, 97б]. Эти слова в основном используются для описания червей, бабочек, членистоногих, ластокрылых, земноводных.

Названия птиц. Зоонимы и фитонимы обладают общей чертой: в разных местностях распространения животные и растения получают другое название. Это обуславливает возникновение синонимии в названиях одного животного в одном языке. Названия птиц не являются исключением. Причина, по которой названия птиц занимают заметную часть в «Даниш-наме-и Кадархан», заключается в том, что представители персоязычных народов Мавераннахра, Хорасана, Ирана и других персоязычных регионов, прибывая на территорию Индии, стали называть птиц известными им названиями. Например, в исследуемом словаре имеется словарная единица «*чубина*», которая пояснена словом «корвонак» [2, 168а]. В «Сурмаи Сулаймони» мы

нашли слово «*чикарна*», которое также поясняется словом «корвонак» [4, 141]. Также в указанном словаре в отдельной статье истолковано слово «корвонак» - это птица с длинной шеей, ее называют *чагнак* ва *чўбина* [4, 296]. Вероятно, наличие таких слов подвигло аль-Форуки к тому, чтобы собрать и истолковать их в словаре. Названия птиц широко использовались в литературных произведениях, написанных до «Даниш-наме-и Кадархан», однако поэтические образцы редко использовались для пояснения лексики, связанной с названиями птиц, и аль-Форуки в большинстве случаев поясняет значение такой лексики, лишь приводя синоним. На родине аль-Форуки обитало множество птиц, живших только в этой местности, что привлекло внимание лексикографа и стало богатым материалом для его словаря:

ЙУЙУ – *худхуд бувад*/это удод [2, 165а];

ТИРИНДАК – *саъва бувад* /это чиж [2, 99а];

НАМУСАК – *номи мург аст*/это название птицы [2, 99б].

Слово «*худ*» [2, 143б] истолковано как «куропатка», и в таком значении оно не встречается в других словарях, поэтому возможно, что это слово существовало в собственном диалекте автора и он внес его в словарь.

Нами установлено, что, по сравнению с медицинской терминологией, большинство названий птиц имеет персидско-таджикское происхождение.

В «Даниш-наме-и Кадархан» содержатся словарные статьи, посвященные названиям птиц: *худ*/удод [2, 43б], *хул*/куропатка [2, 43б], *кату*/египетская куропатка [2, 165а], *заган* /коршун [2,138б], *разкол*/воробей [2, 122б], *шишу*/разновидность куропатки [2, 165б], *кавч*/сова [2, 29б], *чўбина* / куропатка [2, 168а], *кулоза*/куропатка [2, 201а], *чўйина*/пеликан [2, 216а], *чўзаливо*/коршун [2, 12а], *шуборак*/голубь [2, 112б], *киришак*/птенец [2,99б], *дорбулбул*/соловей [2,127б], *когуна*/воробей [2, 126а], *дажолун*/куропатка [158б], *соранч*/колибри [2,29б], *курокар*/ворон [59а], *тийр*/попугай [2,67а], *хашишор*/большая белая речная птица [2,59б], *устухонранд* /сказочная птица [2,43б], таз [71б], *мишканг*/разновидность куропатки [2,113а], *курок*/речная птица [2,99а], *тунирув* /китайский соловей [2,163б], *коскина*/птица с зеленым

оперением [2,200б], *долюза*/ласточка [2,201а], *куроба*/ласточка [2,201а], *болвона*/воробей [2,201а], *фалмуса*/соловей [2,167б], *чиковак*/ жаворонок [2,112б].

Примечательно что в словаре аль-Форуки приводит словарные статьи, обозначающие части тела птиц и их органы:

КАРИШАК – *байзаи мурғ бувад*/ куриное яйцо [2, 99б];

КИРИШК - *чўзаи ҳар чиз бувад* /птенец какой-либо птицы [2, 113а];

ЧИНК - *минқори мурғ бувад* /куриный клюв [2, 113а];

ХҶЧА - *тоқи хурӯс бувад* /гребешок петуха. [2, 201а];

ОШИСТА – *байзаи мурғ бувад*/куриные яйца [2, 178а].

Кроме названных слов, встречаются слова *нўл*/клюв [2, 122б], *кажор*, *жогар* /куриный желудок [2, 60а]; *михлаб* / птичий коготь [2, 21б]; *норконак* /куриный зуб [2, 99б].

Одной из причин написания «Даниш-наме-и Кадархан» было исправление или дополнение сведений из предыдущих лексикографических произведений. Это явно ощущается на примере одной словарной статьи. В «Фарханг-и Каввас» встречается слово «*хурӯҳа*», которое кратко поясняется так: *хурӯҳа* – *милвоҳ* [23, 90]. В словаре аль-Форуки это слово приводится в форме *харӯҳа*, и кажется, что краткое *милвоҳ* было непонятно читателям того времени, поэтому ему дается более подробное толкование:

ХАРҶҲА – *милвоҳ бувад, яъне гунҷишкери гўянд, ки сайёдон барои сайдро нигоҳ доранд, дар вақти дом ниҳодан онро паҳлӯи дом банданд*/ так называют воробья, которого держат для приманки охотники, привязывают его к боковой стенке силка, чтобы его увидели другие птицы и попали в силки [2, 202б]. Таким образом, можно увидеть, что некоторые пояснения аль-Форуки, относящиеся к названиям птиц, достаточно пространны.

Лексика, связанная со словом «лошадь» и ее упряжью.

Необходимо отметить, что в словаре аль-Форуки имеется двадцать пять словарных единиц, связанных с названием лошади и ее упряжи. По мнению С.И. Баевского, в большинстве случаев в пояснительной части словаря дается

только один синоним слова, и эта особенность присуща и толкованию слова «лошадь» [98, 46]. В следующих примерах слова, связанные с лошадью, поясняются синонимами:

БОЛО – *асб бувад*/это лошадь [2, 11а];

МАВКАБ – *асб бувад*/это лошадь [2, 18б];

НАВАНД - *асб бувад*/это лошадь [2, 43а];

БОЛОЗ - *асб бувад*/это лошадь [2, 50а];

БОЛОР - *асб бувад*/это лошадь [2, 55а];

ЧУРМА - *асб бувад*/это лошадь [2, 212а];

БОДАКӢ - *асб бувад*/это лошадь [2, 226а].

Из приведенных примеров выясняется, что в толковании лексики, связанной с лошадью, использовались только синонимы. По нашему мнению, пояснение слов таким способом применено для облегчения читателям пользования словарём.

Далее следует отметить, что большинство словарных единиц сопровождаются образцами поэзии, прочитав которые, читатель может ясно и четко понять значение слова. Поэтические образцы, которые приводятся в пояснение лексики, связанной с лошадью, созданы Фирдоуси, Низами, Сузани и др. поэтами.

В «Даниш-наме-и Кадархан» включены слова, связанные с лошадью, которые имеют развернутую пояснительную часть. К примеру:

АРЧАЛ - *асб бувад сиёҳ ва сари суми ӯ пораи сапед бувад, чунонки савор аз пушти ӯ он сапедӣ натавонад дид* /это лошадь черной масти, а голень у нее белого цвета, которая сзади не видна всаднику [2, 129б]. Слово «арчал» в «Толковом словаре таджикского языка» [142, 88] имеет такое же значение.

БОЛОӢ – *асби чанибатро гӯянд*/ так называют породистую лошадь, ведомую спереди на узде [2, 223б].

Примечательно, что слово «*боло*» также означает лошадь, однако приведенное слово поясняется в значении «породистая лошадь», что также сделано не без оснований. По сведениям Деххудо, *аси чанибат* - это лошадь,

которую ведут перед кортежем правителей и полководцев [18, ч.2, 758]. Слово *чанибат* было популярно во времена написания словаря аль-Форуки, однако сегодня нуждается в пояснении. Если слово «боло» - это обычная лошадь, то слово «болой» - это красивая породистая лошадь, которую ведут перед эмирами и полководцами.

В «Даниш-наме-и Кадархан» дано описание характера и нрава лошадей, которые можно увидеть в следующих примерах:

ШИКЕЗАНДА – *асби барчаҳанда бувад*/ это скачущая лошадь [2, 174а];

СИТОЪ – *курраи аси нозинкарда бувад*/это необъезженный, неприрученный дикий жеребенок [2, 216а]. Далее приводится бейт Фаррухи:

**Бо туам ром ман ба ҳамвора,
Мечаҳи чун ситоъ ту аз ман/
Я приручением тебя все время занят,
Ты скачешь, словно жеребенок дикий.**

В «Даниш-наме-и Кадархан» также есть группа слов, которые обозначают количество лошадей и коней:

ЗУРАНГ – *рамаи асбон бувад*/это табун лошадей [2, 174а];

СЕЛА – *рамаи асбон бувад*/это табун лошадей [2, 174а];

ФАСЛА – *галаи асбу сутур гўянд*/ так называют табун лошадей и верблюдов. [2, 2026].

Другой группой слов, связанных с лошадей, являются названия конного снаряжения и упряжи. Например:

КАНАБ – *он нўст, ки аз танаи вай зин созанд*/ кожа, из которой изготавливают седло [2, 186];

МУХ – *лагоме бувад, бар сари асби саркаш ниҳанд, то нарм шавад*/ узда, которую надевают на упрямую лошадь, чтобы она стала покорной [2, 396];

МАҲМОЗ - *оҳанпора бувад, ки роизони (ромкунандагони) сутурону аспон ҳарунро бар паҳлӯ зананд, то аз зери рон берун ояд* /это кусок железа, который берейторы прилаживают к боку лошади так, чтобы он выходил из-под бедра [2, 776];

СИТОМ – *сохт бувад*/лошадиная подпруга [2, 268а]. Далее аль-Форуки

приводит бейт Низами:

**Буроке шитобандаи зераш чу барк,
Ситомаш чу хуршеди дар нур ғарк.
Стремительная, как молния, лошадь,
Подруга под ней, словно Солнце, вся в лучах.**

Лексические статьи «*канаб*», «*мух*» и «*маҳмоз*» - это названия снаряжения, используемого для лошади. Слово *маҳмоз* – это башмак с железным шипом, который использовался для приручения дикой лошади. «*Маҳмез задан*» – еще одна форма слова, которое со временем приобрело значение «быстро гнать лошадь».

Слова, перечисленные нами далее, связаны с растениями, в пояснительной части к которым упоминается слово «*асб*». Слову «*милҳач*» дано толкование, что это растение можно использовать как обезболивающее лекарство для лошадей:

МИЛХАЧ – *реванд бувад, яъне доруест ки ба ҷиҳати ҳарорат асбонро медиҳанд*/ лекарство, которое дают лошадям при высокой температуре [2, 33а].

Следующие словарные слова являются синонимами понятия «лошадь»:

САБУС - *асбгул бувад*/это лошадь [2, 80а];

БАЗРИҚАТУНО - *асбгул бувад*/ это лошадь [156].

Слово *аспгул* на самом деле является названием растения, которое едят лошади. В «Фарханг-и Джахангири» упоминается название еще одного растения – *харгул* [14, 961]. Н. Гиясов в комментарии к статье *аспгул* в «Лугати фурс» отмечает, что это слово представляет собой сложное слово, состоящее из двух основ: *асп* и *гул*. *Фул* означает ухо, так как растение имеет сходство с лошадиным ухом, поэтому его называли *аспгул* [3, 316];

РУХ – *номи парандаест сареъу-ляссир ва рухи шатранҷро бадон монанд кардаанд; ва инони асбро низ гӯянд*/название быстролетящей птицы, и одна из шахматных фигур схожа с ней; так же называют лошадиную узду [2, 41а].

Также в словаре имеется лексическая единица, обозначающая лошадиное ржание:

ШАННА ва ШИҲА – *овози асб бувад*/это лошадиное ржание [2, 174а].

В процессе исследования выяснилось, что важную позицию в «Даниш-наме-и Кадархан» занимают зоонимы, относящиеся к лошадям, и для их толкования чаще всего использовались синонимы. Большинство лексических единиц не имеют развернутого толкования, так как автор ограничивается только кратким пояснением слова «лошадь». Вместе с тем встречаются словарные статьи, связанные с лошадьми, в которых даны подробные пояснения. Вероятно, это связано с тем, что подобная лексика в тот период была непонятна либо устарела и нуждалась в развернутом толковании.

Названия рыб и рептилий. Наличие множественной лексики, связанной с речными и морскими обитателями, рептилиями и земноводными, обусловлено природными условиями: и сухим и жарким климатом, наличием рек и океана, омывающего Индийский полуостров, что стало важным фактором для обитания здесь множества рыб и пресмыкающихся, названия которых имеют огромное количество синонимов. Можно отметить, что в словаре «Даниш-наме-и Кадархан» приведено семь словарных единиц, посвященных земноводному обитателю – лягушке: *ник* [2, 100а], *чагр* [2, 60а], *гулова* [2, 201б], *базаъ* [89а], *калован* [2, 138б] *вазаг* [2, 90б], *куло* [2, 17б]. При пояснении именовании этого земноводного автор использует простое предложение: «*гук бувад*/это лягушка».

При описании пресмыкающихся в словаре наблюдается иная картина: в этом случае автор приводит несколько более развернутое пояснение. К примеру:

СУСМОР – *чонварест, ки яррон (ташнагон – Р.Н.) ба ҷиҳати фарбеҳӣ бихӯранд ва сус низ гӯянд*/ животное, которое жаждущие едят из-за его упитанности, а также называют его *сус* [2, 60б];

ВАРЛ - *чонварест чун сусмор, валекин аз сусмор бузургтар аст ва думи ӯ дарозтар аст ва ӯ мору каждум хӯрад ва араб сусмор хонанд ва ӯро нахӯранд, сабаб он-к сусмор малах ва гиёҳ хӯрад ва чизҳо дигар нахӯрад, мардумро фарбеҳ кунад*/животное, похожее на ящерицу, но оно крупнее ящерицы и хвост у него длиннее, оно ест змей и скорпионов, а арабы называют его *сусмор*

и не едят, потому что ящерица ест кузнечиков и растения и не ест что-либо другое, от этого люди толстеют [2, 124б];

ИСҚАНҚУР – *сусмор бувад, ба ҳиндуӣ сисор гӯянд*/ это ящерица, на хинди ее называют сисор [2, 64а].

Автор «Даниш-наме-и Кадархан» представил отдельные словарные статьи о четырех рыбах: **моҳии вол** [2, 126б], **чиррис** [2, 128б], **чарит** [27а] и **шим** [2, 130б]. Более развернутое толкование дано только одному слову:

МОХИИ ВОЛ – *моҳӣ аст дар гояти азимат, чунон-к агар марде бар сари он истад ва марде поён, якдигарро набинанд* /эта рыба настолько огромная, что, если у ее головы встанет человек и (у ее хвоста) человек, они не смогут увидеть друг друга [2, 128б]. Можно заметить, что автором словаря дано образное описание, где размер рыбы указывается посредством двух человек.

Другие словарные статьи про рыб представлены более коротким толкованием:

ЧАРИТ - *мормоҳиро гӯянд* / так называют угря [2, 27а];

ШИМ- *моҳии нуқрагун бувад*/ это зеркальный карп [2, 130б];

ЧИРРИС - *мормоҳиро гӯянд*/так называт миногу [2, 27а].

В словаре приводятся несколько названий одного из самых древних обитателей Земли, рептилии из отряда пресмыкающихся – черепахи:

КАРПОШУ- *карафиро гӯянд* / так называют черепаху [2, 165].

КАШАФ – *боха бувад* / это черепаха [2, 95а]. Далее приводится бейт Низами:

Кафида дилу бар лаб оварда каф
Дахан боз карда чу пушти кашаф/
Сердце разбито, вот выскочит изо рта,
Рот разверзнут, словно спина черепахи.

КАШАВ - *боха бувад* / это черепаха [2, 165а];

САНПУШТО - *боха бувад* / это черепаха [2, 176].

Как и во многих случаях, автор словаря не представил развернутого толкования слова «черепаха», ограничившись только одним персидским словом «*боха*».

Название змей в словаре аль-Форуки также представлено тремя

словарными единицами:

ЯГТИНЧ - *морест зард, ки дар боғҳо бошад* [2, 34а]. Далее приводится бейт Шахида:

**Мори ягтинч агар-т дй бигаид,
Навбати мори афъияст имрӯз/
Если вчера тебя змея без яда укусила,
Готовься сегодня к укусу гадюки.**

ТИНИН- *морро гӯянд*/так называют удава [2, 137а].

Также автор приводит слово, относящееся к сезонным метаморфозам пресмыкающихся, то есть к сбрасыванию ими кожи:

ГУНКОР- *мори пуштафканда бувад*/ это змея, сбросившая кожу [2, 67а].

Названия животных. В «Даниш-наме-и Кадархан» упоминаются преимущественно домашние и дикие животные, которых человек использует в домашнем хозяйстве или охотится на них. Также автор имел целью истолковать слова, относящиеся к животным, которые встречались в произведениях поэтов классического периода, которые жили до него и не были знакомы читателям Индии:

ТЎРА - *шагол бувад*/это шакал [2, 202б];

ҲИРИР – *пилро гӯянд* / так называют слона [2, 58а];

БУҲОНАТ – *бӯзина бувад*/это обезьяна [2, 25б].

На наш взгляд, последнее приведенное нами слово написано неправильно из-за ошибки переписчика. В «Лугати фурс» оно имеет форму *пахнона* [13, 361], в «Фарханг-и Каввас» - форму *бахнона* и *капй* [23, 90], в «Тухфат-ул-ахбаб» - *пихнона* [10, 145], и имеет значение «обезьяна». На неправильную запись слова при переписывании также указывает то, что аль-Форуки в качестве образца цитирует тот же бейт Кисаи, который указал Асади Туси в своем словаре [5, 361]:

**Агар абрӯш чин орад, сазад, гар рӯи ман бошад,
Ки рухсорам пур аз чин аст чун рухсори паҳнона/
Если брови в гневе сдвинет, увидя мое лицо, будет верно,
Ведь лицо мое в морщинах, словно лицо обезьяны.**

В «Даниш-наме-и Кадархан» указанный бейт записан в следующей

форме:

*Ду абрӯяш чин дорад, гар рӯи ман набинад,
Ду рухсораиш бад-он хусн аст, чу рухсори буҳонат [2, 256];
Две брови в гневе сомкнулись, не видя моего лица,
Две скулы так красивы, словно морда обезьяны*

ҚЎЧ – *гӯспанде, ки кӯдакон савор шаванд ва саворӣ омӯзанд, ки ба ҳиндуӣ ирка гӯянд*/ это баран, на которого сажают детей, чтобы обучить их верховой езде, на хинди называется ирка [2, 33б];

ШАКУН – *ҷонварест аз ҷинси шагол*/это животное из семейства шакалов [2, 156б].

В пояснении к некоторым словарным единицам аль-Форуки иногда приводит или толкует названия животных на персидско-таджикский манер, что не встречается в других словарях:

ШУТУРГОВ – *зарофаналанг бувад*/ это жираф [2, 165а].

Словарная единица «шутургов» в словаре Деххудо пояснено как сокращенная форма *шутурговпаланг*, в «Фарханг-и форси» Муина [39] мы его не нашли. Однако в Словаре таджикского языка, в пояснении к словарной статье «зарроф//заррофа» оно поясняется как *шутурговпаланг, шутурпаланг* [32,1, 441]. В «Сурмаи Сулаймони» поясняется, что «шутургов - это жираф» [8, 246].

Подобная констатация лексических единиц и их толкование в разных словарях затрагивает еще один важный лингвистический вопрос – историю фонетических вариаций, а также синонимии слов. В связи с этим толковые словари служат ценным источником фактологического материала для исследования указанных вопросов, и «Даниш-наме-и Кадархан» также может оказать содействие в процессе исследования.

В словаре «Даниш-наме-и Кадархан» часто встречаются лексические статьи, которые содержатся и в «Лугати фурс», что еще раз указывает на его влияние на словарь аль-Форуки. К примеру:

ГУРМ – *меши кӯҳӣ бувад*/горный буйвол [5, 334]. В «Даниш-наме-и Кадархан» этой словарной статье дано следующее толкование: «*меши даштӣ*

бувад ва низ гӯсфанди кӯҳиро гӯянд/это степной буйвол, а также так называют горного барана» [2, 132а].

В «Лугати фурс» Асади Туси слово «*пӯшак*» в одной статье означает «*гурба бошад*/это кошка» [13, 235], и в другом месте: «*ба лугати Мовароуннаҳр гурба бошад*/на диалекте Мавераннахра это означает «кошка» [13, 247], и в качестве примера приведены два бейта Шахида. В словаре аль-Форуки словарная единица «*пӯшак*» истолкована «это кошка», процитирован тот же бейт Шахида, что и в «Лугати фурс», только с некоторым изменением [2, 103а]:

**Чанд бардорад ин ҳарева хурӯш,
Нашавад бода бар сурудаш нӯш.
Рост гӯйӣ, ки дар гулӯш касе,
Пӯшакеро ҳаме бимолад дар гӯш/
*Сколько может терпеть мир этот крик,
Невозможно вином заглушить этот крик.
Воистину, будто кто-то в горле его,
Гладит кошку против шерсти ее.***

В целом в словаре имеется множество лексических единиц, связанных с названиями животных: *ҳаюн*/верблюд [2, 156б], *лар*/ягненок [2, 57а], *ситоз*/верблюдица, дающая молоко [2, 90б], *хурув*/кошка [2, 163а], *гуроз*/дикий вепрь [2, 71б], *синам*/верблюд [2, 132а], *пил*/слон [2, 127б], *чижак*/ёж [2, 143б], *чижав*/ёж [2, 165а], *сарзан*/буйвол [2, 156б], *анак*/горный козел [2, 121б], *ҳизабр*/тигр [2, 68а], *капӣ*/обезьяна [2, 223а], *шок*/козел [2, 103б], *пану*/медведь [2, 163б], *пану*/козлята [2, 163а], *ташӣ*/лиса [2, 217а], *шери жаён* / разъяренный тигр [2, 138б], *шугурна*/лиса [2, 173б], *калта*/животное с обрезанным хвостом [2, 174б], *бурбура* и *гурма*/ это степной буйвол [2, 202б], *анбура*/верблюд [2, 202а], *сақу дарюн* / равнинный лев [2, 141а].

II.2.3. Астрономическая терминология

Астрономия была одной из важнейших наук на Востоке в Средние века. Ее значение подтверждается многочисленными трактатами о небесных телах,

их движении, календарями, по которым производилось летоисчисление. Средневековые ученые Востока обладали огромными знаниями о космосе, планетах и созвездиях, могли определить их точное местоположение, выстраивать по ним маршруты передвижения, определять время и сезон [49; 55; 217]. Литераторы в свою очередь сделали многие планеты и звезды прекрасными поэтическими образами, изящно украсившими их творчество. В поэзии классического периода развития языка часто встречаются именованья планет и звезд, месяцев, дней и праздников, определяемых по космическому календарю. В большинстве образцов поэзии даны красочные и тонкие описания, относящиеся к небесным телам, смысл которых могли постичь только люди, сведущие в астрономии. Множество единиц астрономической лексики, существовавшей в классический период развития языка, были непонятны простому читателю, а персам и местному населению, проживавшим на Индийском полуострове и желавшим постичь глубины персидского стиха, их было практически невозможно понять, в связи с чем составлялись словари и словники, которые помогали узнать в образно представленном слове его астрономическую сущность, вносили ясность в поэзию.

В «Даниш-наме-и Кадархан» нами обнаружены слова, относящиеся к астрологической терминологии, которая связана с календарями и названиями небесных тел и астрологических явлений. В словаре приводятся названия месяцев [2, 9б], дней [2, 9б-10а] и персидских праздников [2, 10б], которые упоминаются в отдельных главах без соблюдения правила последней буквы в лексической статье, и, в отличие от других глав произведения, названия месяцев, дней и праздников представлены в рукописи не рядом с поясняемым словом, а под ним.

Названия месяцев по сасанидскому летоисчислению приведены в словаре с эквивалентами названий арабских месяцев летоисчисления хиджры, из чего можно сделать вывод, что в то время названия созвездий *Хамаль*, *Джавзо*, *Саратон* и др. персоязычными жителями Индии не использовались.

Древние иранцы давали название каждому дню месяца, то есть тридцать дней каждого месяца имели свое название. Ашрафу аль-Форуки и его современникам было трудно понять названия дней месяца. Иногда название месяца совпадало с названием дня. Это подвигло автора словаря вынести в отдельный раздел оригинальные персидские названия месяцев [9б-10а]. В других словарях, к примеру в «Фарханг-и Каввас» или «Сурмаи Сулаймони», эти слова указаны в отдельных словарных единицах. В научных и литературных персидско-таджикских произведениях классического периода развития языка существовал большой интерес к планетам солнечного цикла, и о каждой из них формировались определенный миф или предание. В X-XII веках, то есть в период бурного расцвета науки, в научных трудах обычно использовались арабские названия планет: *Бирджис*, *Аторуд*, *Миррих*, *Зухаль* и др. Древние исконные персидско-таджикские слова, обозначающие названия планет, указаны в литературных произведениях, в частности в «Шахнаме» Фирдоуси, что представляло трудность для персоязычных читателей на Индийском субконтиненте. Естественно, аль-Форуки внес свой вклад в толкование данной группы слов. В словаре названия планет переводятся на персидский язык и поясняются общим арабским названием:

БАБДУХТ – *Зӯҳра бувад* / это Венера [2, 55а].

КАЙВОН – *Зухалро гӯянд*/ так называют Сатурн [2,137б]. Далее приводится бейт Фирдоуси Туси:

**Шабе тира яксон бимонад кир,
На Баҳром пайдо на Кайвон на Тир/
Останется ночь такой же черной,
Ни Марса, ни Сатурна, ни Меркурия.**

БАХРОМ – *Миррихро гӯянд*/ так называют Сатурн [2, 59а].

ТИР – *Аторуд бувад*/это Меркурий [2, 64б].

Несомненно, в персидско-таджикском языке, пережившем разные исторические этапы, названия небесных светил имели собственные синонимы. Например, планета Венера в древнем таджикском языке упоминается под названиями *Байдухт* [2,24б], *Нахид* [2,41б], *Зовар* [2,69а], которые

упоминаются в «Даниш-наме-и Кадархан» и кратко поясняются: «это Венера».

Из названий планет Солнечной системы **Муштари** [Юпитер] упоминается посредством шести персидско-таджикских эквивалентов в различных словарных статьях, а именно:

УРМУЗД – *Муштариро гӯянд*/так называют Юпитер [2, 416].

ҲУРМУЗД – *низ Муштариро гӯянд* /так называют Юпитер [2, 416].

ҲУРМУЗ – *Муштарӣ бувад*/ так называют Юпитер [2, 416].

УРМУЗ – *Муштариро гӯянд*/ так называют Юпитер [2, 756].

БИРЧИС – *Муштарӣ бувад*/ это Юпитер [2, 79а].

ЗОВАРШ – *Муштарӣ бувад*/это Юпитер [2, 856].

Урмузд, Урмуз, Хурмузд и Хурмуз - фонетические эквиваленты слова, *Зоварш* - синоним этого слова, *Бирджис* – арабская лексема.

Кроме названий планет и звезд, указанным выше способом, то есть с применением исконной персидско-таджикской и арабской лексики, дано пояснение названий созвездий:

ДУПАЙКАР – *Чавзо бувад*/ это Близнецы [2, 696].

ҲАФТ АВРАНГ – *Банотуннаъш аст ва баноти наъш ду аст, яке меҳин ва дувум кеҳин ва авранг ҳафт ситораро гӯянд дар урф, яъне ҳафт ситора ба сурати авранг аст*/ Это созвездие Банатуннаъш, и существуют два Банатуннаъш, большая и малая, а в преданиях называется семью звездами, то есть семь звезд имеют форму Трона [2, 1196]. Аль-Форуки дал такое пояснение созвездиям Большой и Малой Медведицы, используя арабскую и персидско-таджикскую лексику. Это одно из наиболее развернутых толкований, данных аль-Форуки. Иногда древнюю форму названия небесного тела, распространенную во времена автора, поясняют его более популярным синонимом:

ЯРН – *Парвинро гӯянд*/ так называют Плеяды [2, 1376].

Солнце и его синонимы поясняются в отдельных словарных статьях, но не все синонимы представлены таким образом. Слова *хуршед* [2, 416], *шед* [416], *мехр* [64а] и *хур* [64а] вынесены в отдельные словарные статьи, которым

дано пояснение в виде «*офтоб бувад* /это Солнце» или «*офтобро гӯянд*/так называют Солнце».

СИПЕХР – *осмон бувад*/это небеса. Далее приводится бейт из Фирдоуси:

**Ба коми ту бодо сипехри баланд,
Мабод аз чашми бадонат газанд/
Пусть небеса высокие достанутся тебе,
Пусть не коснется зло завистников тебя** [2, 636].

ШОЙВАРД ва **ШОДВАРД** – *хирмани моҳу офтобро гӯянд*/так называют гало [свечение вокруг] Луны и Солнца. Далее аль-Форуки приводит бейт Низами:

**Яке чун Парандон дар авчи Хуршед,
Яке чун шойвард аз гирди Маҳтоб/
Одна как Луна в свечении Солнца,
Другая как свечение вокруг Луны** [2, 42а].

АХТАР– манзили моҳ бувад/ положение Луны по отношению к созвездиям и знакам Зодиака, далее приводится бейт Масуда Салмана:

**Чудогона сӯзам зи ҳар ахтаре,
Магар ҳаст ҳар ахтаре ахгаре/
Страдаю я отдельно по каждой луне, наверное,
Каждая луна когда-то пламенем горела** [2, 65а].

ИКЛИЛ – *точ ва манзилгоҳ бувад*/корона Луны (*галенеастро*) и стоянка Луны [2, 1286].

АСОСА – *роҳи офтоб бувад*/это движение, траектория Солнца [2, 192а];

КАНДО – *ҳаким ва доно ва ситорашумарро гӯянд*/так называют мудреца и ученого человека, а также астронома.

Можно сделать вывод, что в словаре имеется некоторое количество астрономической терминологии, её сравнительно меньше, чем фитонимов и зоонимов, однако она дополняет словарь важными лексическими единицами из области астрономии средневекового периода, истолкованными аль-Форуки.

II.2.4. Лексика, связанная с пищей, в «Даниш-наме-и Кадархан»

Каждый лексикограф, проживая в определенной социально-экономической среде, находится под ее влиянием и отражает это влияние в своих произведениях. Ашраф ибн Шараф аль-Музакир аль-Форуки, автор

«Даниш-наме-и Кадархан», не является исключением из этого правила. Пища всегда была важной частью жизни и быта человека, а названия блюд и продуктов, из которых они изготавливались, навсегда оставались в литературных и научных произведениях или в устном творчестве народа, образуя большой лексический пласт в словарном составе языка. В каждом древнем словаре сохранилась группа слов, отражающих кулинарные предпочтения, названия особых блюд, основных продуктов питания, имеющих огромное значение для изучения культуры и быта разных исторических периодов.

В «Даниш-наме-и Кадархан» собрана группа слов, обозначающих названия продуктов и блюд, которые были истолкованы аль-Форуки для персоязычного населения Индийского полуострова. Несмотря на то, что Индийский полуостров и местность, наиболее плотно заселенная персоязычным населением, имеет собственную пищевую и кулинарную культуру, лексика, пришедшая вместе с завоевателями из персоязычных династий, также представляла интерес для местных жителей.

Из почти двух с половиной тысяч слов, упомянутых в исследуемом словаре, помимо названий фруктов и трав, по нашей оценке, 39 лексических единиц связаны с пищей. Мы можем разделить эти слова на следующие группы: названия сортов хлеба, названия блюд, названия разновидностей халвы, названия напитков, названия продуктов, и слова, косвенно относящиеся к еде.

Таджикский народ издревле проявлял живой интерес к зернам, злакам и хлебу, и даже в древней книге «Авеста» встречаются строки, где восхвалялись люди, выращивающие зерно. Названия зерна как главного пищевого продукта имели множество синонимов, его продукт – хлеб – всегда был главной темой, поэтому синонимы к нему и связанные с ним слова часто встречаются в словарях. Как и во многих лексикографических произведениях классического периода развития языка, в словаре «Даниш-наме-и Кадархан» истолкованы слова, связанные с пищей: хлебом, зерном, молочными продуктами, которые

употреблялись в то время. Большинство слов истолковано с использованием персидских слов, в некоторых случаях – их индийских эквивалентов.

ЗАГОРА – *нони говарсин бувад*/это хлеб из проса. Далее приводится бейт Абушакура:

**Рафикони ман бо хама нозу неъмат,
Манам орзуманди якто загора/ [2, 1796].
Пред друзьями моими все яства,
Я же мечтаю только об одной просяной лепешке.**

Слово «загора» до сих пор используется в таджикском языке и его диалектах для обозначения хлеба грубого помола или ржаного хлеба. В Толковом словаре таджикского языка это слово поясняется в формах **жагора** [31, 495], **жагола** [31, 495], **загора** [31, 502] в значении «хлеб из кукурузной муки или проса». В «Даниш-наме-и Кадархан» толкование этого слова дано как «вид зерна – говарс [просо]», который, по данным Деххудо, является «видом зерна» [32, 549]. Можно сделать вывод, что это разновидность ржаного хлеба. Следует отметить, что в «Даниш-наме-и Кадархан» эта словарная статья представлена в таком же значении, только в несколько ином написании и с цитированием поэтического примера, содержащего это слово:

ЗАГОЗА – *нони коврасин бувад*/ это хлеб из проса. Далее приводится бейт Абушакура, уже приведенный нами, но с некоторыми изменениями:

**Рафикони ман чумла бо нозу неъмат,
Манам орзуманди якто загоза/
Пред друзьями моими все яства,
Я же мечтаю только о просяной лепешке [2, 2126].**

В тексте словаря данная статья представлена без второй точки над буквой *за*, а в цитируемом бейте написано «загоза», что привело к ошибке, однако словарь Деххудо помогает устранить эту неточность. В нем словом «загоза» обозначается хлеб из ржи и проса [18, 342]. Отсюда следует, что эти два слова являются фонетическими вариантами. По мнению В.А. Капранова, существование множества фонетических вариантов обусловило многочисленные проблемы при составлении Словаря таджикского языка [29, 49]. По нашему мнению, вариативность многих лексем во времена написания

исследуемого нами словаря создала огромные проблемы с толкованием слов. Мы предполагаем, что наличие двух фонетических форм обусловлено тем, что слово «*загора*» было популярно во времена автора, а другая его форма – «*загоза*» - употреблялась редко. Приведение стихов одного автора с частичными изменениями указывает также на то, что в популярных книгах того времени это слово писалось двояко - *загора* и *загоза*, причем со временем второе слово вышло из употребления, а *загора* стало широкоупотребительным. В «Фарханг-и Каввас», которым часто пользовался автор «Даниш-наме-и Кадархан», не упоминается слово «*загоза*», в то время как аль-Форуки попытался указать не только само слово, но и его фонетический вариант, и включил его в словарь.

Слово «*говарс*», которое можно встретить в разных словарях в форме «*гаварс, цоварс, цоварси ҳиндӣ, чина*», обозначает разновидность злака, похожего на просо, но его зерна более твердые [23, 1494].

СИКОЛЮВ – *нони ба отаи пухта бувад*/ хлеб, приготовленный на огне [1656].

Слово «*сиколюв*» в «Фарханг-и Каввас» поясняется так: *сиколев* – хлеб, испеченный на углях [10, 150]. В обоих словарях есть общее, однако упомянутое слово в других словарях, к примеру «Луғати фурс», «Сурмаи Сулаймони», «Тухфат-ул-ахбаб», «Фарханг-и Вафай», в Словаре таджикского языка, в «Фарханг-и форси» Муина, «Лугат-и Деххудо» не упоминается. Вероятно, это слово было популярно на территории Индии, но неизвестно в других персоязычных странах, простирающихся от Ирана до Кашгара и Индии.

Лексические единицы «*калуч*» [2, 34а] и «*кундак*» [2, 115а] в «Даниш-наме-и Кадархан» поясняются как «*нонреза/хлебные крошки*», а в «Фарханг-и Каввас» оба слова истолкованы вместе: *кулуч ва кундак* – *нонреза/хлебные крошки* [23, 155]. Причина, по которой эти слова объяснены в отдельных главах «Даниш-наме-и Кадархан», заключается в следовании авторскому лексикографическому принципу: он упоминает в качестве словарных единиц

только те слова, последняя буква которых соответствует букве главы.

Также наряду со лексемами, обозначающими хлеб, аль-Форуки приводит несколько слов, связанных с пшеницей, украшением хлеба при выпечке. К примеру:

КАХВАРО - *чивониро гўянд*/так называют семена, которыми украшают поверхность хлеба [2,126].

ЮК – *он-ч нон бад-ў танўр зананд (рафида – Н. Р.)*/это приспособление для посадки хлебной заготовки в печь [2, 1056]. В этом случае автор приводит лексическую единицу, связанную с хлебом или хлебными злаками, в пояснительной части словарной статьи:

ДАСМАР - *донаи ҳар навъе бувад*/это всякие злаки [2, 67а];

ХАНДАРЎС– *гандуми румиро гўянд*/вид овса, очень схожего с пшеницей [2, 796];

ДУРМУЛ – *дастаи ҷав ва гандум бувад*/сноп овса или пшеницы [2, 126б];

БАСК – *дастаи гандум бувад*/ это сноп пшеницы [2, 112а];

ХУВОР ва **БОР** – *он чи бихўранд ва гандумро низ гўянд*/то, что едят, и так же называют пшеницу [2, 52а].

Множество словарных единиц посвящены пище и блюдам, которые были известны в то время автору словаря, и он истолковал их для жителей Индии.

Остальные слова этой группы связаны с названиями употребляемых продуктов: *сахно*/рыбная уха [2, 13а], *гурунчи башир* /рисовая каша [2, 58б], *кариш*/ вареные куриные яйца [2, 84а], *фарохок*/бульон на мясе [2, 112а], *сахну*/ лапша [2, 164а], *аскора* /блюда, сваренные на огне [2, 179а], *кувоза*/ яйца, сваренные в мешочек [2, 179а], *тафшила*/название блюда из мяса и зелени [2, 179б], *чухудона*/шкварки [2, 216а]. Автор «Даниш-наме-и Кадархан» при толковании названий блюд в большинстве случаев ограничивается приведением их синонимов, и поэтому, к сожалению, трудно узнать побольше о блюде и его составе. Словарные статьи, которые автор истолковал только одним синонимом, возможно, были понятны

современникам автора и впредь вошли в число архаизмов. Исключение составляют отдельные словарные единицы, примерами которых являются, например, *тафшила* и *батқӯб*:

ТАФШИЛА – *гӯшту гандано ва ҷавзмағзу байза, якҷо ба дег карда бипазанд, онро гӯянд*/ так называют блюдо, сваренное из мяса, зелени, орехов и яиц. Далее приводится бейт Мунджика [2, 1796]:

**Умр, эй нобакор, чун ғулба,
Рафт чунон-к хӯрда тафшила /
Жизнь, как хитрая ворона,
Прошла, как будто съели тафшилу.**

Некоторые слова, используемые в толковании слова «*тафшила*» — *гандано*, *ҷавзмағз*, почти непонятны в настоящее время. *Гандано* — название растения, зелени, *ҷавзмағз/ғавзмағз* — грецкий орех. То есть, это блюдо, которое готовится с использованием зелени, орехов и куриных яиц. Эта лексическая единица в «Фарханг-и Каввас» истолкована следующим образом: «*Тафшила* – мясо и пшеница, грецкие орехи и яйца, вместе приготовленные в котле...» [23, 151]. Бейт, приведенный в качестве образца, тот же самый. Однако в толковании этого слова в словаре «Сурмаи Сулаймони» была допущена ошибка: «*Тафшила* - блюдо, приготовленное из куриного мяса и яиц, грецких орехов, сахара и меда» [8, 118]. Подробное объяснение, т.е. вид блюда, приготовленного из мяса, лука, орехов, яиц и меда, встречается и в Словаре таджикского языка [29, 2, 341]. С точки зрения логики и правил кулинарии, смесь зелени, куриных яиц, грецких орехов и меда представить невозможно. Причина такой ошибки, по нашему мнению, состоит в другом и связана с незнанием значения слова, а также с ошибками, допущенными переписчиками. Собственно говоря, вместо слова «*асал/мёд*» следовало написать слово «*ғасал*», или «*ғисал*» [на хинди], что означает питательную зелень. В этом случае смысл становится ясным. Та же ошибка допущена и в «Тухфат-уль-ахбаб»: «*Тафшила* должна быть жареным блюдом, которое готовят из мяса, кинзы, зелени, куриных яиц и мёда» [10, 175]. Другой причиной этой ошибки является непонимание иного значения слова *ангубин*/

мёд, которое упоминалось в толковании слова «*тафшила*» в «Лугати фурс» Асади Гуси: «*Тафшила* – мясо, зелень, кинзу, миндаль, морковь, приправу из ангубина кладут в котел и из всего этого готовят блюдо и называют его тафшила...» [13,310]. По мнению Деххудо, в толковании слова *ангубин* следовало бы быть внимательнее, поскольку это слово, кроме мёда, означает ещё название растений «*хатми*» и «*хиру*», из которых делают приправу к блюдам [18, 123].

В словаре Деххудо на основе «Фарханг-и Рашиди» [17] имеется интересное с нашей точки зрения толкование: «В медицинских книгах *шй* варят с уксусом и анисом, чтобы избавиться от похмелья» [18, 779]. *Тафшил* [с буквой *та* итқи - Р.Н.] является его арабизированной формой. Слово «*тафшила*» встречается также в сокращенной форме: «*тафшил*» и «*шй*».

В кухнях нескольких европейских народов имеется блюдо «щи», происхождение которого относят к русской кухне. По нашему мнению, это на самом деле персидско-таджикское слово. Как бы то ни было, это блюдо является одним из самых популярных национальных кушаний русского, украинского и белорусского народов в таких вариациях, как *толстые щи*, *пустые щи*, *зеленые щи*, основным элементом которых является капуста, в таджикской кухне блюда с капустой называются «карамшурбо, таракшурбо», «карамшурбои туршак» [31, 1226, 2]. Несмотря на то, что блюдо под этим названием вычеркнуто из списка таджикских национальных блюд, по нашему мнению, в кухни других народов оно вошло как раз под таджикским названием – *шй*.

БАТКЎБ – *очоре бувад аз гавзмагз ва сиру мост созанд*/ это кислое на вкус блюдо, приготовленное из орехов, чеснока и простокваши. Далее приводится бейт без указания автора [2, 22а]:

**Басанда накардам ба баткӯби хеш,
Бари он шудамаш, то чашам сер беш/
Не хватило мне моей закуски вкусной,
Взялся за другую, чтобы насытиться ею.**

В словаре «Даниш-наме-и Кадархан» содержится и другая лексика,

связанная с пищей, которая употребляется в таджикских диалектах в несколько измененной форме.

ГУРУНЧИ БАШИР – *ширбиринчро гӯянд*/так называют рисовую кашу [2, 586].

Жители села Гудоз Аштского района во время праздника Навруз готовят для молодых девушек блюдо под названием «чуворимаккаи башир» [вареная молочная кукуруза. – Р.Н.], это именование очень схоже с формой указанного словосочетания из словаря аль-Форуки. Однако в «Словаре Деххудо» [18, 475] название этого блюда представлено в форме «*гурунчи бишир*», заимствованной из словаря «Бурхони котеъ» [6].

По нашему мнению, поскольку похожее название блюда есть и в Таджикистане, можно предположить, что происхождение этого слова мавераннахрское. Исследователь словаря «Сурмаи Сулаймони» Ф. Гиясова указала название этого блюда из словаря в форме «*гурунчи ба шир*» [4, 314]. По нашему мнению, слово «*башир*», как и другие производные прилагательные, к примеру *баақл*, *баодоб*, *батакаллуф*, *батамкин* и т. д., состоит из префикса *ба-* и имени существительного и должно писаться слитно.

По нашему мнению, вариант слова, приведенный аль-Форуки, больше связан с пальцами, а не с углем. Следует отметить, что в словаре аль-Форуки приведена словарная статья и синоним блюда «*Сикору*» под названием «*Чанголхуст*», которое поясняется как *молида*/намазанный на что-то [2, 24а], что дает более полное описание блюда. То есть, так выглядит блюдо, когда на хлеб намазывается что-то мягкое. Следует отметить, что в селе Басманда Ганчинского района Согдийской области готовят блюдо *чанголу*, способ приготовления которого следующий: горячий хлеб достают из тандыра, разламывают его на кусочки и кладут в железную или керамическую посуду, сверху поливают сливочным маслом, перемешивают пальцами кусочки горячего хлеба с маслом и ставят на горячие угли, пока хлеб полностью не впитает растопленное масло. На диалекте селения Басманда это блюдо называется «чанголу». Слова «*ангушт*» [палец] и «*чангол*» [коготь]

имеют похожее значение, и нет сомнения, что в диалекте сохраняется форма *чанголу* вместо *ангушту*. В «Фарханг-и Каввас» есть словарная статья «чанголхушт», поясняемая так же, как и в «Даниш-наме-и Кадархан» [23, 150], а в «Сурмаи Сулаймони» слово означает 1) коготь; 2) то, что намазывают на хлеб [8, 133], в «Бурхони котеъ» приводится словарная статья «чанголхаст» в значении «горячий хлеб, масло и сладости, намазанные друг на друга» [6, 1. 357-358].

Другие слова, связанные с названиями блюд, поясняются в «Даниш-наме-и Кадархан» через их синонимы:

ФАРОХОГ – *гӯштобаро гӯянд*/ так называют бульон [2, 112а]. Это слово в словаре «Даниш-наме-и Кадархан» указано два раза, и каждое упоминание имеет различные значения.

ФАРОХОГ – *ҳалво бувад гӯянд*/ так называют халву [2, 112а]. Оба слова имеют согдийское происхождение, и в «Лугат-наме» дается следующее толкование: *фар* – высокий, *хог* – куриное яйцо [18, ч.11, 17050]. Также существует слово, близкое по написанию, с различием в одну букву. В «Бурхони котеъ» также найдено это слово, но в форме *фархог* [6, 241];

САҲНУ – *угро бувад*/ это лапша [2, 13а];

САҲНО – *моҳиоба бувад*/ это соленая сушеная рыба [2, 13а]. По своему происхождению два последних слова, на наш взгляд, имеют арабское происхождение, вошедшие в лексикон во времена жизни автора. Слово «*сахно*» и его варианты – «*сахно*», «*сиҳнот*» – берут начало в египетской кухне [5, т.2, 5].

Часть словарных единиц составляют слова, называющие сладости и десерты. В словаре аль-Форуки приводятся пять слов, означающих халву, к которым относятся:

КУЛОНЧ - *ҳалвое бошад, ки онро лобар хонанд* / это халва, которую еще называют лобар [2, 36а]. Следует отметить, что в тексте исследуемого словаря понятие приведено в форме «лобар», что неверно, поскольку в других словарях – «Лугати фурс» [3, 89] и в «Бурхони котеъ» [6, 3.2,414] указывается

слово в форме «лобарло»;

БАЛОДУР - *бахловаро гӯянд*/ называют бахлаву [2, 64a]. Следует отметить, что название в пояснительной части словарной единицы очень схоже с названием турецкого десерта «баклава» и азербайджанской сладости «пахлава», состоящих из тонко раскатанного теста, измельченных орехов или фисташек и обильно политых медовым сиропом;

АФРҮША - *навъе аз ҳалво бувад*/ это разновидность халвы [2, 212б], и далее приводится в пояснение бейт Рудаки:

**Рафиқо чанд гӯй к-ӯ нишот аст,
Касе нагресад аз гарм афрӯша/
Друг мой, сколь ни говори, что это наслажденье,
Никто не откажется от горячей халвы.**

В «Сурмаи Сулаймони» приводится более подробное описание: *офруша* и *афруша* – это халва, сделанная из муки [8, 45];

ФАЛОТА – *ҳалвои шир бувад*/ это халва, сваренная из молока [2, 212б];

ФАРХАША - *ба забони Мовароуннаҳр ҳалвои қатоифро гӯянд* /на мавераннахрском языке так называют халву катаиф [2, 180б]. Это слово также поясняется в «Фарханг-и Каввас» с тем же значением, а также отмечается, что оно имеет маверанхарское происхождение [23, 151]. Слово «*фархаша*» означает сладкую лепешку из орехов и изюма. Деххудо упоминает, что эту сладость еще называют «*фархишта*». Примечательно, что в пояснении к этой статье упоминается слово «Мавераннахр». В целом в словарях, составленных в Индии, упоминаются слова «Мавераннахр», «Иран» и «Индия», что вносит ясность в происхождение слова, из какого диалекта персидского языка оно происходит, например Мавераннахр - таджикское, Иран - персидское и Хинд – персидский хинди.

В «Даниш-наме-и Кадархан» существует группа лексики, связанной с молочными продуктами. К примеру:

ФАРКОМИХ – *шире ки бар хӯрданӣ резанд*/молоко, которое наливают в блюдо [2, 86б]. В «Бурхони котеъ» это слово приводится в форме «*фаркомах*».

По мнению доктора Муина, это сложное слово, состоящее из двух морфем: *фар-и комах-*, первая означает «верх», а вторая морфема – арабизированная форма слова «кома – комах», означающее «молоко, сваренное вместе с творогом» [39, 188];

МОСТ - *чурготи баста бувад*/это застывшая простокваша [2, 23а].

КАНЧ – *туршӣ бувад, мисли панир*/ это кислое, как сыр из молока. Далее приводится бейт поэтессы Духти Когазмол [2, 36б]:

**Ман чун шакарам ба лаб, чаро ту канҷӣ,
Зарринқаламини ту, на ки саргини лунҷӣ/
Губы мои сладки, как сахар, почему же ты кислый такой,
Ты не навоз, ты же как ломоть дыни золотой.**

ШИМА - *он-ч бар сари шир банданд*/ это то, что снимают с молока [2, 213а];

БАКИЛА – *равгани бо шир омехта; ва равгани бо катахро низ гӯянд*/ так называют масло, смешанное с молоком [2,181б].

Анализ словарной лексики, связанной с едой, показал, что названия продуктов питания в словарях классического периода развития языка часто кратко описывались просто с использованием синонимов, а иногда с более развернутым пояснением и с приведением поэтического примера. Фонетические формы названия продуктов питания, например *загора* и *загоза*, интерпретируются как отдельные единицы. Лексика, относящаяся к пище, упомянутая в «Даниш-наме-и Кадархан» и в других словарях, все еще присутствует в той или иной форме в современном таджикском литературном языке, его говорах и диалектах, и это предоставляет возможность для сравнительного исследования лексических единиц-диалектизмов из «Даниш-наме-и Кадархан», сохранившихся в современном таджикском языке. С другой стороны, сведения из лексикографических произведений, связанные с продуктами питания, могут в некоторой степени помочь представить картину средневекового быта и пищевой культуры на различных территориях, узнать о вкусовых предпочтениях авторов лексикографических произведений.

Следует отметить, что в «Даниш-наме-и Кадархан», наряду с

именованиями растений и трав, имеется некоторое количество лексических единиц, относящихся к фруктам и овощам, а также представляющих интерес в этимологическом и лексикологическом аспекте. Автор словаря уделил особое внимание винограду, упоминание и толкование лексических единиц, относящихся к нему, говорит о его особом отношении к этому фрукту. Поскольку виноград является исходным материалом при изготовлении вина, в лирической и хвалебной поэзии очень часто встречаются лексические единицы, связанные с вином. В связи с тем, что одним из назначений словаря является толкование поэтической лексики, здесь уделено особое внимание винограду и другим фруктам.

Автор упоминает виноград и связанную с ним лексику. Например:

ҒУЖБ - *хўшаи ангур бувад*/это гроздь винограда [2, 19а]. Далее приводится бейт Абуала Шуштари:

**Биёвар он-к гувоҳӣ диҳад зи чом, ки ман
 Чаҳор гавҳарам андар чаҳор чой мудом:
 Зумуррад андар хокам, ақиқам андар ғужб,
 Сухайлам андар хум в-офтобам андар чом/
*Принеси то, что наполняет кубок, ведь я
 Всегда вижу четыре драгоценности в четырех местах:
 Изумруд - в земле, сердолик - в грозди винограда,
 Сухейл - в бочке вина, и солнце - в кубке.***

ЧАРХУШТ – *хўшаи ангур бувад*/это гроздь винограда [2, 26а]. Далее обнаруживается ошибка лексикографа в цитировании бейта, причисленного другому автору: он приводит бейт Рудаки, а относит его к Носиру Хосрову:

**Ин корд на аз баҳри ситамкорон карданд,
 Ангур на аз баҳри шароб аст ба чархушт/
 Этом нож выковали не ради злодеев,
 Виноград в грозди не только для вина.**

ИНАБ - *ангур бувад*/это виноград [2, 20а];

САЦИР – *мавизобро гўянд ва ҳиндуй мавдока гўянд*/так называют компот из винограда, и на хинди он называется мавдока [2, 61а];

ТИКАЖ – *донаи ангур бувад*/это виноградная ягода [2, 72а];

ТИКАС– *донаи ангур бувад*/это виноградная ягода [2,78б];

САРЕҒ – *хӯшаҳои ангури нурборро гӯянд*/ так говорят о полных гроздьях винограда [2,94а]. Далее приводится бейт без упоминания автора:

**Дареғ фарри чавониву ғиррой, дареғ,
Азиз будам пеш аз ин хамчу он сареғ/
Жаль молодость, и счастье молодости жаль,
Я дорог раньше был, как полная винограда гроздь.**

ҒАЖАМ – *хӯшаи ангур бувад*/это виноградная гроздь [2,130б]. Далее приводится бейт без упоминания автора:

**Дидаи ҳосид ба ту чун ғажам ангур аст сурх,
Дар лагадкӯби фано бод ачдоди лабтарангаш/
Завистник смотрит, покраснев, словно гроздь винограда,
В битве пусть будут одолены, как ягоды, его предки.**

ШИТТА – *ангур бувад*/это виноград [2, 200а]. Далее приводится бейт Асджади:

**Гар чу шиттаи дилат бияфшоранд,
Қатрае хун аз ӯ бурун н–ояд/
Когда встряхнут сердце твое, как гроздь,
Ни капли крови не стечет изнутри её.**

КАНАШТУ – *ангури хом бувад*/незрелый виноград [2, 164б]. Далее приводится бейт Али Кутба:

**Бирафтам ба дар то биёрам канашту,
Чи себу чӣ ғӯра чӣ амруду олу/
Вышел я, чтобы принести незрелый виноград,
Яблоки, незрелый абрикос, груши и сливы.**

ШАЙДОНА – *унноб бувад*/это виноград [2, 200а];

ҒОРИҶ – *сабӯҳ бувад, яъне шароби бомдодин*/ это вино для устранения утреннего похмелья [2, 37а].

Автор «Даниш-наме-и Кадархан» также привел несколько слов, относящихся к частям виноградной лозы и к утвари для хранения винограда. К примеру: *вананг ва ованк*/лоза, на которой висит виноград, и начало лозы [2, 111б], *карм*/виноградная лоза [2, 132а], *буранк*/часть виноградной грозди [2, 99а], *водиҷ* /корзина, куда кладут виноград [2, 33а].

Такой же подход наблюдается к толкованию лексической единицы

«дыня». В словаре это слово представлено несколькими словарными единицами:

КАБИСТ- *харбузаи талх бувад*/горькая дыня [2, 22б]. Далее приводится бейт Сузани:

**Ба коми ҳосиди ӯ чун кабист бодо нӯш,
Ба коми носеҳи ӯ ҳамчу нӯш бод кабист/
Во рту его завистника пусть будет дыня ядом,
Во рту его доброжелателя пусть будет снадобьем она.**

АМЛАЧ – *харбузаро гӯянд, ки нӯсти ӯ сурх бувад ва миёна сапед*/так называют дыню с красной коркой и белой мякотью [2, 35а];

СИФЧА – *харбузаи норасида бувад*/незрелая дыня [2, 200а];

СИФЧ - *харбузаи норасида бувад ва сифча низ хонанд*/ этот незрелая дыня, и ее также называют сифджа [2, 35а].

Как можно заметить, автор словаря с особым вниманием отнесся к лексическим единицам, касающимся винограда и дыни, давая более развернутые толкования и часто приводя поэтические образцы. Следуя собственным лексикографическим принципам, аль-Форуки истолковал слово, используя уже существующее толкование, и привел вариативную форму слова. Краткость и лаконичность являются особенностями его лексикографического произведения.

II.2.5. Имена собственные

В словарях раннего классического периода развития языка, составленных в Иране и Индии, лексическая группа имен собственных в основном содержала имена собственные героев эпических произведений Абулкасима Фирдоуси «Шах-наме» и «Искандар-наме» Низами Гянджеви. Не менее важными являются и топонимы, означающие географические названия, которые в словаре «Даниш-наме-и Кадархан» упоминаются намного чаще, чем в предшествующих ему ранних таджикско-персидских словарях. По мнению С. Баевского, ранние фарханги следует признать весьма ценными источниками сведений по исторической географии и топонимии Центральной Азии, Индии и Ирана. Можно также добавить, что, помимо существующих в

тот период слов, в словари включались также их устаревшие эквиваленты [78,108].

Следует отметить, что в произведении аль-Форуки имена героев «Шах-наме» упоминаются реже, чем в «Лугати фурс» Асади Туси и в других словарях, написанных до него:

а) имена героев «Шах-наме» Фирдоуси и «Искандар-наме» Низами Гянджеви. Лексическая группа невелика и состоит из следующих имен: *Нев* [2, 163а], *Кавсам*, [2, 112а], *Зартушт* [2, 24а], *Зар* [2, 69а], *Тус* [1, 80б], *Джам* [2, 135б], *Нагусто* [2, 163б]. Также в словаре приводится слово «*Михроч*» [2, 112], кратко поясняемое как имя индийского правителя.

При пояснении имен собственных аль-Форуки также придерживается принципа лаконичности и краткости, поясняя их одним словом или подбирая синоним. К примеру:

НЕВ – *пахлавон бувад*/это богатырь [2, 163а];

ЗАРТУШТ – *номи мардест, ки оташпарастӣ бино ниҳодааст*/имя человека, который основал огнепоклонничество [2, 24а-24б]. Далее приводится бейт Низами:

**Таранготаранге, ки зад сози ӯ,
Пур аз Занди Зартушт овози ӯ/
Звуки и свист стрел, что саз его издавал,
Был полон голоса Занда Зартушта.**

ТУС – *номи мардест* / имя богатыря [2, 80б]. Автор ограничился в пояснительной части только приведением нарицательного имени;

ЧАМ – *Сулаймон бувад ва Чамшедро низ хонанд*/ Это Сулейман и Джамшид [2, 136а]. Далее приводится бейт Низами:

**Ба чашни Фаридуну Наврӯзи Чам,
Ки шодӣ сутурд аз чахон номи ғам/
На празднике Фаридуна и Джамшида,
Когда радость стерла с мира имя грусти.**

Причиной малочисленности имен собственных героев эпической поэзии Фирдоуси и Низами в «Даниш-наме-и Кадархан» – всего два имени героев двух упомянутых произведений – является, по нашему мнению, не столь

большая отдаленность периода их написания от составления исследуемого словаря. Логично, что человек, читающий «Шах-наме» или «Искандар-наме», узнает собственные имена персонажей, и они остаются у него в памяти как имена людей, совершивших геройские поступки, что не требует в дальнейшем дополнительного пояснения;

б) географические названия. Начиная с «Лугати фурс» Асади Туси в персидско-таджикских толковых словарях содержится группа слов, означающих географические названия – топонимы и отчасти гидронимы. Географические названия в «Даниш-наме-и Кадархан» связаны с Мавераннахром и Хорасаном, Ближним Востоком и Индией, их количество также немногочисленно. Однако их наличие придает словарю лексикографическую полноту и завершенность. В эту группу входят следующие топонимы и гидронимы: *Илиё* [2, 116], *Ягмо* [2, 166], *Фарзас* [2, 506], *Фодифар* [2, 696], *Бихор* [2, 55а], *Ганг* [2, 1176], *Дижси Мухтганг* [2, 1176], *Таксин* [160а], *Сиём* [2, 1306], *Доранд* [2, 466], *Гангдижи Хурач* [2, 376], *Хуварнақ* [2, 976], *Кунгола* [2, 198а], *Самонӣ* [2, 2216], *Шуббаи Ямонӣ* [2, 2216], *Диж* [2, 736], *Каждара* [2, 1976].

Большинство этих географических названий не упоминается в других словарях, вследствие чего не найдены нами. За исключением слов *Диж*, *Илиё*, *Ганг* и *Сиём*, которые встречаются в «Лугати фурс» и «Фахри Каввас», перечисленные географические названия упоминаются только в исследуемом словаре.

Также в словаре упоминаются названия трех священных книг, касающихся древних верований, знакомых автору «Даниш-наме-и Кадархан», например, *Артанг* [2, 1186], *Асто* [2, 14а], *Занд и Позанд* [2, 41а], причём в двух случаях аль-Форуки приводит развернутый комментарий, а в случае с книгой «*Асто*» ограничивается только одной фразой. Также в «Даниш-наме-е Кадархан» упоминается слово «*Аёрада*» [Аюрведа – Н.Р.] и поясняется в качестве комментария к Зенду [2, 1946]. Как уже упоминалось ранее, вероятно, его интерес к толкованию медицинской терминологии и анатомии

человека был связан со знакомством с Аюрведой – системой индийской медицины, имеющей древнейшие корни. Также предполагается его знакомство с Атхарваведа – книгой с древними индуистскими священными текстами и множеством лечебных рекомендаций и заговоров. Это можно предположить по наличию словарной единицы «*хурда*» [стяжение слова Атхарваведа- Н.Р.] в «Даниш-наме-и Кадархан» [2, 1946], которая поясняется как комментарий к Зенду и по произношению и исторической языковой трансформации схожа со словом «Атхарваведа».

В целом имена собственные встречаются в словаре «Даниш-наме-и Кадархан» в небольшом количестве, и это объясняется тем, что наибольшее внимание автора уделено фитонимам и медицинской терминологии, а другие лексические группы являются ярким дополнением к двум основным группам слов в «Даниш-наме-и Кадархан».

II.2.6. Лексика, связанная с одеждой и швейными принадлежностями

В «Даниш-наме-и Кадархан» найдена лексика, относящаяся к одежде и швейным принадлежностям и представляющая интерес для исследования хода в исследуемый период развития ремесел и профессий, в нашем случае – ремесел ткача, портного и скорняка. Всего такая лексика насчитывает 55 лексических единиц, которые можно разделить на три группы:

1. Элементы одежды.
2. Швейные принадлежности.
3. Виды одежды.

Аль-Форуки, как и для другой лексики, приводит лексическую единицу и ее простое и ясное пояснение:

КИРЧ – *захмаи гиребон/* строчка на ворота [2, с.336]. Слово «кирч» в «Фарханг-и Каввас» приводится в форме «карч» и в том же описании [23, 160]. В «Сурмаи Сулаймони» лексическая единица представлена в виде «*Карч - гуйи гиребон бувад; ва қувораи пироҳанро низ гуфтаанд/* это пуговица ворота;

вырез платья» [8, 285]. В «Лугати фурс» слово не обнаружено;

БУРҚАЪ - *гиребон бувад/это ворот* [2, 89а]. В других лексикографических источниках лексическая единица не обнаружена;

ЧАВСАК - *чўзгирах бувад/это пуговица* [2, 115а], в «Фарханг-и Каввас» слово означает: *гўяки гиребон/ пуговица на ворота* [23, 160].

БОДИСТОН – *пасу неши гиребон бувад/это передняя и задняя часть ворота* [2, 149а];

БОДБОН – *захмаи гиребонро гўянд/так называют строчку на ворота* [2, с.158а]. В «Фарханг-и Каввас» слово пояснено аналогично [23, 160], в «Сурмаи Сулаймони» лексическая единица пояснена следующим образом: *«Бодбон – чодартири киштиї бувад ва сари остинро ҳам гўянд ва ба киноя шахсеро гўянд, ки бо мардум муонасат кам гирад, бар хилофи лангар, ки гаронї кунад/это – парусная мачта корабля, начало рукава, так же называют человека, который слаб в отношениях с людьми в сравнении с якорем, который тяжелый (крепкий – Н.Р.)»* [8, 73];

АНГАЛА – *гардиши гиребон бувад/ это вырез воротника* [2, 183а]. В «Сурмаи Сулаймони» лексическая единица дана в двух вариациях: *ангал* и *ангала*, которые пояснены так: «петля для пуговицы на воротнике» [8, 33];

ЧУШША – *остини пирохан аст; ва паймонаи равган/ рукав платья; а также сосуд для масла* [2, 215]. В «Фарханг-и Каввас» пояснена лексическая единица *чаша*, означающая сосуд для масла [23, 143]. В «Сурмаи Сулаймони» упоминается слово *чушша* - *остини пирохан; ва паймонаи равган чушша – остини пирохан/ рукав платья* [8, 130];

ЛАВРАДА – *танаи пирохан бувад/ это подол платья* [2, 213б]. В других лексикографических источниках лексическая единица не найдена;

ФАЛАРЗАНГ– *чизе ки дар чома ва ё дар изорбанд гирех банданд ба забони Мовароуннахр фуларз, фаларзанк гўянд/ то, что пришивают к халату или прикрепляют к поясу и на мавераннахрском языке называют фуларз, фаларзанк (карман – Р.Н.)* [2, 241]. Далее приводится бейт без упоминания имени поэта:

**Ин зан аз дӯкон фуруд омад чу бод,
Бас фаларзангаш ба даст андар ниҳод/
Женщина, словно ветер, кинулась из лавки,
Сунула руку в свой карман.**

Деххудо относит этот бейт к творчеству Рудаки и подтверждает, что бейт принадлежит мавераннахрскому поэту [18, 585]. В «Сурмаи Сулаймони» слово поясняется как еда, которую привязывают к поясу и несут куда-то [8, 270].

В «Даниш-наме-и Кадархон» также представлена лексика, которая означает швейные материалы и принадлежности, применяемые при пошиве одежды. Например:

ВАРС – *банд ва ришта бувад*/ это пряжа и нитки [2,80а]. В «Лугати фурс» слово не найдено. В «Фарханг-и Каввас» лексическая единица имеет аналогичную пояснительную статью [23, 185]. В «Сурмаи Сулаймони» словарная статья имеет совершенно другое значение: «*Варс чўбе бувад, ки дар бинии шутур кунанд*/это палка, которую вдевают в нос верблюда [8, 355];

ДИЖАК – *гирах, ки дар ришта афтад* / петля в нитке [2, 112а]. В «Сурмаи Сулаймони» слово имеет форму *дижик*, и в пояснительной части дан комментарий: *обила бувад ва гиреҳе, ки аз тофтан ба ресмон афтад*/это мозоль и петля, которая получается в нитке при прядении [8, 172];

КИШАНА – *мошураи ресмон бувад*/ это веретено для пряжи [2, 231б];

КУНОҒ – *тори абрешим бувад*/это шелковая нить [2, 235а];

ХАФА ва ЗАҒУТА – *мошура бувад*/это веретено [2, 113б]. В словаре Деххудо слово приведено в форме «*загутӣ*» и дано пояснение: «*загутӣ – ресмони хоми ба дук печида, мошура – найе, ки бар он ресмон мебанданд*/пряжа – это пряжа, которую наматывают на веретено, и мошура – это веретенце, на которое наматывают нить» [18, 229]. В «Сурмаи Сулаймони» дано более краткое пояснение лексической единицы: «*ресмоне, ки бар дуки ресанда бувад*/ пряжа на веретене прядильщика» [8, 202];

РИЖА - *ресмон, ки бад-он ҳар чиз афкананд*/пряжа, из которой делают разные изделия [2, 152а];

ЛОС – *афрешими ситабр бувад ва дурушит/*это плотная и грубая шелковая нить [2, 261б];

ДАСК ва ДАШАК – *риштаи чома дӯхтан бувад/* это нитки для пошива мужских халатов [2, 253а]. В «Сурмаи Сулаймони» слово приводится в форме *дашт; даск; даштӣ* – *ришта, ки ба сӯзан кашанд, то карда гирд бигзоранд/* нитка, которую вдевают в иглу и делают петлю». В «Фарханг-и Каввас» слово дано в форме «*даск – риштаи дӯхтан/* нитки для шитья» [23, 185];

АВСАК - *чӯзгирах бувад/* то есть пуговица [2, 45а].

Большая группа лексики в словаре аль-Форуки посвящена одежде, в основном верхней, и по принадлежности – универсальной одежде. В словаре встречается множество названий халатов, сшитых из различных тканей и украшенных узорами, а также слова, указывающие на их внешнее состояние. К примеру:

ВОЖАНК - *низ чомае аст, ки нақш карда баъзе гӯянд санг аст /* это разукрашенный халат, иногда говорят о халате с драгоценными камнями [2, 55б];

КУЛОН - *чомаи кӯҳна ва пора-пора бувад /*это старый и ветхий халат [2, 85а];

БАЗ – *кӯҳна бувад/* это старая одежда. Далее приводится бейт без упоминания автора [2, 93а]:

**Биёроста ҳар кас омад ба боғ,
Ман аз шарми баз наёмадам бар дарат/
Все в сад явились в красочных одеждах,
Лишь я, стыдясь одежды старой, не пришел.**

БЎҚАЛАМУН – *чомае аст румӣ бо рангҳои мухталиф/*это яркий разноцветный румийский халат [2, 88а];

ТАРБУН - *чомаи дебои танг бувад /*это тонкий узкий халат [2, 114б];

ТУРБУ - *чомаи борик ва суфтро гӯянд/* так называют тонкий и гладкий халат. Далее приводится бейт без упоминания автора:

**То боз намояд чу май аз аз шиша мусаффо,
Соқӣ тани гулранги худ аз чомаи турбу/**

**Чтоб, как вино из сосуда прозрачного,
Виночерпий свое тело, подобное цветку
из тонкого халата** [2, 176а];

ХУСТУВОНА - *пашмина бувад, яъне чомаи дарवेशон ва мӯйҳои овехта*/это шерсть, то есть одежда дервишей и (одежда) с лохмотьями [2, 134а]. В словаре Деххудо слово приводится в двух вариантах: *хастувона, хустувона* [18, 276]. В «Фарханг-и Каввас» лексической единице *хаставона* дано пояснение: *чомае, ки дарवेशон ва паловариён доранд, мӯйовехта*/одежда, которую носят дервиши и уличные торговцы пряностями, с висящими клочьями [23, 161];

РИКВА – *пораи чома бувад*/ это кусок халата, то есть имеется в виду рваный халат. Деххудо описал слово *риква* как старый халат [18, 338]. В «Сурмаи Сулаймони» слово имеет два варианта: *раква* и *руку* - *пораи чома ва карбос бувад* /это кусок халата и карбос [8, 191];

ШОДУРА – *чомаи кӯҳна бувад*/это старый халат [2, 117а];

ЗАНДАНАЧӢ – *чомаест мусаллобофт*/это толстый тканый халат. Далее приводится бейт Хакани [2, 193б]:

**Чун бод занданичи кӯҳсор баркашанд,
Зи ховар сандусу дебо барафкананд/
Словно ветер, снимут с гор толстые халаты,
С востока оденут их в парчу и шелка златотканые.**

В «Фарханг-и Каввас» слово приводится в форме *занданичӣ* и означает «халат» [23,158]. В «Сурмаи Сулаймони» слово приводится в форме *занданичӣ*, однако пояснительная часть относительно шире: *чомаи фарох ва суфта ва хангуфт ва ситаббро низ гӯянд*/это широкий, гладкий, роскошный шелковый халат [8, 203]. Следует отметить, что слово *занданичӣ* является существительным, образованным от места происхождения изделия, то есть от местечка Зандана, где изготавливались шелковые ткани. Оно известно еще из древних согдийских петроглифов в форме *занданагӣ* – товар, произведенный в Зандане. По нашему мнению, это слово прошло процесс арабизации и превратилось в слово *занданичӣ* путем трансформации буквы *g* в арабскую *ç*;

ҚАРҚУНӢ – *чомаи Ироқи араб бувад*/ это халат арабов Ирака [2, 122а];

- РОЙАЙ** – *чомаи дарवेशон бувад*/ это халат дервишей [2, 163б];
- РОЙ** – *чомаи чинӣ бувад*/ это китайский халат [2, 184а];
- ЛОЙ** - *чомаи чинӣ бувад*/ это яркий тонкий китайский халат [2, 165а];
- ШАБӢ** – *навъе аз чомаи нӯстин бувад*/ это вид одежды из кожи животного [2, 170а]. В «Фарханг-и Каввас» дано толкование: одежда из шкуры для дервишей [24,160]. В «Сурмаи Сулаймони, напротив, имеется другое толкование: это одежда для сна [8, 251];
- ШАБПӢШ** – *чомаи хоб бувад*/это одежда для сна [2, 132а];
- ЧУХО** - *чомаи пашмин; ва курта низ бувад*/ это шерстяной халат, а также платье [2, 16б];
- ЯЛМА** – *қабо бувад*/это длинный халат [2, 84а];
- БОШОМА** ва **ПӢШАНА** - *сарпӯши ҳар чизе бувад*/это то, что покрывает все [2, 23а]. В «Фарханг-и Каввас» это слово поясняется как накидка и платье [23, 157]. В «Сурмаи Сулаймони» слово *бошома* пояснено как принадлежность, которой женщины покрывают голову, и сетка для глаз [8, 83].
- Помимо именованной верхней одежды, в словаре имеются другие лексические единицы, обозначающие другие виды одежды. К примеру:
- ЛУШНАК** – *чомае, ки тифли навзодаро дар ӯ печанд*/ пеленка, в которую пеленают новорожденного ребенка [2, 223а];
- ТУБОН** – *изори куштигирон*/ борцовские штаны [2, 150а];
- САМОХАҶА** - *сиабанд бувад*/это бюстгальтер, нагрудник [2, 196б];
- СОМАК** - *сиабанд бувад*/это бюстгальтер, нагрудник [2, 149а];
- ШОМОКЧА ШОМОХЧА** - *сиабанд бувад*/это бюстгальтер, нагрудник [2, 211а];
- ШӢБ** – *дастор бувад*/ это чалма [2, 117а];
- ХУВОЗА** – *қубба ва кулохро гӯянд*/ так называют купол и головной убор [2, 184б].

Лексика, обозначающая одежду, ее элементы и принадлежности, является важным элементом для изучения культуры и быта определенной

эпохи. Множество лексических единиц со временем утрачивается, более устойчивые лексические единицы до сих пор находятся в употреблении в исконном либо измененном виде. В связи с этим лексикографические произведения конкретных эпох играют огромную роль в изучении вышедшей из обихода лексики и порой становятся единственными и потому уникальными источниками для исследователей. Некоторые лексические единицы могут оказать содействие в обозначении различных деталей одежды или швейных принадлежностей, заимствованных из английского или других языков по причине их отсутствия в таджикском языке.

II.3. Медицинская лексика и терминология

Словарь «Даниш-наме-и Кадархан», являясь одним из словарей классического периода развития языка, составленных на Индийском субконтиненте, значительно отличается от предшествующих словарей. Эта разница проявляется главным образом в широком наличии и толковании медицинской терминологии. Собственно говоря, Ашраф ибн Шараф аль-Форуки при составлении словаря, помимо трудной лексики из «Шах-наме» Фирдоуси и «Искандар-наме» Низами Гянджеви, стремился пояснить также медицинскую терминологию, понятия из фармацевтики, основы фитотерапии. Именно поэтому в предисловии к словарю он указал: «*«...ва маони асоми адвия, ки толибон дар кутуби тиб[б] муҳтоҷанд, ҳар кӣ аз ин забон сухане бозҷӯяд, он-ч пурсанд, посухи он бозгӯяд.../...и смысл медицинских названий, требуемый обучающимся в области медицины, кто спросит слово на этом языке, книга ответит на все [вопросы]...»* [2, 2б, 3а].

Большое количество медицинской терминологии в «Даниш-наме-и Кадархан» включает названия человеческих органов, сохранившиеся в древней персидско-таджикской форме. Причина интереса аль-Форуки к толкованию лексики, обозначающей человеческие органы и относящейся к анатомии человека, объясняется тем, что он хочет оказать содействие обучающимся медицине и сделать необходимые им термины доступными и

понятными. Во времена аль-Форуки и в целом в Средние века медицинские произведения писались преимущественно на арабском языке, но появлялись также медицинские и философские труды, содержащие особые таджикские медицинские слова и термины. Сказанное относится к величайшим шедеврам древней медицинской литературы – к трактатам Абуали ибн Сино, Исмаила Джурджани и других, писавших медицинские труды на таджикском языке.

Таджикский исследователь А. Отахорова исследовала медицинскую терминологию, сохранившуюся в «Фархангнаме-и Вафай», и пришла к заключению, что в словаре содержатся 90 слов, обозначающих человеческие органы и их свойства [83, 78]. По нашим подсчетам, в словаре «Даниш-наме-и Кадархан» имеются 80 слов, поясняющих лексику, относящуюся к анатомии человека, с описанием присущих ей свойств. В ходе исследования мы разделили медицинскую терминологию на следующие группы:

- а) органы человека, расположенные в области головы;
- б) органы, в целом имеющиеся в верхней части человеческого тела;
- в) органы человека, находящиеся ниже поясицы [169а, 65],

Органы человека, расположенные в области головы. В словаре приводится пояснение семидесяти слов, которые обозначают человеческие органы. Например, при пояснении слова «голова» в качестве отдельной лексической единицы представлено множество слов: *чикод* [2,446], *омёна* и *ахёна* [2, 203а], *хабок* [2, 103а], *курк* [2,107б], *тор* [2,57а], *курак* [2,113б], *таранг* [2, 103б], *калок* [2,103б], *занч* [2, 34б] *зафар* [2, 67б], *кавила*. Все эти слова обозначают человеческую голову.

Следует отметить, что словарные единицы «*занч*» и «*зафар*» не найдены нами в подобном значении в других древних словарях и истолкованы только в «Даниш-наме-и Кадархан» в значении «голова».

ЗАНЧ – *калла бувад* /это голова. [2, 34б]. Это слово не встречается в названном значении в других словарях, поэтому у нас нет возможности провести его историко-сравнительный лингвистический анализ. Можно лишь указать, что в «Бурхони котеъ» слово встречается в виде «зунч», означающего «подбородок»

[том 2 стр 106], однако указанное слово не является близким по значению к рассматриваемому слову из исследуемого словаря.

ЗАФАР – *калла бувад*/ это голова [2, 676].

Сравнение и сопоставление медицинской лексики с лексическими единицами из других словарей показывает, что аль-Форуки в некоторых случаях допускает ошибку в объяснении некоторых терминов, примером чему является слово «*зафар*». В «Лугати фурс» наряду с его синонимами - *нус, зак, кӯз* и *фурундж* приводится словосочетание «*перомани даҳон*» - «область вокруг рта» [3, с. 185]. Этому слова нет в «Фарханг-и Каввас». В «Сурмаи Сулаймони» слово «*зафар*» - это «уголок рта; и кость, из которой растет зуб» [54, 196]. В Словаре таджикского языка оно приводится в вариантах *зафр* и *зафар* - челюсть, рот [31, т. 1, 444].

КАЛОК – *тири тораки сар бувад*/ это пробор на голове, темя [2, 1036]. Далее приводится бейт без упоминания автора:

Ё **занадам ё канадам риш пок,**
Ё **занадам кордаке бар калок /**
Или ударит, или вырвет мою бороду клочьями,
Или ударит тесаком по темени моему.

В «Лугати фурс» это слово как лексическая единица встречается дважды, однако оба раза форма его написания «*калол*»: «*чакоз ва хабок ва калол – миёни сар бувад*»; «*калол*» - *миёни сар бувад*». [3, 150; 288]. Следует отметить, что приведенный в качестве примера бейт, вероятно, заимствован у Асади, однако автор «Лугати фурс» указывает как автора Хаккака Маргази. Это слово содержится в словарных единицах «Фарханг-и Каввас» [23, 91], «Бурхони котеъ» [6, т.2, 313] и «Сурмаи Сулаймони» [8, 99] с аналогичным значением. В «Лугат-наме» Деххудо это слово существует в двух вариантах, *калол* и *калок*, и во всех имеет значение темени, области, разделяющей голову на две равные части [18, 664].

На наш взгляд, приведенные лексемы и подобные им могут внести ясность в происхождение фонетических вариаций. По нашему мнению, подобную вариативность слова «*калок*» можно объяснить следующими

причинами: 1. Возможно, оно произошло из-за рифмующихся последних слов первой и второй строк бейта, т.е. *пок* и *калок*, ведь бейт Хаккака Маргази в исконном виде звучит так:

Ё̇ занадам ё̇ канадам риш пок,

Ё̇ диҳадам корд яке бар калок

Пусть ударит меня или вырвет мне бороду начисто,

Или пусть даст мне нож, чтобы вырвать пень [5, 288].

3. Можно предположить, что вариант *калок* – это вариант, существующий в одном из диалектов и вошедшей в литературный язык в ходе развития языка. Следует отметить, что в северном говоре Таджикистана существует и употребляется слово «*калок/калук*», которое означает «пень, верхняя часть ствола или пня ивы или тутовника», и, по нашему мнению, в ранний классический период развития языка слово «*калок*», обозначающее «темя», в диалекте и говорах употреблялось как наименование части дерева, по которой бьют топором, чтобы разрубить. Проведенное нами исследование показало, что приведенные выше слова, связанные с головой, не всегда являются синонимами и каждое из них описывает конкретную часть головы.

Для описания черт человеческого лица в словаре «Данишнаме-и Кадархан» приведены слова: *қарфар* [2, 636], *тарюн* [2, 1566], *фаранч* [2, 346], *табгур* [2, 576]. Все упомянутые слова обозначают уголки рта или область вокруг рта. Слово «*дараҳ*» [2, 175a] означает «рот». При пояснении аль-Форуки краток и приводит только словосочетание «*гирдогирди даҳан бувад*» [2, 1566; 576, 346]. В процессе исследования было установлено, что слово «*фаранч*» с таким же значением приведено в словарях «Лугати фурс» [3, 96], «Фарханг-и Каввас» [23, 94], «Бурхони котеъ» [6, 2, 3045] и «Фарханг-и форси» [39, 2. 1223], однако в различных вариациях: *фаранч*, *фурунч*, *фирунч*. Слово *тарюн* не встречается в древних словарях, как и слово *табгур*. Однако, по нашему предположению, или аль-Форуки или переписчик ошибочно написали исконное слово «*табфуз*» в форме «*табгур*». Слово «*табфуз*» с его фонетическими вариантами *батфуз*, *батфӯз*, *патфуз*, *падуз*,

пуз существует во всех древних и современных словарях и означает область «вокруг рта, уголки рта» [3,135; 165; 36, т.1, 232; 31; 31]. Указанные слова существуют в современном таджикском языке, однако они отнесены к архаизмам.

В персидско-таджикской поэзии многократно красиво воспеваются глаза и ресницы. В связи с этим в «Даниш-наме-и Кадархан» есть лексика, обозначающая глаза и ресницы и их качества: *мужон* [2, 139а], *гамза* [2, 203а], *хуво* [2, 18а], *мужа* [2, 203б], *кик* [2, 108б], *яхёл* [2, 126б].

МУЖА – *нӯки чаши бувад* /край глаза, ресницы [2, 203б] Далее приводится бейт Низами:

**Сикандар дар он барф саргашта монд,
Чун барф аз мужа қатраҳо мефишонд/
Затерялся Сикандар в том снегу,
Смаховая капли снежинок с ресниц.**

ХУВО – *мужа бувад* / это ресницы [2, 18а];

ГАМЗА – *мижа ва мӯи миҷаро низ гӯянд*/ так называют ресницы и волосинки ресниц [2, 203а]. Далее приводится бейт Низами:

**Зи гамза тигру аз абру камон соз,
Ҳама борик бину рост андоз/
Сделай стрелу из реснички, из брови –лук,
Прицелься точно и стреляй метко.**

ЯХЁЛ – *сапедии чаши бувад*/ это белок глаза (склера – Н.Р.) [2, 126б].

Словарные единицы *ной* [2, 224б], *табгур* [2, 57б], *малоза* [2, 203б], *яшк* [2, 113б] обозначают части головы, шеи, миндалины и коренные зубы:

КИК – *мардуми чаши бувад, викок низ гӯянд*/ это зрачок [2, 108а];

НОЙ – *кӯтҳаро гӯянд*/так называют адамово яблоко [2, 244б];

МАЛОЗА – *гӯште гирд аз коми сари ҳалқум овезон аст*/ это круглый кусочек мяса, свисающий с мягкого нёба, язычок [2, 203б]. Этот медицинский термин в «Лугати фурс» [5, 157б], «Сурмаи Сулаймони» [8, 337] и «Тухфат-уль-ахбаб» [10, 102] толкуется в том же значении, что и в «Даниш-наме-и Кадархан».

Органы, расположенные в верхней части человеческого тела. В этой

лексической группе есть слова, относящиеся к органам человека, которые уже непонятны носителям современного персидско-таджикского языка, но не исключено, что они еще живы в различных диалектах. Рассмотрим часть слов из этой большой лексической подгруппы: *ҳавия* [2, 176а], *мӯяд* [2, 44б], *калак* [2, 113б], *ворун* [2, 157а], *бажур* [2, 60б], *зоқадон* [2, 157а], *галгалич* [2, 32а], *шивои шӯхгин* [2, 150б], *сӯвонк* [2, 121а], *дажипа* [2, 214б], *бик* [2, 114а], *бурз* [2, 75б], *шахок* [2, 121а], *хабодӣ* [2, 221б], *нашток* [2, 120б]:

ҲАВИЯ – *китф бувад*/это плечо [2, 176а];

ШАХОК – *ҳикак бувад*/ это адамово яблоко (кадык – Р.Н.) [2, 121а];

МҶҮЯД – *китф бувад*/это плечо [2, 44б]. Оба слова являются синонимами, истолкованы кратко и одинаково;

КАЛАК – *багал бувад* / это подмышка, пазуха [2, 113б];

ВОРУН - *оринҷ бувад*/ это локоть. Третье слово в «Лугати фурс» представлено в форме «воран» в значении «подмышка», а автор критического текста к «Лугати фурс» Н.И.Гиясов считает лексему «ворун» в «Данишнаме-и Кадархан» неверной. По его словам, в «Сихах-уль-фурс», «Тухфат-уль-ахбаб» и «Фарханг-и Каввас» слово «ворак» трактуется в одинаковом значении [3, 371]. В «Сурмаи Сулаймони» это слово дано в форме *воран* и пояснено как место между запястьем и плечом [8, 358];

БИК – *банди ангушт бувад*/ это сустав пальца, фаланга [2, 114а];

ДАЖПИХ – *гадуд бувад*/ это железа, жир. Далее приводится бейт без упоминания автора:

**Лаззати дунба надонад, эй азиз,
Он к-ӯ доим хӯрад дажпихро/
Не испытал наслаждения от курдюка, о друг,
Тот, кто всегда ест только жир.**

Слово *дажпих* не встречается в «Лугати фурс», «Тухфат-ул-ахбаб» и «Сурмаи Сулаймони», а в словаре «Фарханг-и Каввас» встречается в форме «*пих*»: *дажпих*, *дижпих*, *дажипа* в значении жирового образования, жира [23, т. 2, 23].

Большинство единиц лексики, обозначающей органы человека,

упомнутых в словаре «Даниш-наме-и Кадархан», не упоминаются в «Лугати фурс» Асади Туси как в главном лексикографическом источнике раннего периода становления лексикографии. Это свидетельствует о лексикографическом поиске аль-Форуки в целях усовершенствовать собственное произведение, давая толкования слов, которые не были включены в предшествующие словари.

Органы человека, расположенные ниже поясицы. В «Даниш-наме-и Кадархан» используется множество словарных единиц для описания пальцев ног, талии, бедер и других частей тела, некоторые из которых не встречаются в более поздних словарях. Возможно, эти слова вошли в группу архаизмов, относящихся только к изучаемому периоду, или были заимствованы из диалектов, существовавших во времена автора. К примеру:

ПАЧУК – *шитолинг бувад*/это щиколотка, лодыжка [2, 108б]. Как можно установить, слово *пачук*, как и пояснение к нему, представляют собой крайне редкие слова. В пояснии к другому слову – *бахул* [2,127а] аль-Форуки также использовал при пояснении слово *шитолинг*, однако при исследовании слова *бахул* нами установлено, что имела место ошибка, поскольку в «Фарханг-и Каввас» это слово имеет форму «*бачул*» [23, 97], *бажул* [8, 97] и близкое к данной лексической группе значение – лодыжка. Можно сделать вывод, что определенная группа слов этой лексической группы упоминается только в словарях, составленных в Индии, и свидетельствуют о его широком употреблении в персидском языке Индийского субконтинента;

КОБУЛЕЦ – *ангушти кеҳини пойро гӯянд, яъне нарангушт*/ это большой палец ноги [2, 30а];

ПАЛ – *пошнаи пойро гӯянд*/так называют стопу [2, 127а];

ШАВОСУХӢ – *пушти пой бувад*/это пятка ноги [2, 223а];

КОЛУЧ – *колучи хурдро гӯянд*/ так называют мизинец [2, 33б].

В «Сурмай Сулаймони» слово «*колуч*» поясняется в двух значениях – голубь и мизинец [54, 286]. В «Бурхони котеъ» оно поясняется в этих же двух значениях, и подчеркивается, что слово «*колуч*» также имеет вариант «*колуч*»

[6, т.2, 349].

Словарные единицы *кунсита*, *камо*, *сунч*, *гунч* используются для обозначения бедра человека и животного:

КАМО – *рон бувад*/это бедро [1, 13а]. Это слово не было найдено в древних и более поздних толковых словарях;

СУНЧ ва ГУНЧ – *сурини мардум ва чаҳорпой бувад*/это ягодичцы человека или круп животного [2, 30а]. В «Лугати фурс» это слово имеет форму *шанч* и имеет упомянутое у аль-Форуки значение [3, 53], в «Бурхони котеъ» упоминается в форме *шанч* и поясняется синонимом *ганч* [6, т.2, 233], в «Сурмаи Сулаймони» сохранилось в отдельных словарных статьях в форме *сунч* и *ганч*, [8, 209; 258]. Только словаре «Фарханг-и Каввас» слова *сунч* и *ганч* приведены в одной словарной статье с аналогичным значением [23, 99];

КУНИСТА – *дукуна бувад, яъне ронҳо*/ то есть продолжение ягодиц, бедра [2, 203б]: Поэт говорит:

**Он духтари қассоб, ки бо чандон гӯшт,
Куниста ҳаменабуд, паҳлӯ меод/
Дочь мясника с огромной кучей мяса
На бедрах ходила, покачивая ими в стороны.**

В «Бурхони котеъ» упоминается слово «куна», которое поясняется как «кунаста», то есть ягодичцы человека [6, т.2, 415]. Слово упоминается во всех древних словарях в двух фонетических вариациях: *куниста* [23, 99], *кунаста* [8, 309], [6, т.2, 415] и др.

По нашему мнению, отдельное упоминание каждой части тела и отдельных органов человека в «Даниш-наме-и Кадархан» обусловлено влиянием арабской лексикографии, поскольку в арабских толковых словарях и в арабо-персидских двуязычных словарях предусматривалось арабское название каждого органа и его частей, но в древних таджикско-персидских словарях, предшествующих «Даниш-наме-и Кадархан», этот порядок был не очень распространен. В связи с этим, упоминая каждый медицинский термин, называя каждый человеческий орган в отдельной словарной единице, аль-Форуки внес вклад в сохранение многих оригинальных персидских названий

частей тела человека, несмотря на то, что большинство из них сегодня не используется.

В «Даниш-наме-и Кадархан», наряду со словарными единицами, посвященными названиям частей тела человека, также упоминаются слова, обозначающие дефекты в строении человеческого организма:

ҚЎЗ – *пушти хамишударо гўянд*/ так называют человека с согбенной спиной [2, 77a];

КЎЗ – *пушти шикастаро гўянд*/так называют человека, у которого отмечен перелом позвоночника [2, 77a]. Можно заметить, что отличие в словах состоит только в одной фонеме, однако аль-Форуки разместил их в отдельных статьях, поскольку они поясняют различные физические состояния человека;

ЧАФТА - *хамида ва дутошударо гўянд*/называют согбенного пополам человека [2, 190б];

БУШТАРАМ – *омосидагй бувад*/ так называют отекающего, опухшего человека [2, 134б];

ШАМҒАНДА – *бўйнок бувад*/ так называют дурно пахнущего человека [1, 204a]. Примечательно, что в «Сурмаи Сулаймони» слово «шамганда» поясняется конкретнее, то есть в значении «дурно и сильно пахнущая женщина» [8, 248];

САТАРВАН – *нозоянда бувад*/ это бесплодная женщина [2, 157a];

КАЙКАН – *борикчаим бувад*/ это узкоглазый человек [2, 145a];

КИЛИК – *чаим кож бувад*/это косоглазый человек [2, 107б]. В пояснительной части аль-Форуки приводит бейт поэта Музаффари:

**Чу бубинад туро зи ям[м] ҳасуд,
Хештанро килик созад зуд/
Когда смотрит на тебя глазами завистливыми,
Сразу делается косоглазым взор его.**

Лексика, обозначающая названия болезней и состояний человека.

Помимо человеческих органов и физических недостатков организма, в «Даниш-наме-и Кадархан» представлена группа слов, обозначающих названия болезней, симптомы болезней и именованья лекарств. Медицинское

назначение словаря аль-Форуки очень ярко раскрывается в том, что он уделяет внимание терапевтическому, фармакологическому и фитотерапевтическому аспекту:

ЧАХШ – *иллати гур, ки аз гулуи мардум пайдо ояд*/ это болезнь, возникающая в горле, в области шеи человека [2, 85а]. Далее приводится бейт без упоминания автора:

**Он чахш ба гарданаш даровехта гӯй,
Машкест пур аз бод даровехта аз бор/
Эта болезнь повисла на шее его тяжко,
Словно бурдюк, наполненный воздухом.**

СИЦАЧ – *тангии нафас бувад*/ это одышка (*сердечная астма – Н.Р.*) [2, 34б].

КОХА – *борон; ва боди ярақон низ бувад*/ это дождь; а также желтуха (*вирусный гепатит – Н.Р.*) [2, 195б];

СИНАХЧ – *тангии нафас бувад*/ это одышка [2, 34а];

ХАСУНК – *нафас задан бувад*/это неравномерное поверхностное дыхание (*тахипноэ. – Н.Р.*) [2, 111а];

ХАВ – *римро гӯянд*/так называют нагноение (*абсцесс - Н.Р.*) [2, 166б]. В «Сурмаи Сулаймони» это слово поясняется как «гной, который вытекает из раны, и рана опять наполняется гноем» [54, 367];

ПОЛУ – *жах гӯянд*/это ячмень на глазу (*бородавка - Н.Р.*) [2, 162а], и далее приводится бейт Шакира Бухорои:

**Эй ишқи зи ман дур, ки бар дил ҳама ранҷӣ,
Чун бар зери чашм яке маҳкам полу/
Любовь, меня покинувшая, изранила душу,
Болит, словно ячмень, закрывший мне глаза.**

НАШТОК – *печоки шикам бувад*/это заворот кишок [2, 121а];

ЗАНГ– *нохунаи чаши, ки аз бухори чаши хезад*/ пленка, которая появляется на слизистой оболочке глаза (*катаракта – Н.Р.*);

ФАРҒАНД - *буи ганда бувад, ки аз бинӣ ояд*/ плохой запах, который исходит из носа (*гайморит – Н.Р.*) [2, 49а];

ҚУСТА – *кивитҳа бувад*/ это сухость, першение в горле [2, 213а]. В словаре Деххудо также пояснено как сухость в горле [18, 792];

АНДУБ – *дарду таб; ва сурхбода бувад*/ это заболевание и жар; чесотка [2, 21a]. В «Бурхони котеъ» слово «*андуб*» поясняется как «красные высыпания на теле, которые потом чернеют и кожа становится грубой» [6, 171];
ХАФА – *сурфа бувад*/это - кашель. [2, 214a]. Далее приводит бейт без упоминания автора:

**Суволе пурсид дӯш он нигор,
 Чавобе наёмад маро аз хафа/
 Вчера спросила красавица моя,
 Не смог ответить ей из-за кашля я.**

Из приведенных выше немногочисленных примеров становится очевидно, что у автора словаря «Даниш-наме-и Кадархан» были обширные познания в медицинской лексике, обозначающей названия заболеваний, которые он черпал из трудов предшествующих лексикографов и из диалектизмов персидского языка, бытовавших в Индии. Также в словаре собрана лексика, относящаяся к фармакологии и фитотерапии, то есть названия некоторых снадобий и лекарств, применявшихся в те времена для лечения заболеваний. Несмотря на их малочисленность, они дополняют картину словарной медицинской терминологии. К примеру, автор приводит и поясняет слово, обозначающее человека, изготавливающего и торгующего лекарственными снадобьями:

БАЙЛУР – *доруфурӯшро гӯянд*/так называют аптекаря [2, 676];

ТАРАХАШ – *доруест, ки дар Сиистон ба ҷиҳати шир инаҳо бихӯранд, таъми ӯ талх аст* /лекарство в Сиистане, которое следует пить с молоком, вкус у него горький [2, 836].

В отношении этого слова можно отметить, что при пояснении некоторых лексических единиц, относящихся к медицине, древние авторы часто допускали ошибки. Приведенное выше слово *тарахаш* не было найдено ни в одном древнем словаре. Абурейхан Бируни в своем произведении упоминает слово «*табархишт*» и поясняет: «Вид смолы, цвет которой подобен цвету золы, и происходит из одной из провинций в Систане. Эта местность находится далеко от Систана. Ее вкус горше, чем у алоэ. Его употребляют

вместе с фруктовым соком для исцеления от мокрых ран, которые увеличиваются как во время золотухи, и пр.» [4, 301];

ФАРФОУВА - *дорует бӯйи хуш дорад, ҳиндуӣ бола гӯянд*/лекарство с приятным запахом, на хинди называется бола [2, 199б];

ФАРАЖ – *ғиёҳе аст талх, дарди шикамро суд дорад*/ горькая трава, полезна при боли в животе [2, 76а];

ПИЛА – *ғиёҳи дору бувад*/ лекарственное растение [2, 169б];

КАСИЛО – *каҳило бувад*/ это отвар кахила. В ходе исследования были изучены «Лугати фурс», «Фарханг-и Каввас», однако этого слова там не найдено. В «Бурхони котеъ» это слово приведено в форме «касидо» и означает кору дерева, которую настаивают с медом и отвар которой полезен для лечения зубов [6, т.2, 378].

В «Даниш-наме-и Кадархон» были найдены и исконно таджикские слова, относящиеся к медицинским терминам, которые могут с успехом использоваться в современной медицинской сфере, и ярким примером тому может стать слово *ҳазорчаишма* [2, 170а].

Эту словарную единицу мы не обнаружили ни в «Лугати фурс», ни в «Фарханг-и Каввас» и «Тухфат-ул-ахбаб», однако в «Сурмаи Сулаймони» [8, 368] и «Бурхони котеъ» [6, 231] слово «*ҳазорчаишма*» означает смертельное заболевание человека, которое называется *саратон* - рак. В таджикской медицине заболевание «рак» обозначается словом «саратон», происходящим из арабского языка. Слово из «Даниш-наме-и Кадархан» может предложить этому слову синоним исконно таджикского происхождения – «*ҳазорчаишма*».

Еще одним исконно таджикским словом, найденным в словаре, стала словарная статья «*афкона*».

АФКОНА – *бачае, ки аз шикам биравад*/ребенок, который выкинут утробой матери [2, 175б]. В настоящее время в медицинской сфере, в гинекологии для обозначения недоношенного плода используется словосочетание «*ҷанини норасида*», где первое слово арабского происхождения. Слово «*афкона*» может стать его синонимом в силу исконно таджикского происхождения, и его

следует ввести в употребление;

ПЕШОР – *далел бувад, ки бар табиб баранд/* это доказательство для показа врачу [2, 62a]. Под словом «пешор» имеется в виду моча пациента, по которой врач может провести анализ и более точно поставить диагноз. В словаре «Сурмаи Сулаймони» слово приводится в форме «пешёр», ему дано пояснение «моча, сосуд с мочой, который несут врачу» [8, 89]. Слово «пешор» может дополнить современный медицинский словарь терминов исконно таджикским словом, которое точно отражает предназначение физиологических выделений человека для медицинского обследования;

ДАРВОХ – *он-к аз беморӣ баршуда ва бархоста бувад/* это тот, кто исцелился от болезни и встал на ноги. Далее приводится бейт Лабиби [2, 79a]:

**Чунки нолида бар ӯ густох шуд,
Тани дардине омад, дарвох шуд/
Когда больной стенал, стал дерзок с ним,
Был немощен от боли, и вдруг исцелился.**

Одной из характерных особенностей словаря является перечисление синонимов одной группы в отдельной словарной единице. В сравнении с другими древними словарями, например «Лугати фурс» или «Сурмаи Сулаймони», где авторы приводят по два синонима, в словаре аль-Форуки каждый синоним приводится в отдельности с кратким пояснением.

В «Лугати фурс»:

ШУХ ва КАЛАХЧ – *чирк бошад/* это грязь [3, 117];

В «Сурмаи Сулаймони»:

ПОЛВОСА ва ТОСА ва ТАЛВОСА ва ТОЛВОСА – *заму андӯҳ; ва майл бувад ба ҳар чизе/* горе и печаль; желание чего-либо [8, 100].

В «Даниш-наме-и Кадархон» собрано множество синонимов слова «рим», которое означает «грязь, гной, экссудат», и каждый из них расположен в отдельной словарной статье с аналогичным кратким пояснением:

КУРАС – *рим бувад/* это гной [2, 786].

ХОЗ – *рим бувад/* это гной [2, 776].

ҲАВ – *римро гӯянд/* так называют гной [2, 1666].

ШУХ – *рим бувад*/это гной [2, 386].

КАЛХАЧ – *чирки андом, яъне рим*/внешняя слизь, то есть гной [2, 30а].

ЧИРК – *рим бувад*/это гной [2, 106б].

ПЕЛА – *рим бувад*/это гной [2, 214б].

Автор «Даниш-наме-и Кадархан» подробно не поясняет каждый синоним и ограничивается только одним простым двусоставным предложением «*рим бувад*». Такой подход к словарным статьям упомянутой группы, по нашему мнению, является недостатком словаря, поскольку читатель не найдет подробного описания всего значения слова. К примеру, в словаре «Сурмаи Сулаймони» применен следующий подход:

ҲАВ – *чирке бувад, ки аз ҷароҳат равад ва об дуздидани ҷароҳат*/это гной, который истекает из раны и наполняется мокротой [8, 367].

Часто и в отношении лекарственных снадобий аль-Форуки следует принципу краткого и неясного пояснения, когда он ограничивается краткой фразой: «*илоҷеро гӯянд*» - «так называют какое-либо лекарство». К примеру:

ҚОҚУЛА – *илоҷеро гӯянд*/так называют какое-либо лекарство [2, 169а]

ҲИЙЛ – *илоҷе бувад*/это некое лекарство [2, 124а].

ХИРРБЎЁ – *илоҷеро гӯянд*/так называют некое лекарство [2, 12б].

По нашему мнению, отчасти аль-Форуки руководствовался тем, что словарная единица находилась в широком употреблении в медицине Индии раннего Средневековья и не требовала пояснения.

В процессе развития медицинской науки в ней появились термины, заимствованные из различных языков. Процессы заимствования лексики в языковедении и литературоведении широко изучены наукой по многим аспектам [94, 173, 208, 212]. Одним из факторов заимствования терминов и лексики из арабского языка многими восточными языками стало его широкое распространение из-за завоевания арабами обширных территорий и расширения арабского влияния на восточный мир. Арабский язык многие века был языком философии, науки и литературы, рождая в своих недрах уникальные термины для множества наук и отраслей, которые были

заимствованы другими народами. Среди словарных единиц «Даниш-наме-и Кадархан» существует группа лексики медицинского назначения, заимствованная из арабского языка:

1. Медицинские термины арабского происхождения.
2. Арабизированные медицинские термины.

Медицинские термины арабского происхождения состоят из названий растений и лекарств, и характерной особенностью словаря является то, что автор ни в одном случае не указывает на арабское или иное происхождение лексики. По нашему мнению, такой лексикографический подход можно объяснить активным гармоничным заимствованием терминологии иного языка в таджикско-персидский язык или хинди и его широким употреблением в словарном фонде, вследствие чего автор не считал необходимым указывать происхождение медицинской терминологии:

АКМОЛ – *қай бувад*/это рвота [2, 127а];

БАВЛ – *бурундошт бувад*/ это внешнее выделение [2, 127а].

МИЗОЦ – *кони ҳар чизе бувад*/ это источник всего (*натура* – Н.Р.) [2, 127а].

В словаре найдена таджикско-персидская лексема, перенесшую воздействие процесса арабизации, - «**бичишк**».

БИЧИШК – *табиб бувад*/ это лекарь [2, 121а]. Это арабизированное слово от таджикско-персидского «*тизишк*», которое в современный период находится в активном языковом употреблении.

Медицинские термины, содержащиеся в словаре «Даниш-наме-и Кадархан» аль-Форуки и ставшие доступными в процессе исследования, показали богатство таджикско-персидского языка в сфере медицины, фармакологии, фитотерапии и анатомии. Изучение медицинской терминологии по древним словарям открывает новые возможности для пополнения словарного фонда таджикского языка, поскольку в словаре сохранились уникальные исконно таджикские слова, в полной мере отвечающие требованиям медицинской науки современного периода.

Выводы второй главы

В ходе исследования «Даниш-наме-и Кадархан» аль-Форуки было установлено, что 2 419 слов и словосочетаний, зафиксированные в словаре, имеют различное происхождение. Согласно поставленной задаче словарные единицы были разделены на две группы, одну из которых образовала группа слов исконно таджикского происхождения, а вторую группу составили слова, заимствованные из разных языков. Основную часть словарного запаса «Даниш-наме-и Кадархан» составляют таджикские слова, причем эти слова являются простыми существительными и могут быть разделены на три группы. В упомянутые группы входит множество единиц лексики, которая широко используется в современном таджикском языке и до сих пор не потеряла значения, или группы слов, которые редко используются в современном таджикском языке, однако изучение поэтических образцов говорит об их активном употреблении при жизни и творчестве аль-Форуки. Другую группу составляют слова, вошедшие в группу архаизмов в эпоху до аль-Форуки, особенно лексика из «Шах-наме» Фирдоуси, которую аль-Форуки стремился истолковать в собственном лексикографическом произведении.

В процессе изучения «Даниш-наме-и Кадархан» было исследовано 52 инфинитива, большинство из которых являются архаизмами. Среди них, естественно, есть инфинитивы, которые и в настоящее время активно используются в таджикском литературном языке: *шунидан*, *чаҳидан*, *шамидан*, *чамидан*, *андӯхтан*, *шошидан*, *ғанудан* и т.д. Также была рассмотрена часть глаголов, которые были упомянуты лексикографом в составе причастия настоящего времени. Определенная часть словарных единиц «Даниш-наме-и Кадархан» являются сложными именами существительными, но существительных со сложносочиненной связью практических нет, имена существительные составлены преимущественно с помощью сложноподчиненной связи. Следует отметить, что сложные существительные в исследуемом словаре не встречаются и все слова, найденные в «Даниш-наме-

и Кадархан», относятся к сложным существительным с подчинительной связью. Сложные слова образованы от существительных и причастий настоящего времени с помощью союза *-a*, имен прилагательных и существительных, существительных и основы глагола настоящего времени, по модели «существительное+существительное, «числительное+существительное», «прилагательное+существительное, «существительное + основа глагола прошедшего времени». Можно сделать вывод, что до и в эпоху составления словаря «Даниш-наме-и Кадархан» этот вид словообразования был весьма продуктивным, так как слова вошли в язык посредством подобного словообразования и находились в активном употреблении.

В процессе исследования лексики словаря «Даниш-наме-и Кадархан» было найдено около двадцати словосочетаний, которые в основном представляют собой простые именные словосочетания. Словосочетания образованы из исконно таджикских слов, а также из заимствованной лексики. Словарные единицы из словаря аль-Форуки вобрали арабские, индийские, греческие, латинские, арамейские, тюркские слова. Следует подчеркнуть, что основная часть словарных единиц – арабского и индийского происхождения. Арамейская, латинская и греческая лексика была заимствована преимущественно через арабский язык.

Классификация словарной лексики включает множество лексических групп, что является несомненным свидетельством широкого и зрелого мировоззрения автора словаря. В ходе исследования были установлены следующие лексические группы: фитонимы, зоонимы, имена собственные, медицинские термины, названия частей тела человека, лексика, связанная с пищей, астрологическая лексика, которые представляются надежными и убедительными источниками для исследования истории развития и трансформации древнего персидско-таджикского языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

За тысячелетний период таджики достигли выдающихся успехов в развитии лексикографии и инициировали научную деятельность, которая в последующем послужила не только для развития языка и его важнейших компонентов, в числе которых персидско-таджикская лексикография, но и дала мощный импульс развитию лексикографической науки многих других народов. В классический период развития языка лексикография стала средством демонстрации литературных и научно-художественных воззрений таджикского народа, его культурных и языковых ценностей, влияние которых явно ощущалось в арабских странах и на Индийском субконтиненте.

Классический период развития языка известен древними толковыми словарями «Рисала» Абухафса Сугди, «Тафасир» Катрана Табрези, «Лугати фурс» Асади Туси, «Сихах-ул-фурс» Хиндушаха Нахджувани, «Меъёр-и Джамали» Шамса Фахри Исфохани, «Фарханг-и Каввас» Муборакшаха Газневи, «Дастур-ул-афазил» мавляна Рафеи Дехлави и другими. Среди авторитетных древних словарей, множество из которых, к счастью, сохранилось до нашего времени, а о некоторых можно узнать лишь по упоминаниям в других литературных произведениях, уместно упомянуть словарь «Даниш-наме-и Кадархан» аль-Форуки, который для большинства исследователей в сфере лексикографии до сегодняшнего дня оставался неизвестной и неисследованной страницей. Причиной забвения словаря было отсутствие его рукописи и упоминаний о нём в произведениях более поздних лексикографов. Только после обнаружения рукописи словаря «Даниш-наме-и Кадархан» в Азербайджане и ее изучения исследователи получили некоторые сведения о нем.

Несомненно, словарь «Даниш-наме-и Кадархан» аль-Форуки занимает особое место в числе интерпретативных словарей классического периода развития языка и требует всестороннего научного исследования.

Период составления исследованного словаря соответствует периоду раннего классического периода развития персидско-таджикской

лексикографии и является выдающимся образцом лексикографического произведения данного этапа развития лексикографии. Следует отметить, что ранний период становления персидско-таджикской лексикографии на Индийском субконтиненте имеет особое значение для всех периодов развития жанра интерпретативных словарей и лексикографии, поскольку этот период сыграл существенную роль в формировании устойчивой и надежной основы для этой области языкознания и литературы, поскольку большинство лексикографических произведений XIII-XV веков, составленных на Индийском субконтиненте, представляли собой не просто незамысловатое пояснение трудных слов, а содержали всеобъемлющее и ясное изложение сведений и знаний, служили источником вдохновения и помощником для литераторов и почитателей литературы упомянутой исторической эпохи. Важные лингвистические заметки, которые содержатся во введении или в содержании каждого лексикографического произведения, играют важную роль в исследовании периодов развития и эволюции таджикского языка. Осуществленное исследование привели к выводу, что сведения из древних лексикографических произведений классического периода развития языка, без сомнения, могут стать достоверными источниками при изучении истории становления и развития персидско-таджикского языка и литературы.

На основе исследования словаря «Даниш-наме-и Кадархан» Ашрафа аль-Форуки можно сделать следующие заключения:

1. Словарь «Даниш-наме-и Кадархан» аль-Форуки – лексикографическое произведение раннего классического периода развития языка - до сих пор не было исследовано таджикскими языковедами и литераторами. «Даниш-наме-и Кадархан» - один из древних персидско-таджикских словарей, написанных в Индии, который не упоминается в последующих лексикографических произведениях. Но, несмотря на отсутствие сведений и известности, словарь представляет собой сохранившийся образец таджикско-персидской лексикографии древних веков и имеет литературную и лексикографическую ценность. «Даниш-наме-и

Кадархан» является словарем антропоцентрического типа, который дает описание не абстрактной картины, а показывает живой развивающийся язык и стремится отразить важные черты, дать точное представление о лексиконе периода XV века и собрание совокупных знаний, выразившихся в словарных статьях.

2. Становление и развитие персидско-таджикской лексикографии относится к IX-X векам, что связано с развитием дари-персидско-таджикского языка и литературы, с его огромным лексическим фондом и возникшей необходимостью объяснения и интерпретации непонятных слов. Проблема объяснения непонятной лексики стала основным фактором появления лексикографических произведений, которые впоследствии образовали особую отрасль персидско-таджикского языка и литературы – интерпретативную лексикографию.

3. Персидско-таджикская литература Индии классического периода развития языка стала предметом многочисленных исследований в области литературных и языковых аспектов лексикографии классического периода развития языка. История и взаимное влияние обоих языков – персидско-таджикского и хинди – имеет древнюю историю и обусловлена завоеванием арабами огромных территорий и многих стран, а затем – захватами земель персоязычными королевскими династиями. Завоевание Индийского континента персидскими династиями сыграло существенную роль в том, что в последующую эпоху персидско-таджикский язык стал официальным государственным языком на Индийском субконтиненте.

4. Ключевым фактором развития лексикографического мировоззрения в указанную эпоху стало расширение влияния персидско-таджикского языка на Индийском субконтиненте, что привело к развитию актуальных направлений языкознания, а также к необходимости изучения персидско-таджикского языка, обусловившей написание произведений, интерпретирующих персидско-таджикскую лексику для коренного населения этой территории. Согласно классификации, словарь «Даниш-наме-и Кадархан» Ашрафа ибн

Шарафа аль-Музакира аль-Форуки относится к раннему периоду становления персидско-таджикской лексикографии и сыграл важную роль в сложении надежных основ данной области литературы и языкознания, поскольку большинство словарей XIII-XV вв., написанных в Индии, представляли собой не простую интерпретацию лексики, а содержали доступные и всеобъемлющие сведения, вдохновлявшие литераторов этой эпохи к творчеству и познанию.

5. В процессе поиска сведений о «Даниш-наме-и Кадархан» установлено, что почти никакой информации о нем в персидско-таджикской лексикографии, в целом в литературе и языкознании, за исключением нескольких статей таджикских и иранских исследователей, не существует. Сведения из статей Р. Хошима, Ш. Хусейнзода, Н. Гиясова, фундаментальные исследования С.И. Баевского, И. Хокими, Мухаммадтаки Донишпажуха, Н.Рахмонзода сыграли важную роль в знакомстве с изучаемым словарем, однако в статьях и упомянутых исследованиях изложены обзорные и невероятно краткие сведения, которые приводятся благодаря рассмотрению других лексикографических произведений.

6. Единственный экземпляр словаря «Даниш-наме-и Кадархан» хранится в хранилище рукописей Академии наук Республики Азербайджан, а в списке рукописных произведений, несмотря на свое название, он указан под именем «Пехлевийский словарь». Эта рукопись, как уже упоминалось, единственная, и доступ к ней был затруднен, в связи с чем древний словарь долгие годы оставался без должного научного внимания.

7. Архетип словаря хранится в Научно-исследовательском институте рукописей имени А.И. Физули в Азербайджане, и это затруднило его исследование представителями научной сферы других стран. Автор данной диссертационной работы под руководством Н.И. Гиясова подготовила издание в Худжанде в 2013 году факсимильного экземпляра словаря под названием «Даниш-наме-и Кадархан» (с введением и комментариями). Другой рукописи или копии словаря не существует. При обретении факсимильной

копии «Даниш-наме-и Кадархан» были получены сведения об авторе, его псевдониме, месте рождения Ашрафа ибн Шарафа аль-Музаккира аль-Форуки, год написания и причины составления словаря. Полученные сведения могут стать важной основой для дальнейших исследований и прояснить ряд проблем и вопросов в области лексикографии. Следуя древним традициям лексикографии, аль-Форуки назвал свое произведение «Даниш-наме-и Кадархан» и посвятил ее представителю индийской династии Гуридов, Кадархану, сыну Диловархана Гурида. Ссылка автора, данная во введении, указывает, что у аль-Форуки были произведения нескольких персоязычных поэтов – поэмы «Шах-наме» Фирдоуси и «Искандар-наме» и «Шараф-наме» Низами Гянджеви, из которых он подбирал поэтические образцы для пояснения словарной лексики. Из предисловия также ясно, что аль-Форуки в «Даниш-наме-и Кадархан» уделил большое внимание названиям лекарств и медицинским терминам, а также названиям трав, и это является доказательством того, что, наряду с поэзией и литературой, для него представляла несомненный интерес и наука.

8. Одной из причин создания лексикографических произведений в Индии являлся интерес её ученых, литераторов и жителей к произведениям Рудаки, Абушакура Балхи, Фарруха Систани и других выдающихся таджикских поэтов. Особенный интерес вызывали эпические произведения: «Шах-наме» Фирдоуси, «Шараф-наме» и «Искандар-наме» Низами Гянджеви, и этим обусловлен порыв аль-Форуки внести вклад в объяснение трудных и непонятных слов из «Шах-наме». Таджикско-персидская поэзия покорила Индию присущим ей очарованием, величием слова и слога, метрической системой, но, очарованная словами, содержащимися в литературных произведениях и не зная их истинного смысла, Индия оставалась в неведении о подлинной красоте персидского стиха.

9. Согласно авторской ссылке в предисловии к словарю, годом создания словаря «Даниш-наме-и Кадархан» является 21-е число месяца зульхиджа 807 года хиджры, что соответствует 20 июня 1405 года по нынешнему

летоисчислению. В ходе проведенного исследования выяснилось, что сведения о дате составления словаря указываются только в его предисловии, в лексикографических произведениях последующих веков сведений о времени его написания нет.

10. Словарь «Даниш-наме-и Кадархан» начинается с краткого предисловия, объясняющего причину создания словаря. В отличие от словарей, написанных до аль-Форуки, в предисловии к рукописи не упоминаются источники для составления произведения, поэтому невозможно определить его связь с предыдущими толковыми словарями. Словарь «Даниш-наме-и Кадархан» состоит из 22-х глав, и каждая глава связана с названием конкретной буквы. Лексикографическая особенность «Данишнаме-и Кадархан» состоит в том, что в словаре нет глав и лексических единиц с буквами «са мусаллас», «хутти», «изги», «итки», «зод», «сод». Другими словами, автор не нашел слов, оканчивающихся на эти буквы. Всего в исследуемом словаре нашли объяснение 2 419 слов.

11. На составление «Даниш-наме-и Кадархан» повлияли два метода лексикографии, которые были известны до него: лексикографический подход, примененный в «Мукаддимат-ул-адаб» Джаруллахом Замахшари, который еще до аль-Форуки использовал его в словаре «Фахри Каввас», составленном в Индии. Также ощущается существенное влияние на «Даниш-наме-и Кадархан» самого древнего словаря персидско-таджикской литературы - «Лугати фурс» Асади Туси, который состоит из введения и глав, составленных согласно последней букве слова, – характерной черте древних словарей. Наряду с этим, аль-Форуки попытался своим произведением внести ясность и устранить некоторые недостатки, имевшиеся в словаре «Фарханг-и Каввас» Фахри Кавваса.

12. Автор умалчивает об источниках словаря и лишь указывает, что написал это произведение для толкования трудной лексики из «Шах-наме» Фирдоуси и «Искандар-наме» Низами Гянджеви, однако очевидно, что он приводил поэтические образцы из множества известных ему поэтических

произведений. В ходе исследования установлено, что автор словаря использовал авторитетные древние словари: «Мукаддимат-уль-адаб» Замахшари, «Лугати фурс» Асади Туси и «Фарханг-и Каввас» Фахри Кавваса. Слова, относящиеся к медицинской терминологии и анатомии, которые объясняются в исследуемом словаре, собраны в персидских произведениях Исмаила Джурджани и Хакима Майсари.

13. Исследование словаря «Даниш-наме-и Кадархан» показало, что 2 419 слов и словосочетаний, собранных в словаре, имеют разное происхождение, а лексические единицы разделены на две группы – исконно таджикские слова и заимствованная лексика. Основную часть словарных единиц «Даниш-наме-и Кадархан» составляют слова и словосочетания исконно таджикского происхождения, которые изучались также согласно степени их употребления в современном таджикском языке. Остальные слова заимствованы из арабского, арамейского, хинди, греческого, латинского языков. Латинские и греческие заимствования вошли в словарь главным образом через арабский язык. Арабские заимствования исследуются с точки зрения их наличия в словарных единицах и в пояснительной части словаря.

14. Лексические группы «Даниш-наме-и Кадархана» несколько отличаются от тематики предшествующих трудов, написанных до аль-Форуки. В исследуемом произведении, несмотря на его назначение как словаря, толкующего трудную поэтическую лексику, есть лексические группы, являющиеся специальными медицинскими терминами, фитонимами, зоонимами, астрологическими терминами, а также относящимися к пище, топонимам, вследствие этого проведен сравнительный анализ на предмет их наличия в предшествующих словарях. Все упомянутые лексические группы были классифицированы по принадлежности к той или иной жизненной сфере. В словаре исследованы имена собственные, топонимы, гидронимы, которые в сравнении с другими древними словарями малочисленны. Классификация лексических групп включает множество лексических единиц, что свидетельствует о широком и зрелом мировоззрении автора.

15. Изучение лексической группы фитонимов из словаря «Даниш-наме-и Кадархан» показало, что его можно назвать одним из первых филологических трудов персидско-таджикской литературы, в котором 409 словарных единиц посвящены флоре – лекарственным растениям, злакам, овощам и фруктам. Характерной особенностью данной лексической группы является наличие в пояснительной части индийских слов, приведенных автором с целью облегчить толкование словарной статьи.

16. Лексическая группа медицинских терминов является самой обширной в словаре и содержит словарные единицы, связанные с описанием анатомии человека, названиями болезней, их симптомов, а также терапии, фитотерапии, физических состояний человека. Этой группе лексики присущи краткость и лаконичность, кроме того, у них имеется множество синонимов, расположенных автором в отдельных статьях.

17. Исследование зоонимов, астрологической терминологии, лексики, относящейся к пище, показало, что аль-Форуки обладал обширными лексикографическими познаниями в этих областях, переданными им в словаре. В целом указанные лексические группы относительно немногочисленные по сравнению с остальными лексическими группами, закономерно дополняют словарь и подтверждают его ценность как неотъемлемой части, сохранившей черты истории и развития древнего таджикско-персидского языка, дополняющей целостную языковую картину XV века на Индийском субконтиненте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

I. ИСТОЧНИКИ

На таджикском языке:

1. Даниш-наме-и Кадархан (“Донишномаи Кадархон”), рукопись хранится в городе Баку. Описание рукописи от М. Мамедова, 1961 с.
2. Ал-Форуқӣ Ашраф ибн Шараф ал-Музаққир. Донишномаи Қадархон (Матни факсимиле) / Фароҳамоварандағони матн, муаллифони муқаддима ва тавзеҳот Н.И. Ғиёсов ва Р.А. Низомидинова. – Хучанд: Ношир, 2013. – 300 с.
3. Асадии Тӯсӣ. Луғати фурс [Матн] / Муқаддима, тасҳеҳ, таълиқот, ҳошия, луғот ва феҳристи Нурулло Ғиёсов. – Хучанд: Нури маърифат, 2015. – 492 с.
4. Берунӣ Абдурайҳон. Ас-Сайдона фи-т-тиб. Тарҷумаи форсии Абубакр ибни Алӣ ибни Усмон Исфар Ал-Косонӣ (а.ХII мелодӣ) / Таҳияи матн ва пешгуфтори н.и.филол. Аҳмад Ҳочизодаи Мадрушкатӣ. – Душанбе: Дониш, 2017, ҷ. 1. – 502 с.
5. Муҳаммад, Ғ. Ғиёс-ул-луғот [Матн] / Ғ.Муҳаммад. – Душанбе: Адиб, 1987, 1988. Ҷ.1.2. – 480 с.
6. Муҳаммадхусайн, Б. Бурҳони қотеъ [Матн] / Б.Муҳаммадхусайн. Ҷилди 2. - Душанбе: Адиб, 1993. – 416 с.
7. Наҳҷувонӣ, Муҳаммад ибни Ҳиндушоҳ. Сихоҳ-ул-фурс / Пешгуфтор, таҳия матн ва феҳристи алифбои луғот Ғ. Мирзоев. – Душанбе: Гулнақш, 2023. – 405 с.
8. Ғиёсова Ф.Н. Мақоми Балёнӣ дар адабиёт ва фарҳангшиносии тоҷик / Балёнӣ, Тақиуддин. Сурмаи сулаймонӣ. – Хучанд: Нури маърифат, 2006. – С. 376-400.
9. Ғиёсова Ф.Н. Усули ташреҳи шакли воҳидҳои лексикӣ дар фарҳангҳои қарни XVII. – Хучанд: Нури маърифат, 2005 – С.68.
10. Еба[b, {офиз. Те[фат-ул-а[боб / {озиркунандаи нашр ва муаллифи мугаддима, тавзе[от, илова ва фе[раст[о {афиз Рауфзода. – Душанбе: Ирфон, 1992. – 288 с.

На персидском языке:

11. لغت فرس. به تصحيح سياقى دبیر. - تهران: کتابخانهء تهورى، ۱۹۵۷. - ۲۱۰. اسدى طوسى
12. اسدى طوسى. لغت فرس. به تصحيح فتح الله مجتبای و على اشرف صادقى. - تهران: انتشارات خوارزمى، ۱۳۶۵. - ۲۴۷ ص
13. اسدى طوسى ابو منصور على ابن احمد. لغت فرس. / به تصحيح و اهتمام عباس اقبال. - تهران، 1319. - 400 ص
- / Ба тасҳеҳ ва .Асадии Тӯсӣ Абӯмансур Алӣ ибн Аҳмад. Луғати фурс [Матн] эҳтимоми Аббоси Иқбол. – Техрон, 1319 ш. – 400 с.
14. انجوى شيرازى، مير جمال الدين حسين ابن فخر الدين حسن. فرهنگ جهانگيرى. / انجوى شيرازى، مير جمال الدين حسين ابن فخر الدين حسن. ورستهء دكتور رحيمى عفيفى. در دو مجلد. جلد اول. - مشهد، 1359 ح.ش. - 1334 ص.
- Инчуи Шерозӣ, Мир Чамолуддин Ҳусайн ибн Фаҳруддин Ҳасан. Фарҳанги Чаҳонгирӣ/ Инчуи Шерозӣ, Мир Чамолуддин Ҳусайн ибн Фаҳруддин Ҳасан. Вирастаи дуктур Раҳими Афифӣ. Дар ду мучаллад. Қилди аввал. – Машҳад, 1359 ҳ.ш.-1334с.
15. بدر الدين ابراهم. فرهنگنامهء زفان گویا و جهانگویا./به کوشش دكتور حبيب الله طالبى. - مؤسسهء فرهنگى. و انتشارات پازينه، 1381. - 524 ص.
- 16.Бадруддин Иброҳим. Фарҳангномаи зафонгӯё ё ва чаҳонпӯё / Ба кӯшиши дуктур Ҳабибуллоҳи Толибӣ. – Техрон: Муассисаи фарҳангӣ ва интишороти Позина, 1381. – 524 с.
17. تتوى عبد الرشيد ابن المدنى. معربات الرشيدى. با اهتمام محمد عباس. - تهران: خرسيد. - 1337. - 75ص.
- Таттави Абдуррашид ибн Абдулғафур ал-Мадани. Муарработи Рашидӣ. Бо кӯшиши Муҳаммада Аббосӣ. – Техрон, 1337 с. Нашриёти Хуршедӣ. – 75 с. (Замима ба «Фарҳанги Рашидӣ»).
- 18.دهخدا، على اكبر. لغت نامه. - تهران: چاپخانهء مجلس، ص. 1325 - 1345. دهخودو، علياکبار. Луғатнома[Матн]. - Техрон: Чопхонаи Маҷлис, 1325-1345.
19. دهلوى، حاجب حيرت. دستور الافاضل. / حاجب حيرت دهلوى. به اهتمام دكتور نضير احمد. - تهران: بنياد. فرهنگ ايران، 1352. - 262 ص.

Дехлавӣ, Ҳоҷиби Хайрот. Дастур-ул-афозил/ Ҳоҷиби Хайрот Дехлавӣ / Ба эҳтимоми дуктур Назир Аҳмад.-Техрон: Бунёди фарҳанги Эрон, 1352.-262с.

20. زمخشرى، جار الله. مقدمة الادب. به كوشش م. محقق. – تهران: انتشارات انجمن تدوين زبان و ادبيات فارسی، 1354. – 571 ص.

Замахшарӣ, Ҷоруллоҳ. Муқаддимат-ул-адаб / Ба кӯшиши М.Муҳаққиқ. – Техрон: Интишороти Анҷумани тадвини забон ва адабиёти форсӣ, 1354. – 571 с.

21. نفيسى، سعيد. فرهنگهای پارسی. / برهان قاطع به اهتمام دکتر موين. – تهران: انتشارات امير کبير، ۱۳۵۷. – 64-77 ص.

22. فرهنگ لغت و تعبرات مثنوی. گردآورنده گوهرین سید صادق. – تهران، 1362 ش. – در 9 جلد.

23. قواس غزنوی، فخر الدین مبارک شاه. فرهنگ قواس. / با اهتمام نضیر احمد، 1353. – 280 ص.

Қаввоси Ғазнавӣ Фаҳруддин Муборақшоҳ. Фарҳанги Қаввос / Бо эҳтимоми Назир Аҳмад. Техрон, 1353. – 280 с.

24. المعجم فى معاير اشعار العجم. به تصحيح الامهء فقيد محمد بن عبد الوهاب كزوينى، با مقابله با شش نسخه خطى قديمى و تصحيح مدرس رضوى. – تهران (بدون سال نشر).

«Ал-Муъҷам фи маоири ашъор-ил-Аҷам» / Ба тасҳеҳи алломаи фақид Муҳаммад бинни Абдулваҳҳоби Қазвинӣ, бо муқобила бо шаш нусхаи хаттии қадимӣ ва тасҳеҳи Мударрисӣ Разаваӣ – Техрон (бидуни соли нашр).

25. Ҷорутӣ Абӯало Абдулмуъмин маъруф ба Сафии Қаҳҳол. Маҷмуат-ул-фурс / Тасҳеҳ ва шарҳи вожаҳои дуктур Азизуллоҳи Ҷувайнӣ. – Техрон, 1378 (х). – 358 с.

II. Словари:

На таджикском языке:

26. Бобомуродов Ш., Мухторов З. Фарҳанги истилоҳоти забоншиносӣ [Матн] / Ш. Бобомуродов, З. Мухторов. – Душанбе, 2016. – 428 с.

27. Сулаймонӣ, Саидрахмон. Фарҳанги арабӣ-тоҷикӣ [Матн] Дар 2 ҷилд. Саидрахмон Сулаймонӣ. – Душанбе: ЭР-граф, 2005. Ҷ.1. – 1046 с.

28. Сулаймонӣ, Саидрахмон. Фарҳанги арабӣ-тоҷикӣ [Матн] / Дар 2 ҷилд. Саидрахмон Сулаймонӣ. – Душанбе: ЭР-граф, 2005. Ҷ.2. – 1208 с.

29. Фарҳанги забони тоҷикӣ (аз асри X то ибтидои асри XX). Иборат аз 2 ҷилд. Ҷ.I. А – О. Дар зери таҳрири М.Ш. Шукуров, В.А. Капранов, Р.Ҳошим, Н.А. Маъсумӣ. – Москва: Советская энциклопедия, 1969. – 952 с.
30. Фарҳанги забони тоҷикӣ (аз асри X то ибтидои асри XX). Иборат аз 2 ҷилд. Ҷ.II. Дар зери таҳрири М.Ш. Шукуров, В.А. Капранов, Р.Ҳошим, Н.А. Маъсумӣ. Москва: Советская энциклопедия, 1969. – 948 с.
31. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ. Иборат аз 2 ҷилд. Ҷ.I. А-Н. Зери таҳрири Сайфиддин Анчуманода ва диг. – Душанбе: Пажӯҳишгоҳи забон ва адабиёти Рӯдакӣ, 2008. – 950 с.
32. Фарҳанги тафсири забони тоҷикӣ. Иборат аз 2 ҷилд. Ҷ. II. О - Я. Зери таҳрири Сайфиддин Назарзода ва диг. – Душанбе: Пажӯҳишгоҳи забон ва адабиёти Рӯдакӣ, 2008. – 945 с.
33. Энциклопедияи советии тоҷик. Сармуҳаррири илмӣ М.Осимӣ. Ҷ.8. – Душанбе: СИЭСТ, 1988. – 592 с.
34. Энциклопедияи советии тоҷик. Сармуҳаррири илмӣ М.Осимӣ. Ҷ.2. - Душанбе: СИЭСТ, 1980. – 640 с.
35. Энциклопедияи советии тоҷик. Сармуҳаррири илмӣ М.Осимӣ. Ҷ.1. – Душанбе: СИЭСТ, 1978. – 672 с.
36. Энциклопедияи адабиёт ва санъати тоҷик. Ҷ.1. – Душанбе: СИЭСТ, 1988. – 544 с.

На персидском языке:

37. نقوی، شهریار. فرهنگ نویسی فارسی در هند و پاکستان. – تهران: انتشارات ایدارهء کلی وزارت فرهنگ، 1345ش. – 341ص.
- Нақавӣ .Ш. Фарҳангнавиши форси дар Ҳинд ва Покистон. – Техрон, 1345, 341 С.)
38. دهخدا، علی اکبر. جلد های 1-14. – تهران، 1372-1373.
- (Деххудо, А. Луғатнома. Ҷилдҳои 1-14. – Техрон, 1372-1373.)
39. محمد معین، فرهنگ فارسی. / معین محمد. – تهران: سپهر، 1375، جلد2. – 2074ص.
- (Муин, М. Фарҳанги форсӣ / М.Муин. – Техрон: Сипехр, 1375 ш., Ҷилди 2. – 2074 с.)

40. نصیری، محمد رضا و عبد الجمیل. فرهنگ نصیری (ترکی، چغتایی، رومی، قزلباشی، روسی و قلماقی. به فارسی) به کوشش دکتور حسن جوادی و دکتور ویلیام فلار. – تهران: کتابخانهء موزه و مرکز اسناد مجلس شورای اسلامی، 1392. – 354 ص.
- (Насирӣ, М. ва Абдулчамил. Фарҳанги Насирӣ (туркии чағатой, румӣ, қизилбошӣ, русӣ ва қалмоқӣ ба форсӣ). Ба кӯшиши д-р Ҳасан Ҷаводӣ ва д-р Вилям Флор. – Техрон: Китобхона-осорхона ва Маркази асноди Маҷлиси шурои исломӣ, 1392. – 354 с.)
41. جهانی الحی عبد حسین حاشیة و ترجمه. فارسی-چغتایی فرهنگ. البخاری اوزبکی افندی سلیمان شیخ. ص 395. هـ 1392 دینیزچین، انتشارات: تبریز. – اوّل چاپ.
- (Шайх Сулаймон Афандии Ўзбакии ал-Бухорӣ. Фарҳанги чағатой-форсӣ. Тарҷума ва ҳошияи Ҳусайн Абдулҳайи Ҷаҳонӣ. Чопи аввал. – Табрез: Интишороти Денизчин, 1392 ҳ. – 395 с.)
42. سروری، محمد قاصم ابن حاجی محمد کاشانی. فرهنگ مجمع الفرس، در سه مجلد. / به کوشش محمد دبیر. سیاقی. – تهران. – 1341ش. – 1657ص.
- Сурурӣ, Муҳаммадқосим ибни Ҳоҷӣ Муҳаммади Кошонӣ. Фарҳанги Маҷмаъ-ул-фурс, дар се мучаллад - Ба кӯшиши Муҳаммад Дабири Сиёқӣ. - Техрон - 1341ш. - 1657с.
43. فخری اسفهانى، شمصالدین محمد. معیار جمالی. / به سعی و اهتمام کرل زلیمن. – قران، 1303هـ. / 1885. – 193 ص.
- Фахрии Исфаҳонӣ Шамсиддин Муҳаммад. Меъёри Ҷамолӣ [Матн] / Ба саъй ва эҳтимоми Карл Залеман. Қазон, 1303ҳ/1885. 193 с.

На русском:

44. Крысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. – Москва: Эксмо, 2008. – 944 с. – EDN VYLFVR.
45. Лопатин, В. В. Русский толковый словарь / В. В. Лопатин. – М.: Эксмо, 2006. – 928 с.
46. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1997. – 1202 с. – EDN RXPFZJ.
47. Русско-таджикский словарь. – М.: Русский язык, 1985. - 1280 с.

48. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х томах. Т. 4. – М.: Прогресс, 1987. - 864 с.

III. Книги и диссертации:

На кириллице:

49. Абдуллозода Х.Ф. Абумахмуди Хучандӣ ва таърихи астрономияи халқи тоҷик / Х.Ф. Абдуллозода - Хучанд: Нури маърифат, 2005. - 440 с.
50. Абуали ибн Сина. Книга знаний. – М.: Эксмо-Пресс, 1999. – 752 с.
51. Абуали ибн Сина. Канон врачебной науки. – М.: Амрита, 2007. В 10 томах.
52. Байзоев, А.М. Истилоҳот ва калимасозӣ дар «Донишнома»-и Абӯалӣ ибни Сино [Матн] / А.М. Байзоев. – Душанбе: Андалеб-Р, 2016. – 196 с.
53. Алаев Л.Б. Средневековая Индия. – СПб.: - Алатайя, 2003. – 304 с.
54. Баҳриддинов Д. «Чароғи ҳидоят»-и Орзу ва забони тоҷикии форсӣ. – Душанбе: Дониш, 1992. – 105 с.
55. Бобоев Х. Нигорише андар нучум. - Душанбе: Маориф, 2000. - 160 с.
56. Воҳидов. А. Аз таърихи луғатнависии тоҷику форс. - Самарқанд, 1980, с.57
57. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик [Матн]: Фонетика ва морфология. Ҷ.1. / Муҳаррирони масъул Ш. Рустамов ва Р. Ғаффоров. – Душанбе: Дониш, 1985. –352 с.
58. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик [Матн]: Ибора ва синтаксиси ҷумлаи сода. Ҷ.2. / Муҳаррирони масъул Ш. Рустамов ва Р. Ғаффоров. – Душанбе: Дониш, 1986. –372 с.
59. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик [Матн]: Ҷумлаҳои мураккаб. Ҷ.3. / Муҳаррирони масъул Ш. Рустамов ва Б. Камолиддинов. – Душанбе: Дониш, 1989. –224 с.
60. Ғиёсов Н. Сӣ мақола [Матн] Н. Ғиёсов. – Хучанд: Нури маърифат, 2014. – 300 с.
61. Ғиёсов Н., Нуруллозода Ф. Масоили назария ва амалияи фарҳангшиносии форсӣ-тоҷикӣ. – Хучанд: Хуросон, 2024 – 387 С.
62. Ғиёсов Н. Муқаддимаи забоншиносӣ / Н. Ғиёсов. – Хучанд: Нури маърифат, 2019. – 348 С.

63. Дадохонов, М., Ҳасанов, А. Мухтасаре аз таҳқиқи таърихи забони адабии классикӣ (аз аҳди Сомониён то ибтидои асри XX) [Матн] / М. Дадохонов, А. Ҳасанов. – Хучанд, 1999. – 96 с.
64. Джабборова М.Т. Вариативность лексики в переводных произведениях X века (материалах перевода «Тафсири Табари» и «Таърихи Табари» Балами.- Худжанд: Меродж, 2014. - 157 с.
65. Забони адабии ҳозираи тоҷик [Матн]: Лексикология, фонетика ва морфология. Зери таҳрири профессор Б. Ниёзмухаммадов. – Душанбе: Ирфон, 1973. – 463 с.
66. Забони адабии ҳозираи тоҷик [Матн]: Лексикология. Фонетика. Морфология. Қисми 1. Мухаррири махсус: Ш.Рустамов. – Душанбе: Маориф, 1982. – 462 с.
67. Камолиддинов Баҳриддин. Ҳусни баён [Матн] / Баҳриддин Камолиддинов. – Душанбе: Маориф, 1989. – 118 с.
68. Қосимова М. Таърихи забони адабии тоҷик [Матн] / Мукаррама Қосимова. – Душанбе, 2003. – 490 с.
69. Мамадназаров А. Луғатнигории муқоисавии забонҳои англисӣ ва тоҷикӣ. – Душанбе: Эр-граф, 2023. – 496 с.
70. Мамадназаров А. Назаре ба фарҳангҳои муосири тафсирии забони тоҷикӣ. – Душанбе: Эр-граф, 2018. – 44 с.
71. Назарзода С. ташаккули истилоҳоти иҷтимоӣ-сиёсии забони тоҷикӣ дар садаи XX. – Душанбе: Дониш, 2004. – 302 с.
72. Насриддинов А. «Шамс-ул-луғот» ва аҳамияти он барои луғатшиносии тоҷик. – Душанбе: Ирфон, 1982.
73. Насриддинов А. Шарҳнависӣ дар таърихи адабиёти форсу тоҷик. - Хучанд: Раҳим Ҷалил, - 2000. Ҷ.1. – 254 с.
74. Насриддинов А. Шарҳнависӣ дар таърихи адабиёти форсу тоҷик. - Хучанд: Раҳим Ҷалил, - 2001. Ҷ.2. – 264 с.
75. Отахонова А. «Фарҳангнома»-и Ҳусайн Вафой. – Душанбе: Дониш, 1986. – 123 с.

76. Рауфов Ҳ. «Фарҳанги Ҷаҳонгирӣ» ҳамчун сарчашмаи лексикографияи тоҷику форс. - Душанбе: Дониш, 1973. - 180 с.
77. Раҳмон, Эмомалӣ. Забони миллат – ҳастии миллат [Матн] / Эмомалӣ Раҳмон. – Душанбе: Эр-граф, 2006. – 516 с.
78. Раҳмонзода Нуроншоҳ. Хусусиятҳои лексикӣ ва лексикографияи луғатномаҳои аввалин дар Ҳиндустони Шимолӣ. Дисс. ...номзади илмҳои филол. – Душанбе, 2021. – 157 с.
79. Рустамов Шарофиддин. Забон ва замон [Матн] / Ш.Рустамов. – Душанбе: Ирфон, 1981. – 256 с.
80. Рустамов Ш.Р. «Шарафномаи Маняри» - фарҳанги тафсирии садаи XV (ҷанбаҳои адабӣ-матншиносӣ). Рисолаи номзади илмҳои филология. – Хучанд, 2004, с. 31.
81. Саидов С. «Фарҳанги Қаввос» сарчашмаи суҳаншиносӣ. - Хучанд, 1993. -49 с.
82. Сатторова М.А. Хусусиятҳои фарҳангшиносии форсу тоҷик дар нимаи дувуми асри XIX ва аввали асри XX (дар мисоли «Фарҳанги Низом»). Рисола...номзади илмҳои филологӣ. – Хучанд, 2004. – 146 с.
83. Саймиддинов, Д. Вожашиносии забони форсии миёна [Матн] / Д.Саймиддинов. – Душанбе: Пайванд, 2001. – 310 с.
84. Сулаймонов С. Чӣхил мақола. – Душанбе-Принт, 2017. 685 с.
85. Халидов А.Б. Словари Исхака Ал-Фараби и Махмуда Ал-Кашгари (из истории лексикографии в Средней Азии X-XI вв). Серия: Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Часть IV/ А.Б. Халидов. – М.: ГРВЛ, 1987. – 67 с.
86. Хоҷаев, Д. Афкори забоншиносии тоҷик дар асрҳои X-XVI [Матн] / Д.Хоҷаев. – Душанбе: Маориф ва фарҳанг, 2013. – 344 с.
87. Ҳочизода А. Андешаҳо перомунӣ ниёкон (маҷмуаи мақолаҳо)/А. Ҳочизода – Душанбе, 2019. – 267 с.
88. Фарҳанги забони тоҷикӣ ва дурнамои фарҳангшинории дар Тоҷикистон. – Душанбе: МН Дониш, 2019. – 536 с.

89. Шукуров Муҳаммадҷон. Забони мо ҳастии мост [Матн] / Муҳаммадҷон Шукуров. – Душанбе, 1991. – 231 с.

На персидском:

90. بهار، محمد تقى. سبکسناسى يا تاريخ تطور نثر فارسى. – بهار، محمد تقى. – تهران: زوار، 1381. ج. 1. ص. 496 – 436 ص. 2. ؛ - 440 ص.

(Баҳор, М.Т. Сабкшиносӣ ё таърихи татаввури насри форсӣ [Матн] / М.Т. Баҳор. - Техрон: Заввор, 1381. Ҷ.1. – 496 с.; Ҷ.2. – 436 с.; Ҷ.3. - 440 с.)

- ص 367-1370. حیدرى، چاپخانه: ايران. خانلرى پ، / [متن] فارسى زبان دستور. پ خانلرى، 91. (Хонларӣ, П. Дастури забони форсӣ [Матн] / П.Хонларӣ. – Эрон: Чопхонаи Ҳайдарӣ, - 1370. - 367 с.)

- 408-2. جلد 1377. فردوس، انتشارات: تهران. خانلرى پ، / [متن] فارسى زبان تاريخ. پ خانلرى، 92. ص 490-3. جلد ص.

(Хонларӣ, П. Таърихи забони форсӣ [Матн] / П.Хонларӣ. – Техрон: Интишороти Фирдавс, - 1377ш. Ҷилди 2. - 408 с.; Ҷилди 3. – 490 с.)

1096. 1364. تهران، - سوم چاپ. فروخ همایون. ع / [متن] فارسى زبان جامع دستور. ع فروخ، همایون. 93. ص.

(Ҳумоюнфарруҳ, А. Дастури ҷомеи забони форсӣ [Матн] / А.Ҳумоюнфарруҳ. Чопи сеум. - Техрон, 1364. - 1096 с.)

На русском:

94. Азизова, М. Х. Функционирование медицинских терминов в таджикском и английском языках (на материале названий болезней): дисс. на соискание звания канд. фил. наук / Азизова Мастона Хамидовна, 2016. – 162 с.

95. Ахадов А. «Фарханг-и Рашиди» - лексикографическое произведение. – Душанбе: Дониш, 1981. – 121 с.

96. Ахмедов М. Толковый словарь Садриддина Айни и его лексикографические особенности: специальность 10.02.22 "Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (с указанием конкретного языка или языковой семьи)": диссертация на соискание ученой

- степени кандидата филологических наук / Ахмедов Мирзохабиб. – Худжанд, 2002. – 181 с.
97. Баевский С.И. Ранняя персидская лексикография. XI–XV. М.: Наука, 1989. 166 с.
98. Баевский, С.И. Описание персидских рукописей Института народов Азии. (Выпуск 4). Персидские толковые словари (фарханги). - М., 1962. - 85 с.
99. Боровков А.К. «Бада'и ал-лугат» словарь Тали Имани Гератского. - М.: Наука, 1961. - 210с.
100. Виноградов, В.В. Лексикология и лексикография: Избранные труды [Текст] / В.В. Виноградов. – Москва: Наука, 1977. – 312 с.
101. Каландаров Сарабек Давлатерович. Арабские заимствованные слова в «Наводир-ул-вакое» Ахмада Дониша [Текст]: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук (спец.10.02.22) / Сарабек Давлатерович Каландаров. – Душанбе, 2006. – 181 с.
102. Капранов, В.А. Таджикско-персидская лексикография в Индии XVI-XIX вв. монография / В.А. Капранов. - Душанбе: Дониш, 1987. – 224 с.
103. Капранов В.А. «Лугати фурс» Асади Туси и его место в истории таджикской (фарси) лексикографии, Душанбе, 1964, стр. 28-30.
104. Коробейникова, О. В. Принципы построения английских толково-энциклопедических словарей (на материале словарей цитат и словарей языка писателей): специальность 10.02.04 "Германские языки": дисс. на соискание ученой степени канд. Фил. наук / Коробейникова Ольга Викторовна. – Иваново, 2007. – 191 с.
105. Кузнецова, У.К. Лексикографические основы составления англоязычного словаря тувинской культуры: специальность 10.02.04 "Германские языки": дисс. на соискание ученой степени канд. фил. наук / Кузнецова Улана Кадыровна. – Санкт-Петербург, 2005. – 210 с.
106. Летова, А. М. Семантические особенности фитонимов в русском фольклоре: специальность 10.02.01 "Русский язык": дисс. на соискание ученой степени канд. фил. наук / Летова Анна Михайловна. – Москва, 2012. – 198 с.

107. Мамадназаров А. Становление и развития таджикской переводной лексикографии XX и начало XXI вв. – Душанбе: Эр-граф, 2016. – 416 с.
108. Мардони Тоджиддин Нуриддин. Влияние арабской поэзии на творчество персидско-таджикских поэтов XI-XII вв. [Текст]: дисс на соискание ученой степени докт. фил. наук (спец.10.01.03] / Тоджиддин Нуриддин Мардони. – Душанбе, 2006. – 344 с.
109. Меликян, Гурген Врежович. Парные словосочетания в современном персидском языке [Текст]: дисс. на соискание ученой степени канд. фил. наук / Гурген Врежович Меликян. –Ереван, 1984. –110 с.
110. Морковкин, В.В. Основы теории учебной лексикографии / В.В. Морковкин. - М., 1990.- 289 с.
111. Морковкин, В.В. Антропоцентрический и лингвоцентрический подход к лексикографированию// Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. - М.: Наука, 1988. - С. 131-136.
112. Наджотов, Абдулмуте Абдулкосимович. Таджикско-персидские заимствования в сочинениях по арабскому языкознанию: на основе книги ас-Суюти «ал-Музхир» [Текст]: дисс. на соискание ученой степени канд. фил. наук (спец.10.02.22] / Абдулмуте Абдулкосимович Наджотов. – Душанбе, 2011. –206 с.
113. Насруллоев, Мухаммад Нуриллоевич. Арабские заимствования в прозе Убайда Зокони [Текст]: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук (спец.10.02.22] / Насруллоев Мухаммад Нуриллоевич. – Душанбе, 2010. –161 с.
114. Очилова М.И. Ал-Кашшаф Джаруллаха Махмуда Замахшари и проблемы становления персидско-арабской экзегетики: специальность 10.01.08. Теория литературы. Текстология. дисс. на соискание ученой степени доктора филологических наук/ Очилова М.И. – Душанбе, 2022, 340 с.
115. Пейсиков Л.С. Очерки по словообразованию персидского языка [Текст] / Л.С. Пейсиков. –Москва: Издат. Московского Университета. 1973. –198 с.
116. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. – М, 1976. - 616 с.

117. Рубинчик, Ю.А. Типы семантических изменений арабских заимствований в персидском языке // Иранское языкознание: История, этимология, типология. // К 75 - летию проф. В.И. Абаева. – М.: Наука, 1976. – 208 с.
118. Табаси Амир. Влияние арабской грамматики на грамматику персидского языка [Текст]: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук (спец.10.02.22] / Амир Табаси. – Душанбе, 2013.–152 с.
119. Трафименкова, Т.А. Терминология болезней как объект ономазиологического, семантико-парадигматического и лексикографического исследования: специальность 10.02.01 "Русский язык": диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Трафименкова Татьяна Александровна. – Брянск, 2008. – 401 с. – EDN NPPYCF.
120. Филин Ф.П. Очерки по теории языкознания. - М.: Наука, 1982. - 336 с.
121. Ходжаева, М. О. Фонетико-лексические интерпретации в персидско-таджикских толковых словарях XIV -XVII вв: специальность 10.02.22 «Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (с указанием конкретного языка или языковой семьи)»: дисс. на соискание ученой степени канд. фил. наук / Ходжаева Мукаддас Олимовна. – Худжанд, 2012. – 172 с.
122. Ходжиев А. Лексикографическое сочинение Абу-л-Фадла ал-Майдани «ас-Сами фи-л-асами». - Душанбе: Изд-во Деваштич,2003.- 144с.
123. Шестакова, Н. А. Архаическая лексика современного русского языка по данным толковых словарей XVIII-XX вв: специальность 10.02.01 «Русский язык»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Шестакова Наталья Алексеевна. – Брянск, 1999. – 309 с. –
124. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. - Л.: Наука, 1974. - 428 с.
125. Юсупов, А. И. Медицинские термины «Хидоят-ул-мутааллимин фи-т-тиб» Ахвайни Бухорои: специальность 10.02.22 «Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (с указанием

конкретного языка или языковой семьи)»: дисс. на соискание ученой степени канд. фил. наук / Юсупов Абдулло Исмоилович. – Душанбе, 2004. – 217 с.

IV. Авторефераты:

На русском:

126. и А. Структурно-семантическая характеристика лексики «Гиёс ал-луғот». Автореф. дис...канд. фил. наук. - Душанбе: 1975. – 33 с.
127. Гиясова Ф.Н. Способы описания форм и приёмов толкования лексических единиц в персидско-таджикских словарях XVII в. автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. фил. наук. – Худжанд, 2006. – 27 с.
128. Касымова, М. Д. Структура, особенности и место "Словаря таджикского языка" в таджикской лексикографии XX века: специальность 10.02.22 "Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (с указанием конкретного языка или языковой семьи)": автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. фил. наук / Касымова Мархабо Джурабоевна. – Душанбе, 2013. – 23 с.
129. Каримходжаева Р.Д. Интерпретация путей стяжения слов в «Гиёс-ул-луғот» Мухаммада Гиясуддина Ромпури. автореф. дис...канд. филол. н.- Худжанд, 2006.- 25с.
130. Кузнецова, У. К. Лексикографические основы составления англоязычного словаря тувинской культуры: специальность 10.02.04 "Германские языки": автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. фил. наук / Кузнецова Улана Кадыровна. – Санкт-Петербург, 2005. – 23 с.
131. Летова, А. М. Семантические особенности фитонимов в русском фольклоре: специальность 10.02.01 "Русский язык": автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. фил. наук / Летова Анна Михайловна. – Москва, 2012. – 22 с.
132. Мирзоёров, Ф. Н. Грамматические комментарии в таджикских толковых словарях XVI-XIX вв: специальность 10.02.22 «Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (с указанием конкретного языка или языковой семьи)»: автореф. дисс. на соискание ученой

- степени канд. фил. наук / Мирзоёров Фирдавс Ниёзович. – Душанбе, 2011. – 22 с.
133. Насриддинов А. Толковый словарь «Шамс-ул-лугот» (источники, лексика, лексикографические особенности). Автореф. дис...канд. филол. н. - Душанбе: 1982. - 22с.
134. Никитин, О. В. Очерки по истории русской лексикографии первой половины XX века (толковые словари) / О. В. Никитин. – Славянск-на-Кубани: Издательский центр филиала КубГУ в г. Славянске-на-Кубани, 2012. – 232 с.
135. Саидов, С. Персидские толковые словари XI-XIV вв. и проблема критики художественного текста: специальность 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы)»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Саидов Саидумрон. – Худжанд, 1996. – 18 с.
136. Ссори́на, М. С. Культурологический комментарий как средство лексикографирования национальной специфики в словаре языка и культуры: специальность 10.02.19 «Теория языка»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ссори́на Мария Сергеевна. – Ярославль, 2011. – 22 с.
137. Тихонова, М. А. Аксиология в контексте лексикографии (модель «Словаря оценочной лексики русского языка»): специальность 10.02.01 «Русский язык»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Тихонова Мария Александровна. – Москва, 2016. – 22 с.
138. Трофименкова, Т.А. Терминология болезней как объект ономазиологического, семантико-парадигматического и лексикографического исследования: специальность 10.02.01 «Русский язык»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Трофименкова Татьяна Александровна. – Орел, 2008. – 20 с.

139. Урунова М. Лексикографические особенности «Бахори борон» - комментария «Гулистон» Мухаммада Гиёсиддина Ромпури. Автореф. дис...канд. филол. н.- Душанбе: 1993. – 17 с.
140. Ходжаева М.О. Фонетико-лексические интерпретации в персидско-таджикских словарях XIV-XVII вв. Автореф. дисс. канд. филол. н. – Худжанд, 201. – 26 с.
141. Шукурова, М. Н. Компаративная фразеология в толковом словаре (на материале русского языка): специальность 10.02.01 «Русский язык»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Шукурова Мархабо Нарзуллаевна. – Баку, 1992. – 15 с.
142. Юнусова, Г. С. Толковый словарь таджикского языка (2008; 2010) и толкование русско-интернациональной лексики: специальность 10.02.22 «Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (с указанием конкретного языка или языковой семьи)»: автореферат дисс. на соискание ученой степени канд. фил. наук / Юнусова Гулчехра Саидовна. – Душанбе, 2016. – 22 с.

V. Статьи на научных изданиях:

143. Аҳадов А. Равияи танқидӣ дар лексикографияи тоҷику форс. // Забоншиносии тоҷик. - 1976. - С. 82-91. КУҶО ЧОП ШУДАГӢ
144. Битеева Т.И. Оиди тасҳеҳи мафҳумҳои лексикографӣ, Паёми ДДН. – Силсилаи таърих, филология. 2012. Ҷ.11, наشري 9.
145. Валиева, Ҳ. С. Сухане чанд доир ба луғатномаи «Сихоҳ-ул-фурс»-и Нахчувонӣ / Ҳ. С. Валиева, Ғ. Мирзоев // Вестник Педагогического университета. – 2023. – №. 5(106). – С. 58-66.
146. Дизфулиён Козим. Фарҳангнависӣ дар Эрон ва Шибҳи Қораи Ҳинд ва Покистон.//Пажӯҳишномаи улуми инсонӣ. - № 27. - 1379. – с.20-21
147. Гиёсов, Н. «Девон-ул-адаб»-и Форобӣ ва таъсири он ба фарҳангшиносии форсӣ-тоҷикӣ / Н. Гиёсов // Ахбори Донишгоҳи давлатии ҳуқуқ, бизнес ва

- сиёсати Тоҷикистон. Силсилаи илмҳои гуманитарӣ. – 2023. – №. 4(97). – с. 42-52.
148. Ғиёсов, Н. И. Оид ба масоили назарияви ва амалии тадвини фарҳангҳои энциклопедӣ / Н. И. Ғиёсов, Ф. Нуруллозода // Ахбори Донишгоҳи давлатии ҳуқуқ, бизнес ва сиёсати Тоҷикистон. Силсилаи илмҳои гуманитарӣ. – 2020. – No. 4(85). – с. 128-134.
149. Ғиёсов, Н.И., Оқилова М.А. Аз таърихи тадвини фарҳангҳои дузабонаи тоҷикӣ-русӣ ва русӣ-тоҷикӣ.// Ахбори ДДБҲСТ.-2013.- №4 (56) – С.226-232.
150. Ғиёсов Н.И., Низомиддинова Р.А. Истилоҳоти тиббӣ дар фарҳанги «Донишномаи Қадархон»// Вестник ТГУПБП. – 2016. - №2(67).- С.64-74
151. Додаров, О. Анъанаи шарҳнависи дастури забон дар фарҳангҳои тафсирии пешин ва аҳамияти забоншиносии онҳо / О. Додаров // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Бахши илмҳои филологӣ. – 2020. – No. 7. – P. 138-145. – EDN CSDHWZ.
152. Зоитова, М. М. Воҳидҳои луғавии марбут ба асбоби рӯзгор дар «Луғати нимтафсилии тоҷикӣ барои забони адабии тоҷик»-и С. Айнӣ / М. М. Зоитова // Вестник Педагогического университета – 2023. – No. 5(106). – P. 97-102. – EDN ZLQСMP.
153. Калонова, М.Ҷ. Хусусиятҳои лексикиву семантикии фитонимҳои ифодагари гиёҳҳо дар забони ғазали асри XIV / М. Ҷ. Калонова // Вестник института языков. – 2021. – No. 3(43). – P. 53-58. – EDN VHZLKM.
154. Калонова, М.Ҷ. Тобишҳои маъноию услубии фитонимҳои ашъори Камоли Хучандӣ, Ҳофизӣ Шерозӣ ва Салмони Соваҷӣ / М. Ҷ. Калонова // Вестник института языков. – 2021. – No. 1(41). – P. 19-25. – EDN YUMIRG.
155. Капранов В. Тоҷ-ул-масодир / Энциклопедияи советии тоҷик, ҷ.7 / В. Капранов. –Душанбе: СЭСТ, 1987. - С. 432.
156. Қосимова, М. Вожаҳои динӣ ва истилоҳоти тасаввуфӣ дар «Фарҳанги забони тоҷикӣ» / М. Қосимова // Ахбори Академияи илмҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон. Шӯбаи илмҳои ҷамъиятшиносӣ. – 2018. – No. 2(250). – P. 159-163. – EDN НОММРМ.

157. Қосимова, М. Номвожаҳои гиёҳу рустаниҳо дар «Фарҳанги забони тоҷикӣ» / М. Қосимова // Ахбори Академияи илмҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон. Шӯъбаи илмҳои ҷамъиятшиносӣ. – 2018. – №. 3(251). – Р. 183-189. – EDN XRVKCS.
158. Мамадназаров, А. Вижагиҳои шарҳи маъно дар фарҳангҳои муосири тафсирии забони тоҷики (1969, 2010, 2011) / А. Мамадназаров // Ахбори Донишгоҳи давлатии ҳуқуқ, бизнес ва сиёсати Тоҷикистон. Силсилаи илмҳои гуманитарӣ. – 2021. – №. 3(88). – Р. 121-130. – EDN FHZGXE.
159. Мирзоёров, Ф. Н. Шарҳи вожаҳои хуччатгузорӣ дар «Луғати нимтафсилаи тоҷикӣ барои забони адабии тоҷик»-и Садриддин Айнӣ / Ф. Н. Мирзоёров // Ахбори Академияи илмҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон. Шӯъбаи илмҳои ҷамъиятшиносӣ. – 2018. – №. 3(251). – Р. 152-158.
160. Назаров, Т. А. Номгӯи истилоҳоти бемориҳо дар соҳаи дандонпизишкӣ дар забони тоҷикӣ ва олмонӣ / Т. А. Назаров // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Бахши илмҳои филологӣ. – 2020. – № 2. – С. 75-79.
161. Нуруллозода, Ф. Истилоҳи фарҳангшиносӣ аз нигоҳи забоншинос В.Г. Гак / Ф. Нуруллозода, // Вестник Педагогического университета. – 2022. – №. 6-2(101). – С. 106-110.
162. Отахонова А. Масъалаи муайян кардани фонди воҳидҳои луғавии фарҳангҳои пешина. // Забоншиносии тоҷик. – Душанбе. -1977. - С. 91-101.
163. Саидмуроди, Х. Марҳилаҳои таърихӣ густариши забони тоҷикӣ дар асари «забони миллат-ҳастии миллат» / Х. Саидмуроди // Вестник Педагогического университета. – 2023. – №2(103). – С. 7-11.
164. Солиҳов, Н. Ҷ. Аҳамият ва зарурати фарҳангшиносӣ дар забоншиносии араб ва форсу тоҷик / Н. Ҷ. Солиҳов // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Бахши илмҳои филологӣ. – 2020. – №7. – С.121-128.
165. Султонов М.Б. Вожаву истилоҳоти илми нучум дар "Ат-тафҳим"-и Абурайҳони Берунӣ // Адаб, 1998, № 1-3; ҳамин муаллиф: Ташаккул ва тақомули истилоҳоти илмӣ форсӣ-тоҷикӣ. - Душанбе: Дониш, 2008

166. Сатториён, М. А. Мухтавои «Дебоча»-и «Фарҳанги Низом» ва арзиши лексикографии он / М. А. Сатториён // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Бахши илмҳои филологӣ. – 2022. – №. 9. – С.14-18.
167. Сатториён, М. А. Қайдҳои забоншиносӣ дар «Фарҳанги Низом» / М. А. Сатториён // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Бахши илмҳои филологӣ. – 2023. – №. 2. – С. 5-9.
168. Султонова, Г. А. Фарҳанги «Маҷмаъ-ул-фурс» ва хусусиятҳои лексикографии он / Г. А. Султонова // Вестник института языков. – 2022. – №. 4(48). – С. 92-101.
169. Ҳошим, Р., Ҳусейнзода, Ш..Донишномаи Қадархон ва аҳамияти он дар омӯхтани осори Рӯдакӣ ва мероси адабии мо/Рӯдакӣ ва замони ӯ. (Маҷмӯаи мақолаҳо). - Сталинобод: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1958.-С.209-222.
170. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Известия АН Союза ССР, 1940, №3. - С.89-117.
171. Юсуфов, А. И. Баъзе вижагиҳои услубии «Донишнома»-и Ҳаким Майсарӣ / А. И. Юсуфов // Авджи Зухал. – 2023. – №. 3. – с. 211-217.
172. Юсупов, А. И. Паҳлӯҳои лингвистии истилоҳ / А. И. Юсупов, М. К. Шодиматова // Авджи Зухал. – 2021. – №. 4. – Р. 165-171.
173. Юсупов, А. И. Роҳҳои ҳамгунсозии истилоҳоти тиббӣ дар забони тоҷикӣ / А. И. Юсупов // Авджи Зухал. – 2020. – №. 2. – Р. 112-116. – EDN USFPSA.

На персидском:

174. مجيد ملکان. فهرست مقاله های فارسی مربوط به فرهنگ نویسی. / زمیمهء شمارهء 14
 Мачид Милкон. Феҳрасти мақолаҳои форсии марбут ба фарҳангнависӣ.
 /Замимаи шумораи 14-и Номаи фарҳангистон. – Техрон, 1382, с. 20.
175. Киё Содик. Кӯҳнатарин дастнависи «Луғати фурс», нашрияи донишкадаи адабиёти Табрез, 1334, №3, сах.1-9. (ба форсӣ).
176. Сайид Муҳаммадхусайни Ҳаким. Қасидае навёфта аз Кисой.//Номаи фарҳангистон.- № 4, 1387.-С.56-67. (ба форси)

177. Хатибӣ Абулфазл. Нигоҳе ба фарҳангҳои «Шоҳнома» (аз оғоз то имрӯз]//Номаи фарҳангистон.- № 15.- 1379. Ба форси

На русском:

178. Аноятшоев, С. М. Структурно-смысловый и сравнительный анализ лекарственных растений - терминов шугнанского языка в сопоставлении с английским / С. М. Аноятшоев // Известия Академии наук Республики Таджикистан. Отделение общественных наук. – 2017. – № 2. – С. 140-146.
179. Баженова, Т. Е. Региональная лексикография: зоологическая лексика в тематическом словаре / Т. Е. Баженова // Вестник Самарского университета История, педагогика, филология. – 2020. – Т. 26, № 3. – С. 61-66.
180. Боровков А.К. К истории словаря «Мукаддимату-л-адаб» Замахшари/А.К. Боровков// Вопросы языкознания -М.: Наука, № 2. -1965. - С.148
181. Гак В.Г. О некоторых закономерностях развития лексикографии (учебная и общая лексикография в историческом аспекте) // Актуальные проблемы учебной лексикографии. – М., 1977. – С. 11-27
182. Герценберг Л.Г., Саймиддинов Д. Лингвистическая мысль и языковедческая практика в Иране в домонгольское время. /История лингвистических учений. Средневековый Восток. Отв.ред. А.В. Десницкая, С.В.Кац-нелсон и др. – Л-д: Наука, 1981.- С.96-104.
183. Гиясов Н.И. О взаимовлиянии арабской и персидско-таджикской лексикографии // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук. 2019. №3(80). С. 65–76.
184. Гиясов, Н. И. Реформатор традиции таджикской лексикографии / Н. И. Гиясов, Ф. Н. Гиясова // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. – 2017. – № 4(53). – С. 189-194.
185. Гиясов, Н. И. Из истории составления таджикско-русских и русско-таджикских словарей / Н. И. Гиясов, М. А. Акилова // Вестник Таджикского

- государственного университета права, бизнеса и политики. – 2013. – № 4(56). – С. 226-232.
186. Гиясов Н. И., Рустамов Ш. Р. Значение словарей в литературной критике // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. – 2012. – № 2(50). – С. 254-259.
187. Гращенко, Л. А. Алгоритм формирования словаря соответствий таджикских и персидских словоформ / Л. А. Гращенко // Доклады Академии наук Республики Таджикистан. – 2008. – Т. 51, № 5. – С. 339-345.
188. Додаров, О. М. Традиции грамматических комментариев в средневековой таджикско-персидской лексикографии и их лингвистическое значение / О. М. Додаров // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – 2022. – № 1(76). – С. 165-175.
189. Дзугаева, Е. Т. Особенности презентации лексики в современной русской лексикографии / Е. Т. Дзугаева // Lingua-Fniveksfm. – 2006. – № 2. – С. 21-40.
190. Ермакова, Т. Г. Номинации лекарственных растений и их репрезентация в новом словаре говоров Среднего Прииртышья / Т. Г. Ермакова // Диалектная лексика. 2013 / Институт лингвистических исследований РАН. – Санкт-Петербург: Издательство Нестор-История, 2013. – С. 125-129.
191. Илагаева, Г. О. Об истории создания "Толкового словаря русского языка" под редакцией Д. Н. Ушакова / Г. О. Илагаева // Textus. – 2014. – № 14. – С. 95-103.
192. Исматуллозода, Ш. Пути возникновения терминов и система языковой терминологии / Ш. Исматуллозода // Вестник Педагогического Университета. – 2018. – № 5-2(77). – С. 101-103.
193. Исмонов, К. Применение арабских терминов языковедения в персидско-таджикской поэзии / К. Исмонов // Вестник Таджикского национального Университета. Серия филологических наук. – 2018. – № 6. – С. 55-59.
194. Калонова, М. Д. Семантические оттенки фитонимов в таджикском литературном языке XIV века / М. Д. Калонова, Ш. Р. Шарипов // Биология и интегративная медицина. – 2021. – № 6(53). – С. 124-131.

195. Каримова, Д. Н. Тематическая классификация терминов кожно-венерических болезней в таджикском и английском языках / Д. Н. Каримова // Вестник Педагогического Университета. – 2023. – № 1(102). – С. 109-112.
196. Каримов, Р. С. Место астрономии в работах Ибн Сины / Р. С. Каримов // Вестник Педагогического Университета. – 2021. – № 5(94). – С. 103-111.
197. Каримуллина, Г. Н. «Толковый словарь русского языка» и особенности историко-этимологического комментария заимствований (на примере тюркизмов) / Г. Н. Каримуллина // Слово и текст в культурном сознании эпохи: сборник научных трудов, Вологда, 08–09 ноября 2012 года / Вологодский государственный педагогический университет. Том Часть 10. – Вологда: Легия, 2012. – С. 28-32.
198. Летова, А. М. Особенности функционирования фитонима 'дерево' в русских волшебных сказках / А. М. Летова // Вестник Московского государственного университета. Серия: Русская филология. – 2011. – № 6. – С. 67-73.
199. Малышева, Н. В. Эмоционально-оценочная лексика в общей теории лексической семантики и лексикографии / Н. В. Малышева // Вестник МГЭИ (on line). – 2020. – № 2. – С. 132-141.
200. Максименко, О. И. Словарь языка писателя и толковые словари литературного языка: системные и количественные соотношения / О. И. Максименко // Вестник Российского Университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2022. – Т. 13, № 2. – С. 307-322.
201. Мехрубон, Н. Смысловой оттенок слова «гул» («цветок») в газелях Камола Худжанди / Н. Мехрубон // Вестник Таджикского национального Университета. Серия филологических наук. – 2012. – № 4-5(94). – С. 132-136.
202. Мухин, А. А. Мухамад Муин и его вклад в лексикографию персидского языка / А. А. Мухин // Гуманитарные исследования. – 2005. – № 1(13). – С. 45-54.
203. Никитин О.В. Забытые страницы из истории отечественной лексикографии 1920-1940-х гг. // Русский язык в научном освещении. 2004. № 1(7). С. 195-228. [Электр. ресурс]: Образовательный портал «Слово». <http://www.portal-slovo.ru/philology/44346.php>.

204. Османова, Т. А. Лексикографический портрет имени прилагательного в современных толковых словарях / Т. А. Османова // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2010. – № 1. – С. 42-44.
205. Рахмонзода, Н.Д. Из истории становления персидско-таджикской лексикографии / Н. Д. Рахмонзода // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – 2017. – № 4-5. – С. 133-135.
206. Сатторова, М. Толкование персидских словарей с точки зрения Саида Мухаммадали Доиюлислама / М. Сатторова // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – 2015. – № 4-8(183). – С. 110-113.
207. Соегов, М. Из опыта составления толкового словаря тенгрианства (на материале туркменского языка) / М. Соегов // Язык: история и современность. – 2017. – № 3. – С. 72-93.
208. Султонов, М. Б. Формирование персидско-таджикской медицинской терминологии / М. Б. Султонов // Международный журнал экспериментального образования. – 2012. – № 9. – С. 81-83.
209. Фасхутдинова, Ю. Ф. К вопросу создания русско-башкирского толкового словаря терминов клинической психологии / Ю. Ф. Фасхутдинова, С. И. Галяутдинова // Филология: научные исследования. – 2014. – № 4. – С. 315-321. – DOI 10.7256/2305-6177.2014.4.13046.
210. Хусейнова, Г. А. Средства оформления словарной статьи в толковых словарях таджикского языка / Г. А. Хусейнова // Endless Light in Science. – 2022. – № 6-6. – С. 241-245.
211. Чеснокова, И. Д. Особенности лексикографии специальной современной русской астрономической лексики начала XXI в / И. Д. Чеснокова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета – 2022. – № 7(170). – С. 88-93.
212. Юсупов, А. И. Место индийских слов в формировании медицинских терминов таджикского языка / А. И. Юсупов // Вестник Педагогического университета. – 2021. – № 1(90). – С. 36-39.

На английском:

213. Nurullozoda, F. From the history of some Arabic-Tajik (Persian) bilingual dictionaries / F. Nurullozoda // In Situ. – 2023. – No. 8. – P. 42-45.
214. Reiss, H. CDKOM. Dictionary of terms used in reproductive medicine / H. Reiss // Human Reproduction Update. – 1996. – Vol. 2, No. 4. – P. 370. – EDN IPJTZX.
215. Day, Upendra Nath. Medieval Malwa: a Political and Cultural History, 1401-1562. - Delhi: Munshi Ram Manohar Lal, 1965. - 432 p.

VI. Интернет-сайты:

216. https://www.elibrary.ru/project_user_office.asp (дата обращения: 22.03.2017).
217. <https://www.twirpx.com/> (дата обращения: 10.08.2017).
218. <http://nlt.tj/> (дата обращения: 03.05.2018).
219. <http://kmt.tj/ru/> (дата обращения: 13.12.2018).
220. <http://www.kumitaizamon.tj/> (дата обращения: 17.07.2019).
221. <https://ketamnak.com/> (дата обращения: 14.02.2020).
222. <https://www.dissercat.com/> (дата обращения: 18.08.2020).
223. <http://dlim.ksu.tj> (дата обращения: 09.04.2021).
224. <https://www.scopus.com/> (дата обращения: 29.09.2021).
225. <https://pumlons.com/> (дата обращения: 15.05.2022).
226. <https://scholar.google.com/> (дата обращения: 13.06.2022).
227. <https://www.myendnotewem.com/EndNoteWem.html> (дата обращения: 20.07.2022).